

Тихий Коррибан

Автор: SaReeNa (<https://ficbook.net/authors/72928>)

Фэндом: Silent Hill, Звездные Войны, Сайлент Хилл (кроссовер)

Рейтинг: NC-17

Жанры: Ужасы, Ангст, Драма, Фантастика, Мистика, Дарк, Повествование от первого лица, AU

Предупреждения: Смерть основных персонажей, Насилие, Смерть второстепенных персонажей

«Зов Коррибана силен, но это – зов мертвых». Кто имел несчастье побывать на всемирно проклятой, безжизненной родине древних ситхов, тот столкнулся с иной реальностью, заставившей его пройти через все сильнейшие страхи, сомнения и заблуждения ради обретения истины. Три адепта Темной Стороны – у каждого из них была своя история, связанная с Коррибаном, но на мертвой планете неразрывно переплелись их судьбы.

Посвящение:

Памяти сэра Кристофера Ли (27 мая 1922 – 7 июня 2015)

Примечания автора:

Идея данного кросс-вера зародилась у меня довольно давно. Все началось со сновидений. По мотивам снов были сделаны небольшие текстовые наброски, а потом попавшаяся на глаза заявка и наличие заинтересованных читателей стали дополнительным стимулом сделать на их основе полноценное произведение. Коррибан был выбран местом действия практически сразу как мир, наиболее подходящий на роль аналога СХ в ДДГ. Для того чтобы совместить две настолько разные вселенные, пришлось использовать почти все известные мне источники. Сюжетные повороты, элементы, создающие атмосферу, фразы и записки, взятые из разных частей игры СХ, фильмов, книг и комиксов ЗВ, здесь смешиваются и переплетаются. Монстры были взяты также из различных частей игры, изменены под новую вселенную и дополнены оригинальными, при этом любое их появление не случайно и несет свой символизм. В ходе чтения лучше абстрагироваться от оригиналов и просто проникаться атмосферой написанного. Надеюсь, мне удалось передать дух туманной вселенной.

ЧАСТЬ 1

Дарт Мол:

Огонь разливается рекой, накатывает растущими пламенеющими волнами. Кругом так много огня и жара – даже больше, чем было на вулканическом Мустафаре. И почему-то я неподвижно стою в этом море пламени и не пытаюсь бежать, словно я выбрал такую участь. Только чувствую, как прикосновения огненных языков слоями снимают с меня кожу, и из моего тела истекают все жизненные соки. Но стою. И вглядываюсь в огонь, пока мои глаза не лопнули от вездесущего жара. За стеной пламени поднимается в рост черная фигура. Нечто приближается оттуда – антропоморфное, высокое, крепко сбитое, но словно закованное в тяжелые доспехи. Оно подходит так близко, что в клубящемся воздухе я все же отчетливо вижу: его броня сделана из толстого старого металла, покрытого слоем ржавчины и нагара, а кожа под доспехами сожжена до черноты, до жирного угольного блеска. Существо передо мной выглядит так, словно огонь – тот, что здесь повсюду, или какой-то иной – сплавил воедино его броню и тело. «Коррибан давно ждал тебя», - хрипло дыша, произносит черный монстр...

И я прихожу в себя. С полнейшим непониманием того, что со мной только что произошло.

Мне всегда казалось, что я знаю о Галактике все: все явления, все формы жизни, все гиперпространственные маршруты. Но у меня плохое предчувствие. Еще не войдя в гиперпрыжок, я ощущаю, что что-то не так. Хотя все системы звездолета исправны, а координаты заданы безошибочно. Точки становятся линиями. Пространство-время привычно изворачивается в замысловатом танце. И, как бы ни был сложен его закон, впереди всегда одна данность. Я покидаю Татуин и беру курс на Корусант. И тут чутье подсказывает, почему мне показалось, что не все так гладко. Я на своем звездолете не один.

Встав с пилотского кресла, я вижу сидящего в темном углу ребенка человеческой расы, возрастом около десяти стандартных лет. Как он смог попасть сюда? Как я его не заметил?

Какое-то время мы молча смотрим друг на друга. Я одарил его одним из своих самых пугающих взглядов, но мальчик не вздрогнул. Он смотрит на меня с гневом, с недетской жадой расправы. Я бы

никогда не поверил, что такой взгляд может быть у человеческого ребенка.

- Ну? – мой резкий выкрик все же заставляет его дернуться. Кажется, он осознает себя загнанным в угол и мнетя, не зная, что сказать.

- Ты убьешь меня? – спрашивает он. С вызовом, без страха.

- Еще не знаю, - отвечаю я с одолжением. – Объяснись. Что ты делаешь на моем корабле?

- Я хотел проследить...

- Поиграть в шпиона решил?

- Я хотел узнать, кто ты такой! – выкрикивает мальчик. - Ты убил моего друга! Но... но ведь никто не может... убить джедая!

Ничто не меняется в моем лице, когда он упоминает расправу над мастером Квай-Гоном Джинном, совершенную несколько минут назад:

- Может. Ты сам видел.

- Как ты это сделал? – в голосе ребенка слышны нотки страха и отчаяния.

- Думаешь, кто-то, могущественный настолько, чтобы убить джедая, так просто расскажет тебе, как это сделать?

И все равно этот человеческий отпрыск держится храбрецом. Сила... Я чувствую в нем Силу, и она невероятно велика. Что ж, понятно, как ему удалось прокрасться ко мне на борт.

- Я могу задать другой вопрос: почему? – не сдается он. - Зачем ты его убил?

- Кто ты такой, чтобы ставить вопросы, - гневно ставлю я его на место.

- Я человек, - гордо и обиженно заявляет мальчишка. – И мое имя Энакин.

Сила в нем велика – настолько, что это даже сложно описать. Нет, не по доброте душевной на этого раба обратили внимание джедаи. Я представить не могу, что теперь с ним делать.

Мне известно, что я еще не готов стать мастером, но если этот человеческий ребенок встретился мне сейчас... может, настало мое время взять ученика? Но я еще не превзошел своего учителя, и не имею права убить его. Начать обучать мальчика тайно, пока не придет время разделаться с Дартом Сидиусом? Я нарушу правила ситхов.

Рассказать о нем Сидиусу? Тогда мастер вполне может сам начать обучение человека, распалая между нами конкуренцию. Мне стоит сразу избавиться от потенциального соперника.

Или, может, на время оставить его на попечении дроидов, где-то на Мустафаре? Правда, он слишком взрослый, и такие меры будут иметь не те последствия.

Мустафар. Огонь...

Внезапно корабль трясет, и в этот момент что-то меняется. Меняется во всей реальности так, словно по сигналу невидимого переключателя Вселенной. Я только понимаю, что уже не правлю звездолетом, и даже, возможно, что он правит мной... и плевать, как это звучит, мои ощущения упорно говорят мне, что это истина! Однако все системы исправны. Я захожу в машинный отсек, чтобы убедиться в этом. И замечаю, что на стене отсека нацарапана надпись: «*Страдания*». Откуда она здесь? Я не наносил никакой надписи, а мальчишка никак не мог сделать ее на такой высоте! И проникнуть ко мне на борт, пока меня здесь не было, точно никто не мог! Откуда же взялось нацарапанное слово?

Не найдя ответа, я покидаю отсек. Мне приходится бежать, потому что корабль трясет снова. Я должен контролировать его, насколько могу. Я вижу, что полностью потерял управление и уже не знаю, куда направляюсь. Нет возможности выйти из гиперпрыжка, нет навигации... нет даже Силы! К этому я был готов менее всего.

Не в моих правилах оказываться в подобных ситуациях. Я никогда не чувствовал себя неосведомленным, потерянным, бессильным, подчиненным. Даже будучи заключенным самой жестокой тюрьмы Галактики. Кто угодно, только не я. Но сейчас, перед лицом Вселенной, задумавшей что-то свое, все попытки взять ситуацию в свои руки выглядят как нелепая, безрезультатная суета. Это все, что мне дано почувствовать – то, что происходит, вызвано и продиктовано Силой. И она не раскроет мне свой сценарий – по крайней мере, не сейчас.

Есть ли у меня повод не доверять Силе? Есть ли повод бояться? Осторожность всегда оправдана, страх – никогда. Я просто должен быть готов ко всему. Я должен...

Меня выбрасывает из затянувшегося гиперпрыжка. Так резко, что я теряю гипердрайв. Система навигации включается, и первым делом я определяю сектор. Эсстран. Ближайшая планета – Коррибан.

Накатывает непривычное чувство растерянности. Верить ли видениям, снам и предчувствиям?

Доподлинно известно лишь то, что без гипердрайва мне не достичь никакой другой планеты. Я вижу прямо по курсу мертвый красно-рыжий шар. Передо мной безжизненная планета, в прошлом колыбель цивилизации ситхов! В другой ситуации я бы счел за честь посетить ее, но совершать здесь аварийную посадку... Так или иначе, выбора у меня нет. «Ситхский Лазутчик» не протянет дольше. Мне придется приземлиться здесь, чтобы починить звездолет. Может, на том все и кончится.

С тем, как сокращается расстояние до планеты, ее почва теряет глинистый красный цвет. Все окрашивается в серый, словно там в мгновение ока собирается плотная, матово-пепельная облачность. Я приближаюсь к поверхности планеты и вскоре почти полностью теряю видимость – над почвой клубится невероятно густой туман. Приходится садиться практически вслепую.

Старая посадочная станция города Дрежде сохранилась в неплохом состоянии, приземление проходит успешно. Совершив его, я тут же отправляю голографическое сообщение учителю о том, что потерял управление и теперь оказался на Коррибане. Неизвестно, сколько времени мне потребуется на починку. Мне остается лишь надеяться, что Дарт Сидиус получит хотя бы отрывки послания и сможет понять, что произошло. Я не стану говорить ему, что со мной человеческий мальчишка, в котором я чувствую нечто... нечто необъяснимое. Словно Сила сосредоточена вокруг него.

Теперь мне предстоит обойти корабль и оценить полученные повреждения. Но проблемы следуют одна за другой. Мальчишка исчез. Видимо, он не так умен для своих лет, если решил прогуляться один по незнакомой мертвой планете. Коррибан ведь мертв... Или не совсем?

Я покидаю звездолет. Видимость по-прежнему нулевая, сквозь туман едва можно просмотреть что-то на расстоянии вытянутой руки. Я не сразу понимаю, что нечто сыплется с неба. Сухие, невесомые осадки. Я подставляю под них ладонь и вижу на черной коже перчатки крупницы пепла. Что это может значить? Масштабные пожары где-то на этой планете? Мне вновь вспоминается пламя, которое привиделось во время странного наваждения на Татуине. Возможно, это был знак от Силы. Мог ли я избежать всего этого? Или наоборот, я должен быть здесь?

Накинув капюшон и смахнув рукавом, насколько возможно, пепел с лица, я осматриваюсь. Мертвый город. Посадочную станцию обступают заброшенные грязные постройки, уставившиеся в пространство пустыми глазами черных окон. Тишина. Еще никогда я не сталкивался с такой тишиной. Если задержать дыхание, начинаю слышать, как с глухим звуком одно за другим сокращаются оба сердца, разгоняя кровь по моему телу. И даже при малейшем движении шелест одежды или скрип кожи перчатки кажутся невероятно громкими. Я стою, не шевелясь. Безветрие. Наклонившись ближе к земле, я бы, наверное, услышал, как на нее ложится пепел. Я вслушиваюсь. Я должен услышать малейшее движение. И найти этого странного мальчика.

До моего слуха доносится шорох. Кажется, из постройки рядом с посадочной площадкой. Я молниеносно бросаюсь туда.

Здание оказывается обычной уборной возле заправочного пункта, заброшенной годы и годы назад. Трещины и грязные потеки на облезлых стенах, ржавые умывальники и позеленевшие зеркала. И в этом помещении, к великому удивлению, я вижу человека. Впереди стоит высокий мужчина в плаще из армированной ткани и мундире. Он явно старше средних лет – на темных волосах и бороде проступает сильная проседь, лицо покрывают глубокие морщины. Кожа его впавших щек испачкана разводами засохшего пота. Одежда человека в пыли... точнее в пепле, как и моя, хоть я не так долго нахожусь в этом городе, где с неба падает серая зола.

Мужчина внимательно всматривается в мутное зеркало, разглядывая свое лицо, водит пальцами по линиям морщин. В конечном итоге он, пригладив волосы, выпрямляет спину и тяжело вздыхает. Его, кажется, совершенно не беспокоит мое присутствие. Не могу сказать, что меня волнует его судьба, но тот факт, что я встретил кого-то живого на безжизненной планете, заставляет задуматься о том, как долго этот человек здесь и как вообще оказался на всеми проклятом Коррибане. Однако он, все же заметив меня, опережает мои вопросы:

- Забрак, у тебя нет воды? Хотя бы немного. Жажда... до боли в горле.

- Нет, с собой не взял, - отвечаю я, и он, не оборачиваясь в мою сторону, вновь вздыхает:

- Прискорбно.

- Кто ты такой? – решительно вопрошаю я.

Человек, неоднозначно улыбнувшись, качает головой.

- По мне не скажешь, да... - начинает отвечать он, наконец, взглянув мне в глаза, - но я граф Серенно. Мое имя Дуку.

- Что ты делаешь на этой планете? – спешно задаю я следующий вопрос, пока он не спросил мое имя.

- Пытаюсь выжить, - нехотя произносит Дуку, явно оставляя какую-то недосказанность.

Необходимо разузнать, случайно ли граф Серенно оказался здесь или же намеренно, знает ли об истории планеты, знает ли о ситхах.

- Ты ведь в курсе, что на этой планете никто не оказывается просто так? – осторожно интересуюсь я.

- Ты тоже начинаешь понимать это? Видимо, здесь оказываются те, кто нужно, - его ответ столь двусмысленный, передо мной явно лучший мастер игры слов, чем я.

- И что здесь нужно тебе?

- Лучше спроси, что нужно Коррибану.

Он знает название планеты. Он понимает, что это за мир. И он чего-то недоговаривает.

Предполагаю, что далее граф Дуку определенно спросил бы мое имя, и на том разговор бы кончился, потому что двое живых незнакомцев, случайно встретившихся на планете, известной большинству жителей Галактики крайне дурной славой, не могут доверять друг другу. И, скорее всего, мне пришлось бы угрожать ему, чтобы выведать правду. Но ничего этого не происходит.

Шум, резкий свистящий треск прорезает воздух. Я выбегаю на улицу.

Мой комлинк фонит, словно кто-то глушит его. Я пытаюсь отключить его, но ничего не выходит. А в следующий миг...

Нечто набрасывается на нас. Из-за проклятого тумана невозможно нормально оценивать расстояния! И, к тому же, мои чувства подводят меня, что мне совсем не нравится. Мертвая планета задает свои правила игры, и, похоже, ей не важно, кто ты – джедай или ситх, граф Серенно или татуинский раб.

Но мои рефлексы по-прежнему верны мне. Едва из тумана появляется нечто – громадное, несуразное, ползущее на шести ногах, слепое – я выхватываю меч, активирую световые клинки и разрубаю это нечто на две части. Шестиногий силуэт на какое-то мгновение кажется мне знакомым – он напоминает одну малоизвестную модель

дроида, однако двигался противник, скорее, как живое существо, пораженное параличом, нежели как дроид.

Когда я подхожу ближе и рассматриваю труп, меня охватывает оторопь. Несмотря на то, что знаю, как свои пять пальцев, все формы жизни в Галактике и все ее технологии, я должен признать, что не видел ничего подобного прежде! По факту, это не форма жизни и не технология. Это какой-то чудовищный сплав из гнилой плоти, кое-где сбитой в нужную форму ржавым металлом. Его ноги будто сколочены из чьих-то отрубленных конечностей, но вся эта масса – отвратительно блестящая, вздувшаяся, расплывшаяся, серо-коричневого трупного цвета – не походит на останки ни одной известной расы.

Единственная ассоциация, которая всплыла в моем сознании, когда я увидел тень в тумане – TD-D9. Палач из моих детских лет, дроид, ломавший мои ребра... Сильный не ведает боли, но я вынужден признаться, что по какой-то причине моя голова просто раскалывается, когда я вспоминаю об этом.

Я пытаюсь разрезать труп, чтобы определить, что и как могло заставить двигаться эту кучу прогнившего мяса.

- Такого я еще не видел, - произносит Дуку, стоящий позади меня. – Хотя я встречал других, похожих... Не знаю, что сказать. Наверное, самое подходящее здесь слово – «монстр».

Мне не послышалось?! Он хочет сказать, что на этой планете не раз видел что-то подобное?!

Я тут же приставляю меч к его горлу:

- Что ты знаешь?!

Но Дуку непоколебимо, с определенным сарказмом смеется мне в лицо:

- Я знаю, что ты идиот. И что ты успеешь сотню раз пожалеть, что достал меч! Их привлекает свет. Особенно красный. И сейчас здесь все будет кишеть ими! Тьма наступает!

Последние слова он произносит без смеха, а с подлинной тревогой в голосе и взгляде. И мысль о его безумии, родившись в моей голове, умирает в ту же секунду. Небо планеты темнеет. Темнеет с невообразимой скоростью. На нас действительно идет полоса тьмы, и она изменяет все на своем пути. Покрытие сыпается с и без того одряхлевших стен зданий, обнажая ржавые каркасы.

- Уходи. В зданиях безопаснее, - быстро советует граф и бросается бежать. В тумане и надвигающейся черной мгле я тут же теряю его из виду.

Я один в темноте.

И где-то здесь этот мальчик с Татуина. Его имя... Энакин? Кажется, так. Обычно имена для меня ничего не значат, но если я хочу его найти, лучше вспомнить. Я чувствую, что должен его найти.

Темнота не может испугать воина Темной Стороны. Пусть даже я не нахожу никакого рационального объяснения принесенному ею явлению – внезапному изменению облика заброшенного города. От части зданий остались одни ржавые остовы, за решетками некоторых окон бушует пламя. Временами кажется, что кто-то корчится в этом пламени, но я склонен считать, что это иллюзия, искажение формы из-за раскаленного воздуха. Я бесшумно ступаю между обшарпанными, черными, словно после стихийных пожаров, стенами и вслушиваюсь в тишину, вглядываюсь в темноту. И замечаю какое-то движение в подворотне. Кто-то шмыгнул за угол, туда бегу и я. Но оказываюсь в крошечной темноте, и снова ничего не слышу. Ни один из органов чувств не дает сигнала о том, что здесь может находиться нечто живое. Так, может, мне просто показалось? Решая осмотреть место, но, не имея иного источника света, я активирую меч. В красном свете видны решетки, несколько слоев ржавых решеток с трех сторон, с четвертой, по правую руку от меня высится черная стена, на которой старательно и четко вырезана надпись:

«Слушайте! Истина в молчании. Вы все знаете, что Я есть Тот. И предначертано, что Тот будет Я. Таково есть ваше проклятие! Я принесу горькое возмездие вам, и вы будете испытывать мой гнев вечно. Красота губительного цветка и последние судороги умирающего – вот мои благословения. К чему бы вы ни взывали, все есть Я, в месте, где царит тишина».

Я не в том расположении духа и не в той ситуации, чтобы задумываться над этими странными словами. Ничто не должно отвлекать мое внимание, когда я силюсь разглядеть или услышать малейшее движение. Но я не долго остаюсь в тишине – комлинк снова начинает фонить. Может, мне пытается ответить учитель? Черт, мне нужна связь! Но ни разобрать слов, ни выключить этот визгливый треск не выходит. И, кажется, что-то прошмыгнуло впереди за решеткой. Место, куда я зашел, оказывается просто проклятым лабиринтом старых железных заборов, из которого во

мраке сложно обнаружить выход. Световой меч почему-то не режет их металл! Когда я захожу так далеко, что рискую не вспомнить дорогу назад, путь вперед оказывается перекрытым. Между двух проржавевших заслонов растянута колючая проволока, множество раз перекрещенная и спутанная, на остриях которой висят кровавые куски рваной плоти. Я медленно оборачиваюсь, идя вдоль решеток в поисках иного выхода, и неожиданно почти вплотную сталкиваюсь с тем, что сидит на заграждении. Это не очень крупное существо, очертанием похожее на ящерицу, но того же мерзкого трупного цвета, что и убитый мною здесь монстр, с прогнившей чернеющей пастью и слепыми глазами, сочащимися гноем. Оно издает высокий резкий крик, похожий на визг ребенка, которому причиняют боль. А затем плюет. Рефлекторно я тут же отсекаю монструозной ящерице голову, после чего смотрю на рукав накидки. Тварь выплюнула едкое вещество, которое быстро разъедает плотную одежду. Если бы оно попало на кожу...

Я убираю световой клинок и сбрасываю накидку. И тут же чувствую, что в темноте на меня прыгает множество таких же тварей. Из-за шума, издаваемого комлинком, я не слышу их движений. Мой личный, особенный световой меч теперь – просто стальная палка, которой мне удастся прибить часть цепких «ящериц», остальных я ловлю на себе и давлю руками, а покончив с ними, поспешно стягиваю перчатки, которые тут же начинает разъедать их слюна. Мне повезло. На кожу не попало ничего. Но все это рождает воспоминание...

Динко. Я не смог бы никогда забыть, как мой учитель запер меня в комнате, где этих плюющих ядом зубастых рептилий была тьма. Мне кажется, от одного лишь воспоминания об этом мои глаза снова слезятся от нестерпимого жжения, и у меня снова болит голова. Хорошо, что хотя бы комлинк отключился и перестал издавать мерзкие высокочастотные хрипы.

Я беру себя в руки. Насчет света этот граф Дуку оказался прав. Мне нужно иное оружие. Осторожно, короткими перебежками я бегу назад, к своему звездолету, но внезапно останавливаюсь у посадочной площадки, словно мои ноги приросли к земле. Я не могу пошевелиться, и еще ни одно зрелище в жизни не шокировало меня настолько! Вместо великолепного «Ситхского Лазутчика» я нахожу лишь его ржавый остов, словно он приземлился здесь сотни лет

назад, и коррозия почти полностью сожрала его! Что, будь оно все проклято, здесь происходит?!

К счастью, в руинах корабля мне удастся найти в сохранности свой вибронож и тускенскую винтовку, которую я прихватил как трофеем с Татуина, а также ампулу био-бакты. Неисправный комлинк решаю выкинуть, если уж от него не будет толку – не хотелось бы, чтобы его шум привлек ко мне ненужное внимание.

Я возвращаюсь на улицы города, стараясь избегать открытых пространств и двигаясь как можно тише. Ржавые решетки и окровавленная колючая проволока с клочьями чьей-то кожи повсюду – в окнах, вокруг зданий, в узких проулках. А что за решетками? Кожа и плоть, растянута на стальных каркасах? У меня нет времени рассматривать это. Важно лишь то, что они сужают круг мест, где можно было бы спрятаться. Только успев подумать об этом, я замечая Энакина. Он тоже видит меня и бросается бежать. Я удерживаюсь от выкрика с требованием остановиться и молча преследую его. За поворотом очередного закопченного здания, увидев тупик, мальчишка сворачивает в сторону и по ступенькам вниз бежит в подвал. Мне ничего не остается, кроме как следовать за ним в неизвестность, хотя меня это не пугает. Я останавливаюсь перед дверью, которая захлопнулась за Энакином, пинком открываю ее – и не вижу мальчика. Зато моему взору предстает нечто другое, что вновь способно удивить меня. В подвале на крюках висят свежеразделанные туши. Вероятнее всего, райкрыты, но вопрос в том, кто мог в этом покинутом, опустошенном мире освежевать мясо, еще и в таком количестве? Я иду между двумя рядами туш на крюках, вглядываюсь в темноту, но не вижу мальчика.

- Энакин!

Звук моих шагов по полу из жирных, покрытых потеками мясных соков, ржавых железных листов разносится по подвалу неумолимо громко. Но вдруг я перестаю слышать собственную поступь и чувствую жар, поднимающийся снизу. Грязные металлические листы сменяются решеткой, под которой горит огонь. После темноты яркое пламя причиняет боль глазам и не дает четко рассмотреть происходящее, но там, внизу, среди огня стоит кто-то в черном капюшоне. Мою голову по какой-то причине снова пронизывает острая боль.

- Учитель? – с призрачной надеждой роняю я.

Нечто поднимает голову – точнее, трехгранный пирамидальный стальной шлем, накрывающий какое-то месиво плоти и красно-коричневых складок кожи, что, очевидно, служит ему головой. Это очередной «монстр», высоченного роста, но сгорбленный, с неестественно выпирающими суставами рук и обвисшей морщинистой гниющей кожей. Под его ногами находится гора изуродованных трупов разных рас, и он окровавленными по локоть руками достает сердца из их тел. Я понимаю это, когда безглазая проржавленная пирамида необъяснимым образом глядит на меня, а рука твари сжимает чье-то сердце. И тут в мгновение ока монстр поднимает огромный, покрытый коркой запекшейся крови, кривой нож, легко и резко пробивает решетку подо мной и испаривает мою правую ногу. Я не успеваю почувствовать боли, когда отступаю назад и падаю навзничь. Мне нужно встать, но я не могу. Только слышу режущий слух стальной скрежет вниз и тяжелую поступь – тварь идет, волоча за собой свое несуразно огромное оружие. Я, преодолевая нахлынувшую боль, становлюсь на колени и собираюсь хоть ползком, но добраться до двери отсюда, но на пути своем вижу Энакина.

- Смотри, - произносит он и разводит руки, - я горю!

И его тело действительно охватывает пламя, охватывает яростно в один момент, но мальчик не кричит, даже не меняется в лице, а продолжает стоять, раскинув руки, и смотреть мне в глаза таким строгим взглядом...

Я прихожу в себя. Кажется, снова иллюзия, отвратительное видение - из тех, что посещают меня в последнее время. Я лежу на спине у двери заброшенной кантины, на которой еще сохранился рекламный плакат: *«Жареное мясо – твой лучший выбор! Доставка на дом»*. Из помещения слышится музыка, хрипящая старая песня:

Увидимся на Темной Стороне,

Мы увидимся на Темной Стороне...

Я собираюсь встать и открыть дверь, но чувствую боль, совершенно реальную и достаточно сильную. На правой ноге действительно остался глубокий, кровоточащий порез! Рационального объяснения у меня больше нет.

Не обращая внимания на рану, я встаю и захожу в кантину. И в затхлой забегаловке, за пыльным столом снова вижу графа Дуку. Он старательно протирает платком от пыли стакан, на столе перед ним стоит старая бутылка вина. А рядом сидит, беззаботно болтая ногами,

Энакин, и никто из них вновь не обращает на меня никакого внимания.

- Вино здесь безопаснее воды, - произносит Дуку, взглянув на мальчика. - Спасибо, что принес, Эни. Хорошо, что в подвалах «Пьяной Стороны» действительно остались кое-какие запасы.

- У нас на Татуине так мало воды... - задумчиво отвечает ему Энакин, - А я мечтаю увидеть море. На твоей планете есть море?

Граф улыбается в ответ:

- Океан.

- Что тут происходит? – не выдерживая этого зрелища, так сильно контрастирующего со всем, с чем здесь пришлось столкнуться, срываюсь я на крик. Но оба посетителя недеятвующей кантины просто молча смотрят на меня.

- Что ты знаешь про эту Черную Пирамиду? – подойдя ближе, обращаюсь я к Дуку.

- Какую еще черную пирамиду? – ровным тоном переспрашивает граф. Мне слабо верится, что он действительно ничего не знает. Он хочет зачем-то выставить меня безумцем? После того, что видели мы оба у заправочного пункта?

- Я говорю о монстре! Я столкнулся с ним в подвале. Нужно доказательство?

Я опираюсь правой ногой на стол и раздвигаю пальцами разрезанную одежду, чтобы он мог увидеть мою кровавую рану. Граф недовольно кривится и отводит взгляд:

- Ну ты бы еще плюнул мне в стакан! Тебя что, риики воспитывали?

Мне трудно сохранять самообладание. Мне кажется, что если Дуку не захочет раскрывать карты, я не смогу никакими методами заставить его это сделать, но, тем не менее, не оставляю попыток:

- Ты сам знаешь, что тут творится! И наверняка знаешь, что на складе этого заведения откуда-то взялось свежее мясо!

- Мясо несвежее. Ему уже много дней, его едят черви, - сообщает он, с омерзением дернув головой.

- Я видел его только что. Мясо с кровью! Но даже если нет, тебя не удивило, что кто-то заготовил мясо? На планете, где нет разумной жизни уже тысячу лет?!

Человек с тем же показным безразличием отмахивается:

- Мне все равно. Мясо не кусается.

- А монстр?

- Мальчик не видел там никакого монстра.

- Ты не хочешь понять...

- Я хочу пить, - властно перебивает меня граф. Я замолкаю. Все это бесполезно.

Дуку вздыхает и наливает себе вина. Вдруг он роняет бутылку, отталкивает стакан и, вскочив, пятится от стола.

- Что ты такого увидел? – интересуюсь я. Передо мной просто разбитая бутылка и разлитое на пыльном полу вино.

- Не твое дело, - бросает человек, и его передергивает. Он чувствует отвращение. Сильное отвращение.

У меня нет сомнений, что Дуку прекрасно понимает, о чем я говорю, и видит странные вещи здесь, как и я. Что только за причина может быть у него молчать об этом? Хотя, может, это и не так важно, у нас разные дороги, и я вполне могу идти своей без его ответов.

- Энакин, - окликаю я ребенка, - ты идешь со мной!

Но мальчишка явно не желает следовать моему требованию.

- Кто ты такой, чтобы мне приказывать?! – получаю я дерзкий ответ.

- Тот, кому сейчас принадлежит твоя жизнь. Хочешь жить – иди сюда.

- А ты заставь! – смело огрызается ребенок.

Я вновь одариваю его грозным, пугающим взглядом, вынося предупреждение, которое должно его встревожить:

- С огнем играешь...

- Ты пробовал когда-нибудь не угрожать, а спокойно разговаривать? Знаешь ли, помогает, - иронизирует Дуку. Не хватало только его вмешательства в эту ситуацию! Энакин вскакивает из-за стола и пытается спрятаться за высокой и достаточно крепкой фигурой графа Серенно.

- Ты злой! – обиженно произносит мальчик, оглядываясь в мою сторону.

- Ну да, я злой. Зато граф добрый, - издевательски пытаюсь отплатить я той же монетой скрытному человеку, который что-то темнит. - Вот, при нем ты снова раб. Носишь ему вино из подвала с монстром...

- Это ты монстр! – отчаянно восклицает Энакин. - Зачем ты убил джедая?

- Для моего учителя, - сухо отвечаю я.

- Потрясающее объяснение, - снова саркастично усмехается Дуку.
– После этого он точно пойдет с тобой.

- Послушай! – пытаюсь я обратить на себя внимание мальчишки и заставить его пропустить мимо ушей замечание графа. - Если твой джедай учил бы тебя и сказал бы тебе убить кого-то - ты бы это сделал?

- Да ну вас! – отчаянно выкрикивает Энакин и бросается наутек. Я наверняка заставил бы его пойти со мной, нашел бы аргументы, если бы Дуку не лез в это дело. Можно предположить, что у него есть свой интерес, что он знает, что такого особенно в этом ребенке. И тогда совершенно ясно становится, что на Коррибана граф не только лишь «пытается выжить».

Однако он никак не реагирует на то, что мальчишка сбежал. Да, у него отменное самообладание. Не говоря ни слова человеку, я тороплюсь уйти, намеренно хлопнув дверью. Может, Энакин еще не успел уйти далеко.

Улицы Дрешде обрели более привычный вид серых обветшалых построек. Плотный туман вновь мешает видимости и осадки из пепла продолжают укрывать рыжую почву. Нет, найти кого-то в таких условиях, да еще и будучи отрезанным от Силы, кажется невыполнимой задачей. Если только существует что-то невыполнимое для ситха.

Уйдя достаточно далеко от кантины, я сажусь на побитые ступени некогда жилого здания, чтобы обработать рану. Стена разрисована беспорядочно густо разбросанными схематичными изображениями глаза. Множество глаз разного размера нарисованы черной краской, а в центре между ними выведена надпись: *«Исследование»*. Это несколько странно, но мое дело не рассматривать стены. Первоочередная задача - позаботиться о себе. Я накладываю на рану био-бактерию толстым слоем, несколько раз, истратив всю ампулу, но ни малейшего облегчения не наступает. Оторвав кусок ткани от ситхской робы, я перевязываю ногу и собираюсь продолжить поиски странного мальчика. Тишина вновь сбивает с толку – едва я выхожу на дорогу, меня атакует очередная тварь. Высокая полуразложившаяся фигура, явившаяся из тумана, смутно напоминает заключенного гуманоидной расы. Его грязно-желтый в трупных пятнах торс покрыт рваными ранами, местами на теле видны врезавшиеся и вросшие в плоть куски колючей проволоки. Черты «лица» скрывает проржавленная металлическая конструкция,

пробивающая голый череп толстыми штырями, закрывающая врезанными в глазницы пластинами глаза и в неестественном оскале растягивающая рот, из которого на голый торс и грязные штаны постоянно стекает кровь, капая на землю с вываленного языка, болтающегося между несмыкающихся челюстей, при каждом шаге. Руки монстра вытянуты, деформированы обмотавшими их массивными старыми цепями, которыми он и пытается наносить удары. Память о тюрьме вновь отдается в голове болью. Ни эта боль, ни ранение не влияют на то, как я работаю виброножом, расправляюсь с закованным в цепи чудовищем и стараюсь бесшумно, почти не дыша, неспешно двигаться дальше, в неизвестность, сокрытую в плотном тумане. Едва на пустынных улицах замечаю новый темный силуэт, я атакую первым, стараясь максимально рассчитать расстояние и силу, чтобы покончить с тварью одним ударом. И, чудовищно медленно крадясь вперед, я вижу этих тварей в тумане снова и снова. Как много монстров-«заключенных» мне приходится одолевать! Почему я вообще должен вспоминать ту проклятую тюрьму?! Я одержал победу и разорвал оковы – что еще? Я сражаюсь, прибегая ко всей выдержке и осторожности, на какую способен, чтобы не растрачивать убывающие силы и не создавать шума. И все же я замечаю, что на пепельной земле за мной остаются кровавые следы.

В тумане появляется очередная тень, и я, сжимая нож с готовностью нанести удар, бросаюсь вперед, и только в последний момент успеваю остановиться, заметив, что передо мной не монстр, а немолодая женщина в странных красных одеяниях. Голова ее покрыта капюшоном, ее лицо бледно до сероватой белизны, вокруг глубоко посаженных глаз чернота, черны и тонкие, будто неживые губы. Я слышал о датомирских ведьмах – Сестрах Ночи, и судя по всему, это одна из них.

- Проклятье! – выкрикиваю я, тяжело дыша.

Ведьма ничего не отвечает, также пытаюсь привести в норму дыхание. Не удивительно после того, как из тумана на нее выпрыгнул кто-то, кто ее едва не зарезал. Видела ли она монстров? Это пока остается вопросом.

- Паршивая случайность, - произношу я вместо извинения.

- Может, не такая уж и случайность, - отвечает датомирка, внимательно рассматривая меня. - Мое имя Талзин. И я ищу своего сына.

Я подозрительно кошусь на нее:

- Здесь, на безжизненной планете?

- Я точно знаю, что он здесь, - уверенно настаивает Талзин, и, похоже, она не врет. - Я чувствовала.

- Как знаешь, - бросаю я и собираюсь уходить, когда за моей спиной ведьма добавляет:

- Его имя Мол.

После такого совпадения мне совсем не нравится то, как меня разглядывала Сестра Ночи. Я не знаю своих корней, конечно, но чтобы я мог быть в родстве с этими?... Сам уклад их общества кажется мне отвратительным и неправильным в корне. Не оборачиваясь, чтобы она вдруг не могла уловить даже тени моего негодования, я как бы между делом холодно интересуюсь:

- Разве это имя не иридонийское?

И слышу за спиной короткий смешок:

- С каких пор оно стало иридонийским? Иридонийцы называют себя в честь животных, а тут... имя, взятое, скорее, от инструмента.

Этого не может быть! Просто не может быть! Но я больше не поизношу ни слова. Я должен уйти. Надеюсь, ее здесь сожрет или заколет какая-нибудь разлагающаяся заживо тварь, и тогда ее слова точно не будут иметь никакого значения. Была – и нет. Словно и не было.

- Ты уйдешь? – спрашивает Талзин.

Я не сбавляю скорости ходьбы:

- Да. У меня свои проблемы.

- Но ведь... что-то не так с этой планетой, да?

Конечно, не так. Но разбирайся сама, ведьма. Ты мне никто.

- Как твое имя, забрак? – кричит она вслед. Я прибавляю шаг.

Нога продолжает кровоточить и мешать мне сосредоточиться из-за тупой пульсирующей боли. Мне все сложнее быстро идти и уж тем более обороняться. Даже дышать стало труднее, и черная роба пропиталась горячим потом. Я ненавижу слабость, ненавижу ее больше всего на свете! Но мне некуда от нее здесь деться! Нужно что-то предпринимать, нужно позаботиться о себе. Может, я найду хоть какие-то средства первой помощи в госпитале Дрешде. Туда и дорога. Нужно дойти, нужно справиться.

Фасад здания госпиталя ничем не выделяется среди других серых одряхлевших строений с потеками ржавчины на стенах. Но его темные помещения находятся далеко не в таком выраженном

запустении. Здесь нет вековой пыли, ржавые койки накрыты относительно свежими, хоть и мятыми, и покрытыми пятнами неотстиравшейся крови простынями, а оборудование и отключенные дроиды вообще выглядят как новые, хоть и валяющиеся здесь без применения под ободранными стенами. Мне нужен план здания. В помещении, где он мог бы быть – с погруженными в ошеломляющий беспорядок рабочими местами нескольких специалистов – на столе под стеклом я рассчитываю найти его, но вместо плана госпиталя вижу листок, отрывок из чьего-то дневника с коротким текстом и рисунком цветка, похожего на желтый рог:

«Цветок беспамятства. Наиважнейший компонент белого экстракта - атрибута Багровой Церемонии. Я научился правильно собирать его и уже начал проводить опыты с его соком. Увы, организм битха не вынес этого. Мне нужен представитель более выносливой расы, чтобы я мог продолжить. Мой ученик обещал предоставить мне такого».

Мне ни о чем не говорят эти отрывки фраз, но по какой-то причине голова опять раскалывается. Впрочем, может, виной тому потеря крови. Где может быть чертов план здания? Я начинаю обыскивать помещение, но мне попадается очередной отрывок чьих-то записей, уже сделанных явно другой рукой. *«История болезни 11240»*, - сообщает заголовок. Мне начинает казаться, что эти цифры что-то значат, хотя я тут же отмечаю такую мысль, как бесполезный бред. И, тем не менее, что-то заставляет меня прочесть отрывок документации:

«...Нам удалось выпытать у него всего одну фразу касательно того, что его тревожит: «Черная пирамида». Было ли это описание галлюцинаций испытуемого или же образ, ставший костяком его бредовой фабулы, нам еще предстоит выяснить. Он продолжает страдать от нарушений сна и кошмарных сновидений, кричать, уставившись в пространство, и метаться по палате в поисках выхода. Галлюцинации начинаются с наступлением темноты и на какое-то время оставляют его под утро. И все равно даже в светлое время суток испытуемый неконтактен, враждебен, предпринимает необдуманные попытки вырваться и сбежать».

Пятнадцатый тест. Состояние испытуемого ухудшается. Галлюцинации стали появляться гораздо чаще, он сильно возбужден и может быть опасен для других и для себя. При попытках

зафиксировать его испытываемый порвал несколько смиренных рубашек.

Шестнадцатый тест. Реакция на введенное вещество критическая. Затруднение дыхания и аритмия повлекли за собой остановку обоих сердец. Инъекции адреналина прямо в сердца не дали эффекта. Испытуемого спасло только вскрытие грудной клетки и прямой массаж основного сердца. Принято решение приостановить тесты до улучшения его самочувствия после хирургического вмешательства.

Семнадцатый тест. Выраженной реакции на введенное вещество долгое время нет. Вечером у испытываемого случается несколько приступов рвоты кровью. Обследование на наличие язв и эрозий в пищеварительном тракте не проводится.

Восемнадцатый тест. Выраженной реакции нет. Испытуемый выглядит крайне истощенным. Не ориентируется в реальности. Кровоточат слизистые. Выпало несколько зубов...».

Описание каких-то экспериментов. Оно рождает во мне отголосок тревоги, который почти полностью заглушает головная боль, и я благодарен ей за это. Здесь упомянута черная пирамида! Хотя я лишь условно для себя назвал так ту высокую горбатую тварь в трехгранном шлеме, а что именно видел упомянутый «испытываемый», неизвестно никому. И почему еще у меня есть некая уверенность, что тесты проводились на ком-то, кто был моей расы? У цереан, например, тоже два сердца. Не обязательно это был брак. Да и расовая принадлежность никогда не имела значения для ситха. С чего вообще я думаю обо всем этом?

За спиной раздается металлический скрежет. Я оборачиваюсь, схватив в руки тускенскую винтовку и передернув затвор. И снова не монстр, а женщина. Женщина человеческой расы, открывшая дверь и застывшая как вкопанная на пороге. Она чем-то похожа на надзирательницу «Улья Шестерни 7». Но я ведь точно знаю, что Садики Блирр не выжила, когда тюрьма была уничтожена. Может, просто воспоминания о месте добровольного заключения еще настолько свежи, что я склонен принять за надзирательницу любую черноволосую людскую женщину. Судя по одежде, эта незнакомка – медик. Вид у нее крайне измученный, лицо ее имеет ненормальную для человека бледность, что заметно даже мне, представителю иной расы, а под покрасневшими глазами темнеют синяки. В ее руках потрепанные листы бумаги.

- Вы?... – она так уставилась на меня, словно мы друг друга знаем. И в то же время в ее глазах есть страх.

- Мы не можем быть знакомы, - констатирую я, - я ни разу в жизни не лежал в больнице.

Женщина глубоко вздыхает и облакачивается плечом о стену, словно усталость вот-вот свалит ее с ног.

- Я понимаю, - тревожно дыша, начинает с запинаниями отвечать она. - Я занята в такой области медицины, о которой каждый хотел бы забыть. Главное, что Ваше самочувствие удовлетворительно.

Неужели я похож на кого-то из ее пациентов? Просьба женщины подтверждает эту догадку:

- Вы... не отдали бы мне эти записи? – она указывает на отрывок из истории болезни, который я держу в руках.

Она имеет отношение к описанным опытам, которые, вероятнее всего, проводились над представителем моей расы. Может быть даже так, что для этой определенно незаконной деятельности была выбрана безжизненная планета, на которую мало кто дерзнет сунуться. Область медицины, о которой каждый хотел бы забыть? Психиатрия? Уж с кем-то из деятелей этой науки мне точно не хотелось бы связываться.

- Нет, - отказываюсь я отдавать врачу записи.

- Отдайте их, прошу! – срывается она на отчаянный крик, протягивая ко мне дрожащие руки. - А если нет, сожгите их!

Что за неадекватность? Почему эти бумаги могут так много значить?

- Зачем? Как будто сожжение документа что-то изменит.

Женщина отвечает быстро, совершенно не думая, а ее глаза смотрят сквозь меня, неподвижно, отрешенно, безумно:

- Может, тогда он прекратит преследовать меня...

- Кто «он»? Пациент, на котором Вы ставили опыты?

- Не спрашивайте меня, - врач отводит глаза. - Сожгите эти записи, - повторяет она, когда уходит, опустив голову и шатаясь от сильной усталости или нервного истощения, - прошу Вас.

Я не преследую ее. Эти врачебные тайны – не мое дело.

В конце концов, отыскав план госпиталя в здешнем беспорядке, я собираюсь добраться до операционной. Там больше всего шансов обнаружить хоть какие-то медикаменты. Я покидаю помещение, поднимаюсь на верхний этаж и иду по коридору, в котором постепенно все сильнее сгущается мрак, но, тем не менее, на стенах с

растущей частотой попадаются нацарапанные надписи. Они повторяются, одни и те же слова, всего два слова: «*Исследование*» и «*Страдания*». Вскоре стены становятся просто сплошь покрытыми царапинами разного размера, кое-где накладывающимися друг на друга: «*исследование страдания Исследование Страдания ИССЛЕДОВАНИЕ СТРАДАНИЯ...*». Сколько раз я уже прочел одно и то же, и зачем?! Головная боль становится невыносимой. Я резко отворачиваюсь от стены и прямо перед своим лицом во тьме вижу безликий комок расплывшейся влажной гнилостно-коричневой плоти. Я отступаю, но тварь движется на меня, двуногая, не имеющая рук, словно они завернуты в какой-то раздувающийся кокон из мертвой кожи, омерзительное подобие смирительной рубашки. Существо движется медленно, и от него можно было бы просто уйти – думаю я, и тут его кокон раскрывается, как вертикально смыкающаяся пасть, и из него с хрипом вырываются тошнотворно зловонные испарения. Я отскакиваю за угол, вскидываю винтовку и пристреливаю монстра, но тут же сталкиваюсь с несколькими такими же в совершенно темном и тесном отрезке коридора. Дышать становится труднее, подступает непреодолимый кашель. Я хватаюсь за ручку ближайшей двери и отворяю ее в надежде, что хоть свет из окна помещения вырвет что-то из темноты, но тщетно. Видимо, окно заложено, если оно вообще было там когда-то. Мне приходится активировать меч, чтобы покончить с этим, порезать обступивших меня тварей на куски. Но даже этим оружием, ставшим за годы продолжением моей руки, сложно управляться, когда не хватает воздуха. В груди разливается жгучая боль. Наконец, справившись с последним монстром, я отступаю в открытые двери палаты, пусть и с заложенным окном, лишь бы подальше от кучи разящих несуразных трупов. Приступ кашля не затихает, я начинаю чувствовать во рту вкус крови. А после только тьма...

Мне неизвестно, сколько времени я пролежал без сознания. Но когда я открываю глаза, то уже не вижу кромешной темноты. Это то же помещение? На окне с мутным стеклом решетка, сквозь нее видна темная улица, в окнах здания напротив просматриваются красные стены, какие-то ржавые металлические конструкции и что-то синюшно-бледное, бесформенное среди металла – почему-то на ум приходят только фрагменты изуродованных тел. Наступила Тьма? Смена реальности? Я прекрасно понимаю, что это никакое не объяснение. В моей руке сложенная карта госпиталя. Если я

правильно оцениваю свое местонахождение, то операционная находится просто напротив. Я встаю на ноги. Это стоит мне все больших усилий. Но главное, что все мое оружие при мне. Я выхожу в коридор, стены которого теперь выглядят почти полностью разрушенными, с обнажившейся арматурой, и местами имеют блестящий красный цвет, словно сочатся кровью. Их, будто корни какого-то ползучего растения, опутывают черно-коричневые сосуды, срастающиеся в клубящиеся пульсирующие узлы, в центре каждого из которых находится что-то круглое, желеобразное, желто-белое, наиболее похожее на ослепший глаз. Самой разной величины «глаза» разбросаны и по стенам операционной. Все оборудование в помещении покрыто засохшей кровью или ржавчиной. В итоге окружающая обстановка с уставившимися на тебя сквозь бельма чудовищными глазами, торчащими со всех сторон ржавыми иглами и окровавленным столом в центре, пожалуй, имеет право называться самым неприятным местом из всех, что я повидал. Хотя оно имеет очень выраженное сходство с медблоком тюрьмы «Улей Шестерня 7». Это просто чертово дежавю, словно я был именно здесь, только лишь с той разницей, что тогда не было еще ни ржавчины, ни крови!

Внезапный грохот заставляет меня развернуться и выхватить нож. Я вижу перевернутый операционный стол, за ним что-то движется, но я надеюсь остаться незамеченным. Еще один бой точно вымотает меня до крайности – даже после месяца в жестком режиме выживания на пустынной планете на Дальнем Рубеже я не чувствовал себя так паршиво! Но если учесть, что уродливые порождения этого мира видят и в полумраке, и в полной темноте, притом даже не имея глаз, шансы быть незамеченным ничтожны. Что-то выходит из-за упавшего набок стола. На нем белые медицинские одежды. Можно подумать, что это человек, идущий, низко пригнувшись, но когда нечто больше не прячется за столом, становится ясно, что это не так. Фигура действительно сильно похожа на медика человеческой расы, но мертвого, что, впрочем, уже мало удивляет. На его сгорбленной спине высится чудовищный, огромный, меняющий форму нарост. Это новообразование прорвало одежду, и можно видеть, что оно имеет черно-красный цвет и покрыто проступающими под кожей толстыми сосудами. И вопреки всем ожиданиям этот урод резво бросается в атаку, орудуя грязным скальпелем. Я уворачиваюсь от его выпадов, отходя дальше, за баррикаду операционного стола – оттуда я смогу стрелять. Главное, чтобы он не оказался значительно

быстрее меня. Я не обращаю внимания на боль в ноге, но мне не удастся удерживать равновесие. Оступившись, я уже не встаю на ноги и выигрываю момент, перекатившись за стол и вооружившись винтовкой. Я передергиваю затвор, прицеливаюсь и стреляю в голову монстра, но это не дает никакого результата. Когда без промедления стреляю второй раз, в нарост на спине, тварь взывает, и я приканчиваю ее еще парой выстрелов. Выйдя из-за перевернутого стола, я вижу, как огромный плоскотелый темно-красный паразит выползает из мешка растянутой кожи на спине убитого монстра, оставляя за собой кровавую полосу. Уместным решением кажется размазать ползучую тварь по полу подошвой сапога, чтобы она издала последний резкий писк перед мерзостным чавканьем. Но почему мне показалось, что, раздавливая этого кургузого червя, я услышал где-то в соседнем помещении женский крик?

Переведя дыхание после очередного нелегкого, как приходится признавать, боя, я возвращаюсь к изначальной задаче. Разбираю одного из медицинских дроидов и достаю из него хирургические иглы и шовный материал. Лучше, чем ничего. И только теперь я замечаю в углу помещения стеклянный резервуар, где в мутной пожелтевшей жидкости находится извлеченная из чьего-то тела система из двух сердец – основного и вспомогательного – с фрагментами особо крупных сосудов. Но мое внимание привлекает то, что в этой мути плавает голокарта. Может, на ней может содержаться значимая информация. Я снимаю крышку резервуара и осторожно касаюсь пальцем жидкости. Ничем не опасный раствор, в него все же можно засунуть по локоть руку, чтобы выудить маленькую карту. Благо, здесь есть, чем вытереться после подобного не самого приятного дела. Теперь мне нужно вернуться в то помещение, где я находил записи – в ординаторскую. Там можно будет посмотреть содержимое найденной голокарты. Я иду медленно, держась за стены, на которых подобно гнойным нарывам блестят белые глаза. Нет, всему этому не сломить меня!

Напротив распахнутой двери неизвестного кабинета я останавливаюсь, ведь четко помню, что все двери были закрыты, кроме той, которую открыл сам. Из помещения не слышно ни звука, но это так обманчиво здесь, на Коррибане. Пытаясь не тревожить тишину, я заглядываю в кабинет и вижу, что кто-то сидит в кресле спиной к дверному проему. Не слышно даже его дыхания. Оценив ситуацию, я подхожу ближе и вижу ту самую женщину-врача, что так

истерически просила меня уничтожить записи об экспериментах с неизвестным веществом. Она покончила с собой, импульсивно, находясь на пределе отчаяния, ибо только в таком состоянии обыватель, не воин, способен вонзить нож в собственное сердце. Орудие ее самоубийства напоминает некий ритуальный атрибут. Я выдергиваю нож из груди мертвой женщины, чтобы лучше рассмотреть его. Рукоять сделана из кости или панциря и украшена тремя красными камнями. Они выглядят как кристаллы для световых мечей, но, похоже, эти камни естественные. Сталь лезвия имеет полосы — клинок выкован с множественными сложениями. Любопытная вещь. Я принимаю решение забрать нож, сунув его в сапог. Перед креслом на столе стоит голопроектор, а на полу возле стола я замечаю надпись, сделанную кровью: «*Исследователь Силы Исследователь страданий 01102211224*». Кто мог написать это? Явно не сама женщина ползала тут по полу с ножом в сердце. Разве что она оставила надпись перед актом суицида, порезав свои пальцы — ее руки в крови, но в темноте трудно понять, есть ли там раны. Прикасаться к ней точно нет ни малейшего желания, да и эта тайна не так интересует меня, как содержание голокарты. Я вставляю ее в проектор, который запрашивает код. На полу выведены не случайные числа? В этот раз интуиция не подводит и цифры действительно имеют значение. Введенный код доступа к карте подтверждается.

Начинается трансляция записи в очень плохом качестве, с такими интенсивными помехами, что изображение практически представляет собой хаотичную рябь, на которую невыносимо смотреть долго. Если учесть, что карта провалялась в жидкости неизвестное количество времени, еще удивительно, что в помехах все же можно различить два силуэта. Первый — темноволосая женщина, в чертах которой мне снова мерещится сходство с Садики Блirr или же с врачом, так на нее похожим, вторым является неизвестный мне муун. Почему-то моя голова снова раскалывается от боли, я припоминаю кошмарный сон, в котором меня убил некий муун. И сон этот я видел в тюрьме. Нет, скорее, навязчивую головную боль вызывает просто потеря крови и необходимость смотреть на чертовы сине-черно-белые помехи.

- Кто он? — задает вопрос мууну женщина. Ее голос подтверждает мое предположение — на записи врач, покончившая с собой.

- Мой телохранитель, попытавшийся меня убить, - отвечает ее собеседник. В его облике ничто не выглядит мне знакомым, и все же я чувствую некое нервное напряжение сродни дурным

предчувствиям. - Насчет родственников или чего-то еще можете не беспокоиться – я бы не допустил никаких рисков.

- Почему бы не поместить его в обычную лечебницу?

- Я предпочитаю работать на своем оборудовании и со своими дроидами. Не думаю, что у Вас с ними будут проблемы.

- Я могу завести историю болезни?

- Нет. Только я буду вести документацию, фиксировать номера тестов, и записывать все данные о динамике самочувствия испытуемого. О копиях не может быть и речи.

- Ясно.

Они обсуждают эксперимент? Тот самый, отрывок записей о котором я прочитал? Ей дали четкое указание ничего не фиксировать, но она все равно писала, на бумаге, но писала... Вот почему ей было так важно уничтожить все документы?

- Можете приступить, доктор Блирр, - дает добро муун. Я не ослышался? Фамилия женщины – Блирр?!

- Хего Дамаск, - окликает она мууна, собравшегося уходить, - Вы не сказали имя испытуемого.

- Джагганат, - нехотя отвечает тот. Меня охватывает оторопь.

Какова вероятность, что женщина-психиатр будет иметь ту же фамилию, что и надзирательница тюрьмы, а имя ее пациента совпадет с именем, которое я носил для прикрытия? А номер истории болезни – тюремный номер! Я понял это лишь сейчас! Что все это, черт его подери, значит?!

Все меньше веры в совпадения остается, когда на экране появляется еще одна тень – человека в плаще с капюшоном.

- Договорились? – произносит черный силуэт знакомым до боли голосом. Это Дарт Сидиус! Это он говорит с Хего Дамаском!

- Эта доктор – любительница денег, экспериментатор, садист, ксенофоб, - отвечает муун моему учителю. - Она идеально подходит на роль, которую я ей выделил.

- И что вы сделаете с ним? Что мы будем иметь потом?

- Я верну в том состоянии, в каком взял. Да и ты вроде не питал к нему привязанности.

- Конечно. Если что-то пойдет не так, я не хочу обременять себя этим.

- Я понял. В этом случае я его ликвидирую.

- Хорошо.

Запись обрывается. А я неподвижно сижу на полу в безмолвии, сгорбив спину. Я не знаю, что думать и чему верить. Этого... просто... не может быть! Это так... неправильно!

Кто-то неожиданно касается моего плеча. Я хватаю дотронувшуюся до меня руку и швыряю противника через себя. Но это оказывается всего лишь Талзин. Ей снова не повезло столкнуться со мной.

- Извини, - встревожено просит ведьма, поднимаясь на ноги. - Мне не стоило приближаться бесшумно. Ты на взводе.

Она что, тоже все видела и слышала? Я начинаю невольно ходить кругами вокруг кресла с трупом Блirr, тяжело дыша и пытаюсь успокоиться. Моему негодованию нет предела.

Я даже опасаюсь строить подобные предположения, но все же... Неужели все, что происходило в «Улье Шестерне 7», было некой ложной памятью – блестяще исполненная миссия на грани жизни и смерти в одной из наихудших тюрем Галактики? Неужели вместо этого было пребывание здесь, в грязном госпитале Дрежде, и опыты какого-то ублюдка Дамаска?! Нет, нет, нет, это сущий бред, это все из-за моего состояния, да и просто от самого этого места...

Но голос Сидиуса был неподдельный. Я не мог ошибиться в этом, ни за что не мог. Да и совпадений слишком много...

- Я видела все, - отрывает меня от тяжких раздумий голос Талзин. - Твой учитель такой хороший, правда?

- Я не верю этому, - отмахиваюсь я. - Этого не было! – и в один момент ко мне приходит осознание, что датамирка не так проста – она знает Сидиуса, и даже знает, что он является моим учителем! Я впиваюсь в нее свирепым взглядом: - А не подделали ли ты сама запись, а, ведьма?!

Талзин улыбается, едва уловимо, но отчетливо ехидно:

- Ты боишься безумия? Боишься потерять себя? Но был ли ты вообще?

Я готов убить ее за такие слова. Готов убить и за ее идиотские игры! Но только что это изменит?

- Чего ты ходишь за мной?! – кричу я, утратив остатки самообладания. - Чего ты от меня хочешь?!

Ведьма бесстрашно подходит ближе и улыбается, уже открыто, без притворства:

- Я могу забрать тебя отсюда. Прямо сейчас. Пойдем со мной.

Что еще за предложения, с какой стати? Каков бы ни был ее интерес, он определенно корыстный.

- Пошла ты! – резко отворачиваюсь от нее я. - Лживая тварь.

- Нет, - пытается заверить датомирка. - Я ведь действительно тебе...

Ее слова обрывает резкий, бросающий в холод металлический скрежет. Я оборачиваюсь на звук. Черная Пирамида! Горбатый монстр пронзил Талзин несуразным огромным ножом и, как тряпку, сняв ее бездыханное тело с лезвия, швырнул в стену. Я отхожу на безопасное расстояние, передергивая затвор винтовки, и стреляю в грудь твари, но за этим не следует никакой реакции. Отходя к дверному проему, я стреляю снова – это даже на миг не замедлило монстра! Только собственный нож, который он волочит по полу с отвратительным скрежетом, сводящим зубы, несколько тормозит его шаги. Я не могу более тратить пули на попытки остановить его, но с тем, как медленно я отступаю, Черная Пирамида неизбежно меня настигнет. Я практически не чувствую правую ногу. Выскочив в коридор, активирую меч, который тут же сталкивается с гигантским окровавленным ножом, но не берет его. Я ухожу, сдерживая его удары, сам не зная, куда иду и как долго продержусь. Мой изнурительный бег от твари, то и дело вонзающей тяжелый нож в пол на опасно близком ко мне расстоянии, длится невыносимо долго. Пока, наконец, оказавшись практически в тупике, я вижу слева от себя пустую шахту лифта и без раздумий прыгаю вниз.

Что-то красное проносится перед моим затуманенным взором и падает со мной в темноту. А когда зрение восстанавливается, уже нет окровавленных, заросших стеклянными глазами стен. Я выхожу в коридор первого этажа и слышу за стеной звуки борьбы – шорох, треск и гортанные хрипы. Переступая вдоль стены, я занимаю такую позицию, что мне становится видно происходящее за углом, но сам я еще могу оставаться незамеченным. И первое, что предстает взору – инвалидное кресло. На нем находится существо, напоминающее бледного истощенного человека. Ниже его выпирающих ребер в живот вогнано множество проводов и трубок, подключенных к системам жизнеобеспечения, находящихся за его спиной. Атрофированные ноги напоминают бесформенно стекшую вниз массу телесного цвета, дрожащую, как и все тело, в подобии конвульсий боли. Место на голове, где должны были бы находиться глаза и нос существа, представляет собой нагромождение мясистых

темно-фиолетовых наростов опухоли, свободен только широко распахнутый рот твари, с хрипом выдыхающей в воздух клубы яда. А перед этим монстром я замечаю графа Дуку! Случайна ли уже третья наша встреча? Нет, таких случайностей не может быть! Человек отбивается силовой пикой от тянущихся к нему длинных костлявых рук монстра, перегородившего ему выход. Стоит отдать должное выносливости немолодого графа, сражающегося с тварью в инвалидном кресле несмотря на удушье от отравы, которую она выкидывает в воздух с очередным «кашлем». Без лишних раздумий я вновь беру в руки тускенскую винтовку. Пристрелить уродливого монстра не составляет труда. И когда его конвульсии и хрипы прекращаются навсегда, настает время разобраться с Дуку.

Конечно, я не нападаю сразу. Ему нужно прийти в себя, восстановить дыхание, чтобы он вообще смог говорить. Прочищая горло, граф поднимает на меня взгляд исподлобья, в котором нет никакой благодарности.

- Думаешь о своем превосходстве? – с презрением задает он риторический вопрос. - Что ж, чем выше задерешь нос, тем больше упадешь.

- Ты понятия не имеешь, кто я, чтобы говорить так, - оскалившись, произношу я. Из-за усталости любая мелочь способна вывести меня из и без того шаткого равновесия.

- Я прекрасно знаю, кто ты, забрак. Тебя зовут Дарт Мол, - ошеломляет меня следующая фраза Дуку. - Собственно, мне было дано задание убить тебя.

Я хватаю его за воротник и, оттащив за дверь в ближайшую палату, прижимаю к стене.

- Кем же? Кто тебя послал?!

На его лице не дрогнул ни один мускул.

- Ты сильно удивишься, но Дарт Сидиус, твой учитель-ситх.

Граф произносит это столь непоколебимо, твердо, не пряча взгляда, что при всем нежелании я не могу отрицать тот факт, что сказанное им совсем не похоже на ложь. Я отпускаю его и, опешив, отступаю назад. И откуда только всем, с кем я сталкиваюсь на этой мертвой планете, известно так много?!

- Откуда ты его знаешь? – непроизвольно сам вырывается отчаянный вопрос.

Дуку поправляет воротник и, сложив руки за спиной, задумчиво дает ответ:

- Видишь ли, я джедай, добровольно покинувший Орден, - не спеша, чеканя слова, начинает он приоткрывать истину. - Я давно питал презрение в отношении своих братьев по оружию – слепых, слабых, связанных неактуальным кодексом, погрязших в заблуждениях, рабов коррумпированного Сената! Одно... довольно бесславное событие окончательно укрепило мое желание в корне изменить свою жизнь. Я принял решение и выбрал Темную Сторону. И тогда... Дарт Сидиус нашел меня сам. И дал это, скажем так, «проверочное» задание.

- Но ведь я не должен был здесь быть, - тут же цепляюсь я за малейший повод поставить под сомнения слова графа Серенно.

- Я тоже! – мгновенно отвечает он. – Потому я и не убил тебя – после всего, что здесь увидел и пережил.

Наступает тишина.

Мы не должны были встретиться. Возможно, никто из тех, кто попал сюда, так же не должен был оказаться на Коррибане. Но все мы здесь. И явно не обошлось без необъяснимых обстоятельств. Мне адски сложно допустить сомнения в учителе, я твердо усвоил, что этого делать нельзя. Ведь все действия Сидиуса всегда имели смысл. Испытание? Очень может быть. Скорее, именно так.

- Но это не значит, что я не убью тебя, - обращаюсь я к Дуку, кладя руку на меч. - Ты ведь знаешь слишком многое.

- По факту, если мы будем биться, не важно, кто победит, - с непоколебимым спокойствием отвечает граф. - После этого боя никто не вернется отсюда.

Усталые. Вымотанные. Но негибачаемые. Не допускающие даже мысли о капитуляции. Если мы будем драться на пределе сил – а иначе не может быть – сил у нас не останется. Этот человек абсолютно прав.

- Это верно, - признаю я. И, не вполне отдавая себе отчет, следом озвучиваю отчаянную мысль, касающуюся учителя: - Так не подстроил ли все это он? Не отправил ли он нас обоих в этот ад, чтобы избавиться от двоих сразу? Потому что на самом деле его интересует кто-то третий?

У меня даже есть предположение насчет этого третьего. Энакин. Как я мог забыть про странного человеческого ребенка? Который, похоже, к тому же не видит здесь никаких монстров.

Дуку отрицательно качает головой:

- Аварию - мог. Но не весь этот ад.

Он тоже совершил вынужденную посадку. Совпадение ли? И сталкивался ли он впоследствии с тем же, с чем и я?

- Просто авария? Я был у своего корабля! Теперь там только гнилой остов! Что это, черт подери, значит?!

Граф Дуку тяжело вздыхает:

- Видимо, что Коррибан сам решает, кого и когда выпускать отсюда, - задумчиво озвучивает он единственную версию. - И... ты же тоже чувствуешь, что отрезан от Силы? Думаю, эта планета – главное испытание для всех, кто выбрал Темную Сторону. И я жду, что это испытание закончится.

Он садится на койку, упершись руками в свои колени. Его поднятые плечи и насупленный опущенный взгляд говорят о напряжении, которое он впервые при мне не прячет. Я сажусь напротив него и, сложив руки в замок, какое-то время думаю, что теперь сказать. Возможно, выбираю не лучший вариант вопроса:

- И что, Тьма гоняет тебя по этой планете? Или что-то еще?

- Я искал кое-кого... - тихо, словно не отрываясь полностью от каких-то своих мыслей, говорит Дуку. - Впрочем, скорее всего, мне просто показалось...

- Я не пойму одного – неужели у тебя нет желания разобраться, что тут творится? – перехожу я к тому, ответа на что так и не мог добиться от него.

- Оно было... но я думаю, что это невозможно. Это за гранью, - он поднимает голову и смотрит мне в глаза. - Знаешь, как давно мы покорили космос? А как давно познали Силу?

- Навскидку трудно ответить, - вопрос застает меня врасплох. - Сотни поколений назад.

- Пусть будет так, - прощает неточность граф и продолжает свою мысль: - Суть в том, что с детства мы уже узнаем столько об устройстве мира, что у нас не остается белых пятен, в отличие от примитивных культур. Мы привыкаем, что на всякий наш вопрос есть научный ответ. И в девяноста девяти процентах случаев это действительно так. Но почему же тогда многие расы – цивилизованные, развитые, ученые – не отказываются от своих архаичных религий и верований? Я считал людей несколько превосходящими прочие виды в этом плане, но и у людей сохраняются в культуре некие... отголоски ритуалов. Я не находил этому объяснения, пока не попал сюда, попал именно в один оставшийся процент. Тот один процент непознанного,

необъяснимого, страх перед которым живет во всех нас на подсознательном уровне. Мы всегда чувствовали, что есть что-то за гранью. И боялись этого. Все и всегда.

- Это объяснение философа. Теоретика, - мне не нравится то, о чем он говорит. В этом нет никаких ответов, нет логического объяснения, которое поставило бы назад пошатнувшееся чувство реальности.

- Не думай, что я не пытался разобраться, - резко отвечает Дуку. - Побудь тут с мое – и ты не так запоешь.

- А, может, не в этом дело? – подозрительно всматриваюсь я в его невыносимо спокойное лицо. - Ты смирился! Ты джедай, и прожил жизнь как джедай, а я как ситх...

- Да что ты там прожил?! – перебивает меня он. - В твои годы я тоже думал, что у меня багаж за плечами. Как я ошибался.

- Ты не равняй нас... - предупреждаю я, категорически не желая его слышать. С чего я вообще завел разговор с джедаем? Что от этого можно было ждать? Он же еще толком не был на Темной Стороне, чтобы понять ее.

- Да я и не рассчитывал, что ты это поймешь, - подняв брови в выражении триумфа от предсказуемости происходящего, усмехается человек. - Не в этом возрасте. Хотя, опыт подсказывает мне, что ты не проживешь долгую жизнь.

Его слова не вызывают моей ярости – может, сил не хватает уже даже на эмоции. Зато они напоминают мне о том, что надо осмотреть рану. Поставив ногу на койку, я снимаю промокший кусок ткани и испытываю шок – порез сильно гноится. Как инфекция могла развиваться с такой скоростью?!

- Твои дела плохи, забрак, - замечает Дуку.

- Знаю. Не помогла даже бакта.

Кусками ткани я пытаюсь убрать из раны гной. Я не могу лгать себе и вынужден признать свою слабость – в этот раз мне действительно больно. Я активирую один из клинков меча и прижигаю порез, стиснув зубы так, что они начинают ныть, но не роняю ни звука. Сделав это, я достаю шовный материал и иглы, которые извлек из медицинского дроида в операционной.

- Ты засунешь это в рану? – снова отвлекает меня голос графа Дуку.

Конечно, идея была не лучшей, это мне прекрасно известно. Но без применения каких-либо, пусть даже таких сомнительных, мер обойтись уже нельзя.

- Другого выхода у меня нет, - отвечаю я и, закусив губы, делаю дело.

Я зашиваю порез и перевязываю ногу еще одним куском робы.

Граф ложится на койку, сложив руки за головой.

- Нам обоим стоит отдохнуть, - констатирует он, уставившись на обшарпанный потрескавшийся потолок, - если мы хотим выбраться.

- А я хочу еще и разобраться, - выразив согласие, все же добавляю я. - Но как мне знать, что ты меня не убьешь?

- Слово графа Серенно. У меня есть кодекс чести, - Дуку сказал это, как отрезал – в нем вновь невозможно усомниться. - А вот что касается тебя...

- У меня он тоже есть, - меня злит такая попытка кинуть камень в мою сторону. - Мне не нужно незаслуженных побед!

- Это радует, - без эмоций произносит граф. - Воин без кодекса чести – просто дрессированный зверь.

В решении сделать «привал» в госпитале есть одно существенное упущение – здесь небезопасно так же, как и везде. Нужно как минимум перекрыть двери палаты. Всем, чем только можно. Я встаю и, собрав последние силы, перетаскиваю пустые койки к дверям и ставлю их боком, перегородив дверной проем, насколько возможно. Мера несущественная, особенно против несокрушимой Черной Пирамиды, но порой исход боя решает даже одна выигранная секунда.

- Если Тьма наступит, ей будет все равно, запер ты дверь или нет, - предупреждает Дуку.

- Если здесь появится что-либо – мой меч на поясе, и моя рука всегда на нем.

Я готов встретить опасность всегда, в любом состоянии. Этим по праву можно гордиться. Этого у меня не отнимут никакие истязания.

Граф Дуку ничего не отвечает и закрывает глаза. Кажется, он проваливается в сон мгновенно. Думаю, учитывая мое состояние, со мной будет то же самое.

Опустившись на койку, лежа на боку с согнутыми ногами и поднятыми плечами, я ощущаю, что меня трясет. Он прав, мои дела очень плохи.

Меня будят шорохи, которые становятся все громче. Я чувствую себя так, словно не спал ни минуты, но знаю, что это не показатель – могло пройти сколько угодно времени, вплоть до нескольких часов. В палате мрак, но разбитое зарешеченное окно не исчезло. Значит, темно на улицах. Наступила Тьма. Звуки, разбудившие меня, были шелестом осыпающейся со стен краски. Я поднимаю голову и не вижу серого, покрытого трещинами потолка. Вверху непроглядная пропасть, пересекаемая через равные промежутки ржавыми рамками, постепенно теряющимися из виду в темноте.

Граф тоже уже не спит, он раньше меня встал с койки и взялся за оружие. Мы оба стоим у остатков стены, не говоря ни слова и не шевелясь. Звуки начинают долетать до нас из провала над нашими головами. Ритмичный металлический стук – нечто спускается оттуда. Звук идет со всех сторон, либо отражается от стен, что мешает оценить его более точный источник. И по всему периметру помещения на оголенный решетчатый каркас стен начинают опускаться клетки. Они съезжают из черноты вверху подобно лифтам, и в каждой из них заключено не имеющее нижней части уродливое тело. Две такие клетки опускаются просто у нас за спинами, мы едва успеваем отойти, когда то, что находится в них, начинает попытки сразить нас длинным заостренным штырем, к которому приросла его правая конечность. Левая рука или какое-то ее подобие у тварей отсутствует, как и вся нижняя часть тела. Их глаза и рты зашиты, а кожа со спины растянута крюками на задних стенках их клеток. Ржавые прутья ограничивают их движения, но хаотичные выпады стальных штырей со всех сторон совершенно непредсказуемы, отчего от них крайне сложно увернуться. Один из монстров едва не оставляет порез на моем плече, когда я замахиваюсь на него световым мечом, но его клетка тут же со скрипом поднимается вверх. Как только я перевожу внимание на другого монстра, она опускается снова, и удар штыря вновь угрожает мне.

- Ты ведь тоже видишь их? Так?! – кричу я, не имея возможности взглянуть, что делает Дуку.

- Это ты «тоже», - слышу ответ, - а я вижу их не первый раз! Лови момент, когда они наверху!

Меня ввергает в ярость его совет – как будто я не способен справиться сам! Но ярость придает сил, да и он говорит дело. И все равно этот человек никогда не услышит моей благодарности.

Я атакую очередную тварь, которая тут же скрывается вверху. Отбиваясь от атак монстра рядом, я вслушиваюсь, чтобы уловить первый же скрип – сигнал о том, что клетка снова едет вниз. В полном хаосе, творящемся в помещении, это непростая задача, но мне удастся поймать нужный момент и, опередив появление твари, встретить ее внизу световым клинком, вошедшим в ее омерзительную коричневую плоть. Мертвое тело повисает в клетке на крюках, которые держат его за растянутую кожу. Тут же я повторяю маневр. Чем меньше остается неубитых монстров, тем проще становится расправляться с ними.

После напряженной борьбы, в конце концов, наступает долгожданное затишье, нарушаемое лишь дыханием двоих уставших бойцов, стоящих спиной друг к другу. Долгое время мы снова молчим во мраке.

- Испорченная реальность, - первым начинает говорить Дуку, - с червоточиной. Здесь восприятие каждого создает свою реальность, притом вполне материальную, даже для других – неплохой субъективистский удар по мировоззрению материалиста.

Совестно признавать это, но я не понимаю ничего из его слов:

- Что ты пытаешься объяснить?

- Что важно не то, что ты видишь, а важно, почему ты видишь это, - упрощает основную мысль граф. - Думай, забрак. Что они тебе напоминают? «Слепые, связанные»... Мы ведь говорили об этом, так?

- Так, - соглашаюсь я, хоть и без твердости в голосе. Я не уверен, что уловил суть.

- Джедаи, - подсказывает Дуку. - Я же их презирал и стыжусь, что был одним из них. Наверняка ты испытываешь отвращение, осознавая, что сражался плечом к плечу с бывшим джедаем.

- Не скрою.

- И монстра в инвалидном кресле ты видел тоже! Что являет собой он? Слабость. Беспомощность. Ты боишься этого, так ведь?

Ход его мыслей становится мне понятен. Он хочет сказать, что здесь существует нечто, что играет на наших страстях. На том, через что мы должны получать силы. Такая теория объяснила бы многие вещи, если только не вообще все. Но я ничего не отвечаю. Признать наличие у себя страха, да еще и открыть его джедаю! Да ни за что!

- А почему ты не делился этими соображениями раньше? – ставлю я свой вопрос графу Серенно.

- Претензии неуместны. Я вообще должен был тебя убить.
- Ты прав... - нечего возразить мне. - Проклятье.

Небо за мутным разбитым стеклом начинает светлеть. Трупы монстров чернеют и рассыпаются, словно сливаясь с потемневшими от коррозии остовами стен. Я вспоминаю еще кое-что:

- А ты ни разу не видел здесь черного монстра, как бы закованного в броню? То есть, броню, вросшую в тело. Между ее пластинами видна сожженная дотла кожа.

- Черный монстр в броне... сожженная кожа... - задумчиво повторяет Дуку. - Ничего подобного не могу припомнить. Я полагаю, такое было бы сложно забыть. Но, если его видел только ты, тебе есть, над чем подумать...

- Тихо! – прерываю его речь я. Мне кажется, что на улице слышатся какие-то разговоры.

Я подхожу к окну. И помещение, и улицы уже полностью обрели свой нормальный облик, и на Дрешде снова спустился туман. Но пока он еще неплотный, и я вижу, как целая толпа движется по дороге, ведущей мимо госпиталя на городскую площадь.

- Это что, люди? – не могу поверить я собственным глазам.

- Я видел их прежде, - сообщает Дуку. - Не все они люди...

Конечно. Теперь, когда они проходят мимо здания, можно отчетливо разглядеть их всех. Разношерстная публика – люди, тви'леки, забраки, адвозжеки... Все в ужасно пыльной одежде и старых доспехах. Их кожа покрыта черными разводами смеси пота и пепла. Волосы тех, у кого они есть, выглядят грязными и спутанными. Но каждый из толпы этих личностей имеет световой меч. Кто бы они ни были, они оказались тут не случайно и явно провели здесь немало времени, гораздо больше, чем и я, и граф.

- Я не о том. Они живые! Здесь! – высказываю я свое неподдельное удивление.

- Я тоже был ошеломлен. Они точно также собирались на площади, что-то кричали, словно какая-то секта.

Пока Дуку рассказывает это, под окном проходит длинноволосый человек с бородой, черты лица которого выраженно напоминают одну прекрасно известную мне историческую личность:

- Скер Каан? Чертовски похож.

Разумеется, Каан жил тысячу лет назад. И, как утверждают известные мне источники, не оставил потомков. Но сходство столь выразительное, что в этой информации усомнился бы любой. Человек

с бородой выходит вперед и становится перед толпой – видимо, он лидер собравшейся группы грязных гуманоидов в доспехах. Его мощный голос эхом разносится по тихим улицам, и мы здесь, в госпитале, слышим каждое его слово:

- Братья и сестры! С прискорбием говорю я, что Тьма приходит все чаще! Сердце Коррибана голодно! Пробил час жертвоприношения. Но я принес вам и благую весть – весть о том, что я ощущал в Силе. Избранный, явления которого мы ждали веками, здесь! Мы найдем его!

- Да! – фанатично отвечает криком толпа.

- И Сила освободит нас!

- Да!

- Мы вырвемся из этой тюрьмы и очистим мир!

- Да! – повторяет толпа еще раз и начинает скандировать: - Каан! Каан! Каан!...

Еще одно предположение подтвердилось. Но что значили слова, произнесенные на площади наследником Скера Каана, лидера Братства Тьмы? Сразу приходит мысль, что он пытается продолжить дело предка или взять реванш у Ордена Лордов Ситхов и отомстить за Скера, убитого со всеми его приспешниками Дартом Бейном, создателем Правила Двух. Но во всю эту теорию, выстроенную на основе моих знаний, никак не удастся вписать весь бессвязный бред, произнесенный человеком на площади!

- Так, - я предпринимаю еще одну попытку упорядочить факты, теперь уже вслух, - допустим, это прямой потомок Скера Каана и его новое Братство Тьмы. И они хотят... некоего возмездия после того, что случилось с их предшественниками. Но они оказались здесь в тюрьме... Нет, это невозможно понять! – услышанное никак не складывается в четкую и ясную картину. - Что за Сердце Коррибана, какой Избранный, какое, к черту, жертвоприношение? – я со слабой надеждой перевожу взгляд на Дуку: – Ты что-нибудь об этом знаешь?

Граф разводит руками:

- Я сам услышал это только что. Но впервые я видел эту толпу в Великом Храме. Может, там можно найти какие-то ответы.

- Ты помнишь дорогу?

- Да, - без промедления получаю я тот ответ, которого и ждал.

Кажется, мы без обсуждений уже успели заключить какую-то договоренность, помимо пакта о ненападении. Мы объединяем усилия, чтобы разобраться во всем, что происходит. Вероятно, что

это единственная возможность найти способ покинуть планету – другой даже не предполагается. И тогда в честном бою мы сможем скрестить световые клинки. Я ни за что не позволю, чтобы мое право быть учеником лорда ситхов, единственным на всю галактику, после стольких лет преданного и доблестного служения Темной Стороне отобрали человек, отдавший почти всю свою жизнь Ордену Джедаев! Я не допущу этого! Если ничего не изменится до той поры, когда мы сможем сойтись в бою – здесь, на Коррибанае, уже нельзя быть уверенным ни в чем.

Мы покидаем госпиталь и по наводненным туманом узким улицам подальше от площади держим путь на окраину Дрежде, к древнему храму, за которым лежит легендарная Долина Темных Лордов. Выдающееся место, место Силы, но сейчас мысли об этом рожают больше тревоги, чем благоговения, с каким я привык думать о Темной Стороне. Не то, чтобы я забыл все, чему учился – это не первый раз в моей жизни, когда приходится обходиться без использования Силы, но прежде всегда имел место мой добровольный отказ, вызванный необходимостью, а здесь все ощущается так, словно это Сила отказалась от нас. Все это не поддается объяснению, и уж тем более это невозможно принять. Пепел все более густыми клубами летит в лицо, а я иду, припадая на правую ногу, по пути, который указывает мне джедай, пусть и бывший. Я полон самых отвратительных чувств, с которыми, скрипя зубами, вынужден мириться. Здесь не мы устанавливаем правила, и этот факт каждого способен заставить чувствовать себя, как ни противно использовать это слово, жалким. Единственная мысль, которая успокаивает, что здесь так происходит со всеми, и ничто не зависит от меня. Я не совершал ошибок. И я справлюсь со всем, несмотря ни на что.

Черное, выполненное в форме усеченной пирамиды здание выступает из тумана внезапно. Некогда величественное, а ныне обвалившееся с одной стороны, охраняемое обезглавленными каменными изваяниями лежащих животных, оно производит впечатление не лучше, чем все прочие постройки в мертвом городе на планете-погосте. Темное и затхлое нутро Храма с разрушенными гробницами, чудом еще стоящими прореженными колоннадами, осколками камней и пылью, сплошь покрывающими пол, выглядит еще более убого, чем побитый фасад, и название «Великий Храм» теперь звучит подобно издевке применимо к этому строению.

Грязный пол истоптан множеством сапог так хаотично, что понять, что здесь могло как-то интересоваться секту или братство Каана в большей степени, совершенно невозможно. Кажется, попавшие в плен Коррибана гуманоиды просто прятались здесь за толстыми каменными стенами от порождений Тьмы.

Граф осматривает открытые гробницы. Но они пустуют – если что-то и находилось здесь, то оно было обнаружено раньше и вынесено теми, кто их вскрывал, мародерствуя в этих местах. Или не все... Дуку останавливается напротив плиты, на которой слой пыли явно не столь толстый, как на прочих, и на нем видны следы рук, причем с краю и так, что служат верным признаком того, что плиту двигали. И почему это не бросилось в глаза мне сразу? Я ничего не говорю и подхожу ближе.

- Бери, - указывает граф.

При всем желании нагрубить ему в ответ и показать, что я не позволю командовать мне, я нахожу проявление эмоций неуместным и помогаю ему сдвинуть плиту. Когда она с усиленным эхом грохотом ударяется о пол и переворачивается, я замечаю, что нечто вырезано на ее нижней стороне, некий план или схема. Но рассмотреть ее решаю позже. Внутри гробницы лежит древний свиток. Дуку с предельной осторожностью вынимает его и разворачивает. Он молча смотрит на ситхские письма, которые явно не может прочитать. Я знаю ситхский, но не владею им в совершенстве, и лишь по отрывкам фраз пытаюсь понять написанное, частично знакомое мне пророчество:

«Ситх'ари выйдет из (дна), из грязи, но обретет такое могущество, которое никто не знал до него и не познает после. Он освободит себя от всех (несвобод) и достигнет совершенства. Идеальная сила, идеальная власть, идеальная судьба. Он поведет за собой ситхов, и он же уничтожит их, но через (разрушение) сделает их более сильными и могущественными, чем когда-либо.

Ситх'ари (приобретет) то, чего все (испытывали жажду) – вечную жизнь. Он создаст Сердце Коррибана, и из него будет (брат) силы (чтобы...трудно разобрать текст). Он не сдастся Сердцу Коррибана, которое будет желать его смерти, чтобы сохранить себя, вечно (испытывает жажду) жертв, пока он (забирает) из него силы. Он не будет подчиняться законам мира, а сотворит собственный. И будучи (свое решение) пленником этого

мира, он все равно сохранит часть себя навсегда на свободе. Ибо он будет Избранный».

Если первая половина текста мне совершенно понятна, и ее века назад, как принято считать, воплотил Дарт Бейн, то вторая могла бы быть просто открытием, если бы до конца было ясно, о чем в ней идет речь.

- Это пророчество ситхов, - я решаю, что его нужно пересказать, и, может, вместе с человеком мы сообразим хоть что-то. – Здесь сказано об идеальном ситхе, которой достигнет величайшего могущества. И это он создаст Сердце Коррибана и некий... свой собственный мир, черпая силы из этого Сердца. И он же является Избранным...

- Там сказано, что собой представляет это Сердце Коррибана? – уточняет Дуку.

- Нет, - отвечаю я. Мне и самом хотелось бы это понять.

- Но если здесь уже существует некий иной мир, и эти фанатики с площади говорят о нем, значит, это пророчество сбылось, - делает вывод граф. – И они же говорят о том, что Избранный сейчас здесь. Мы чего-то еще не знаем.

Я ничего не говорю про Дарта Бейна. Он, без сомнения, был величайшим Темным Лордом в истории, и он приумножил могущество ситхов, но дальнейший текст вместе с тем, что происходит сейчас, никак не может быть связан с ним, из-за чего приходится думать, что в пророчестве речь шла не о нем. О ком же тогда? В Галактике осталось не так много тех, кто знает Темную Сторону. Так неужели это...

- Что-то еще важное есть в этом свитке? – интересуется граф Дуку.

- Еще сказано, что Сердцу Коррибана нужны жертвы, чтобы... сохранить себя, потому что... Избранный забирает у него силы, - это чертовски трудно объяснять, и я не могу быть уверен, что осмыслил все верно и не упустил ничего. – Ну, так это понял я.

- И это оборванное «братство» жаждет с ним покончить, уничтожив Избранного, - снова подытоживает граф Серенно.

Мне становится не по себе. Если мои догадки опять будут верны – а альтернативных версий у меня снова попросту нет – то мой учитель тоже здесь, где-то на проклятой мертвой планете с иной реальностью, и жизнь его находится в опасности. Так, может, потому я и оказался здесь? Может, это именно то, что я должен сделать – найти его и

уберечь от гибели? Теперь я не сомневаюсь, что Сидиус действительно пытался связаться со мной, и корю себя за то, что так опрометчиво выбросил комлинк.

- Что будем делать дальше? – спрашивает Дуку. – Так же стоять и молчать?

Но я все равно не произношу ни слова. Нет, я не могу озвучить ему все то, о чем подумал, ведь я не должен ему доверять. Его твердость и убедительность были просто обезоруживающими, но с чего я так просто поверил, что он со мной честен? Он не озвучивал мне всей правды о себе. Как и я ему, конечно. Но так и должно было быть.

Что, если этот человек сочинил всю свою историю и на самом деле остается джедаем? Что, если он все это время шел по моим следам, чтобы выйти на Сидиуса? Все может быть...

- Что вырезано на плите? – вспоминаю я свое наблюдение. Вдруг там есть нечто еще, чего мы не учли.

Мы обходим пустую гробницу и опускаемся на корточки рядом с перевернутой плитой. То, что вырезано на камне, оказывается картой Долины Темных Лордов. Детальный план с подписями на ситхском... и точкой, которую на нем кто-то поставил углем. Отмеченное на карте место является местом захоронения Дарта Бейна.

- Это карта Долины, - сообщаю я, сомневаясь в правильности того, как поступаю. – Здесь указан один... объект, хотя это может быть и уловкой, и просто ошибкой. Но я пойду туда – мне нужны ответы. Ты останешься, ведь твоя цель – просто выжить.

- Там не так просто ориентироваться, в многоуровневом могильнике, - пытается возразить Дуку. Его не устраивает предложенный мною расклад, что бы это ни значило.

- Мавзолей Аджанты Полла в центре Долины видно из любой точки. А путь дальше я запомню, - заявляю в ответ я и начинаю заучивать маршрут, все спуски, подъемы и повороты, мысленно повторяя их снова и снова.

- У меня плохое предчувствие, это дорога на верную смерть, - настойчиво пытается отговорить меня граф.

- Мы без Силы, нет никаких предчувствий, - высказываю я однозначное возражение. - И я ведь не говорю тебе идти за мной!

- Но в одиночку ты не дойдешь! – ставит точку в нашем споре Дуку.

Я готов кричать от ярости, проклиная все на свете! Если бы не мое ранение, все могло бы сложиться совершенно иначе, и я не имел бы никаких дел с этим человеком! Но изменить ничего уже нельзя, и мне снова приходится стиснуть зубы и соглашаться. Долина Темных Лордов определенно не будет тихим и безопасным местом – может, там мне даже не придется самому избавляться от своего сомнительного союзника. Будь что будет, главное для меня – сделать то, что я должен сделать. И в первую очередь я должен найти могилу Бейна.

Покинув здание разграбленного, полуразрушенного храма и обойдя его, мы останавливаемся на отшибе, глядя в огромную расщелину с гладкими и крутыми, но местами подвергшимися оползням и обвалам, каменными стенами. Нижние уровни Долины совершенно неразличимы за осевшим туманом, над пологом которого возвышаются только шесть огромных статуй склонивших головы гуманоидов и верхушка полуразрушенного обелиска, венчающего мавзолей Аджанты Полла. Академию Ситхов, которая должна выситься над масштабным разломом каменного массива, не видно, словно ее вовсе не существовало там, в устье Долины, расширяющемся в никуда, тающем на глазах в серо-белой дымке. Очевидно, когда мы спустимся в пыльное ущелье между отвесных скал, видимость там будет хуже прежнего. Если учесть и то, что постройки разрушались, а пути преграждались руинами, заплутать в Долине Темных Лордов будет очень легко. А у нас нет права на ошибку. Еще и неизвестно, что может обитать там, среди склепов и могил.

Начиная спуск, я уже чувствую, что мне сложно идти вниз. Рана печет, и что-то в ней пульсирует, словно дергает за оголенные нервы, так навязчиво, методично добивая слабеющий рассудок. Каменистый спуск в Долину неровный и шаткий, и здесь трудно даже сказать, на какой уровень мы выходим. Ступив на ровную почву, я останавливаюсь и пытаюсь рассмотреть окружающую обстановку. Место захоронений погружено в тишину. Стены ущелья с многочисленными входами в гробницы постепенно начинают просматриваться все четче. Туман поднимается из пропасти Долины, и, вскинув голову и вновь обратив взор в сторону Академии Ситхов, в этот раз я вижу венчающую ее черную пирамиду, а над ней – ржаво-красный цвет, разливающийся по небу и переходящий в непроглядный мрак.

- Тьма наступает, - шепотом роняю я, но мне кажется, что голос мой разносится по всему ущелью.

Дуку, ничего не отвечая, смотрит мне в глаза с нерушимым спокойствием. Мы знали, на что идем, и нам нужно идти дальше, пусть это и единственный путь, направление которого – навстречу Тьме.

Мрак поглощает очертания стен Долины, исчезает из виду и мавзоль в ее центре, но пока, насколько я помню, идти нужно просто вперед. Вряд ли, конечно, можно уповать на идеальное развитие событий, при котором я совершенно точно оценю расстояние, и мы к тому же не встретим на пути никаких преград.

Иногда среди каменных завалов приходится пробираться на ощупь, но никто из нас не активирует клинок ради источника света – может, из-за этого мы теряем время, но зато до сих пор не столкнулись ни с какой тварью. Но за очередной грудой обломков скал начинает слышаться какой-то треск. С таким треском ломаются кости, но там нет ни иных звуков борьбы, ни криков боли, только шаркающая поступь. Мы бегло переглядываемся, понимая, что уже не одни здесь. И наши враги начинают появляться из-за камней – бледные монстры, отдаленно напоминающие одетых в красные лохмотья женщин. Я вновь вспоминаю о Датомире и Сестрах Ночи, потому что уже встречал здесь эту мутную Талзин, но движения существ свидетельствуют о том, что перед нами вовсе не живые женщины. Они двигаются рывками, с щелкающим хрустом неестественно выгибающихся суставов, при этом словно корчась от боли. В руках тварей различное ржавое оружие – лезвия, ножи, кинжалы, пики и даже короткие копья. Монструозных «Сестер Ночи» оказывается много, и они пытаются преградить нам дорогу дальше. Когда твари подходят ближе, я замечаю, что их заплывшие гниющие лица лишены любых черт.

- Иди вперед! – толкнув меня в плечо, приказывает Дуку. – Быстро!

Сам он остается на месте, словно хочет взять всех этих монстров на себя. С чего вдруг такое самопожертвование, ради чего?

- Ты... поганый джедай! – не без досады сквозь зубы произношу я.

- Нет, я граф Серенно! – с гордостью и злостью объявляет Дуку. – Иди! – кричит он и активирует световой меч.

Его клинок загорается, тьму прорезает луч темно-красного цвета. Приходится признавать, что граф был со мной честен. Видел ли он, что я его подозреваю? Наверняка. Если бы я был более внимательным в нашем совместном бою, вел бы себя иначе. Но я не должен сожалеть об этом — я не потерял бдительности, сохранил осторожность, поступал верно, как меня учили. И сейчас я должен сохранить эту верность себе и твердость воли и думать лишь о том, что у меня есть цель. Я срываюсь с места, все еще оглядываясь назад. Дуку делает мечом крест в воздухе — приветственный жест мастера Макаши. Нет, не та форма боя, которая хороша для сражения с многими противниками! Это верная смерть. «Сестры Ночи» медленными, прерывистыми конвульсивными движениями, сопровождающимися хрустом суставов, приближаются к нему и нападают. Граф сражается непревзойденно, с отточенным мастерством, но в схватке монстры оказываются весьма быстрыми и проворными. К тому же, их слишком много — за побежденными из темноты приходят новые. Но Дуку ведь сам выбрал эту участь, продиктованную его кодексом чести. А я быстрым шагом должен идти дальше, оставив его позади на растерзание тощим женоподобным тварям.

Я начинаю различать впереди силуэт мавзолея и сбавляю шаг. Нужно хоть немного побереечь раненую ногу, иначе мне не дойти. Я снимаю с плеча тускенскую винтовку и иду, держась за ее ствол и опираясь на приклад. Если бы я знал, с чем столкнусь, привез бы с Татуина и пули для этого примитивного, но спасшего меня уже не раз оружия. И ведь были предчувствия, но об их значении догадаться было невозможно.

Я вздрагиваю от грохота за спиной и резко оборачиваюсь. Не хватало только очередного обвала в ущелье прямо сейчас! Но я вижу нечто гораздо худшее — с невысокого уступа из огромной дыры, только что образовавшейся в скале, выползает таозин. Я уже видел подобного плотоядного червя один раз, но эта особь гораздо крупнее и имеет черную окраску. Точнее, черны его внутренности и кровь, которые просвечиваются через полупрозрачную чешую. Я без раздумий тут же перехожу на бег, невзирая на усилившуюся боль. Червь, скребя почву несколькими парами черных лап, преследует меня с угрожающей скоростью. Учитывая, что таозины ловят добычу паутиноподобными нитями, мне приходится петлять, на что уходит и время, и силы. Я бегу, совершенно не думая о маршруте, постоянно

оглядываясь назад, обливаясь потом, задыхаясь от боли в груди и брюшной полости.

В какой-то момент, все еще продолжая бежать, я прихожу к осознанию, что за спиной нет никакого угрожающего скрежета чешуйчатых лап. Черный таозин остался где-то позади. Остановившись, пытаюсь успокоить дыхание, сопровождаемое болью, я с облегчением вижу, что добрался до середины Долины Темных Лордов. И обессилено припадаю мокрой спиной к холодной стене гробницы Аджанты Полла. За мной, передо мной, подо мной - Темные Лорды, практически все наследие всей истории ситхов. И я не чувствую ничего. Только боль. Я так мал и слаб, что готов взвыть и просить о помощи. Но они меня не услышат. Кто я? Я ничто? Никогда в жизни я не мог и подумать, что буду ощущать себя так.

Швы лопнули, нога снова кровоточит, и я ничего не могу сделать с этим, кроме как оторвать еще кусок ткани от своей одежды и перетянуть рану настолько сильно, насколько возможно. Я все равно справлюсь со своей задачей, ведь на кону весь Великий План, все, к чему шли ситхи. Находясь здесь, в самом центре Долины Темных Лордов, я как никогда четко осознаю всю значимость того, что должен сделать.

Собираясь продолжить путь, я сталкиваюсь с тем, что частично забыл заученный маршрут. Сначала четко воссозданные в памяти повороты и подъемы совпадают с картиной местности, которую я пересекаю, но дальше снова на пути встают руины, которые приходится обходить, и это запутывает меня окончательно. Мавзолей остался позади во мраке – никаких ориентиров у меня нет. Пройдя еще немного вперед, я останавливаюсь, опираясь на винтовку, и осматриваюсь. Складывается ощущение, что я уже был в этом месте, то есть, хожу кругами. Есть ли здесь другая дорога, другой выход? Я не успеваю найти ответ, услышав грохот камней и скрежет за спиной. Снова явился огромный черный таозин! И у меня нет ни малейшего представления, куда бежать, чтобы не стать его жертвой. Стиснув зубы до боли, я с максимальной возможной для меня скоростью бегу к самой низкой каменной насыпи и пытаюсь перелезть ее. К счастью, сила рук не подводит меня, но вот прыжок вниз с насыпи проходит весьма неудачно. Кажется, боль отдалась даже в голове, и все же я встаю и бегу дальше. Не к своей цели, а от смерти, бессмысленной и бесславной гибели в челюстях плотоядного червя. Я плутаю среди заваленных входов гробниц, уже не имея в голове никаких планов

местности. Боль сдавливает легкие, из-за усталости дрожь расходится по всему телу, но я не готов сдаться, даже когда чешуйчатое чудовище загоняет меня в тупик. Есть только черная пропасть под ногами, в которой ждать может что угодно, но с мыслью, что это вряд ли будет что-то хуже, чем перспектива стать добычей таозина, я прыгаю в неизвестность.

Встав на ноги, я вижу, что оказался в круглом зале с черными стенами. В центре располагается небольшое каменное возвышение, площадка, завешенная по кругу мокрыми черно-коричнево-красными тряпками. По стенам ползают орбалиски, особи от самых мелких до весьма крупных. Я отступаю подальше от стен, зная, чем или, точнее, кем предпочитают питаться эти паразиты, когда в помещении раздается сиплый гнусавый голос:

- Они тебя не тронут.

Я подхожу ближе к центральной площадке и осторожно отодвигаю рукой завесу. На каменном возвышении лежит человек, мужчина с впечатляюще развитым телом, однако кожа у него нездорового бледного цвета, и на ней всюду, практически не оставляя живого места, блестят бледно-желтые или серо-коричневые плотные наросты. Всмотревшись лучше, я понимаю, что это панцири впившихся в него орбалисков, несколько мелких паразитов сидит даже на его безволосой голове и на лице – на подбородке, скулах, щеках и даже под ярко-желтыми глазами, окаймленными черным цветом. Я смотрю на его суровое лицо – и не могу поверить своим глазам, а дар речи предательски покидает меня.

- Ты видишь Избранного, Ситх'ари, - озвучивает мои мысли тот же сиплый голос. - Твой учитель Дарт Сидиус никогда не думал, что ты удостоишься такой чести.

Я перевожу взгляд в ту сторону, откуда был слышен гнусавый голос, и вижу мууна, стоящего рядом с каменным ложем самого Ситх'ари, если верить его словам. Он стоит спиной ко мне, и я не могу сказать, имел ли возможность видеть его где-то раньше, но у меня в любом случае возникает к нему сразу много вопросов.

- Ты знаешь Сидиуса? – задаю я первый из них.

- Я был его учителем, - не оборачиваясь, отвечает муун.

Учитель моего учителя? Здесь? Я не знаю о нем ничего, но может ли быть так, что муун, знакомый с Дартом Сидиусом, которого я видел на записи, и этот муун – одно и то же лицо?

- Хего Дамаск?

- Это было мое реальное имя, - подтверждает учитель Сидиуса. - Мое ситхское имя Дарт Плэгас.

Я понимаю, что мой наставник никогда не упоминал это имя по какой-то причине. И сейчас мне это особенно не нравится. Почему вообще его учитель до сих пор жив?

- Сидиус должен был убить тебя, - прямо заявляю я.

- Он убил, - отвечает Плэгас и тягостно вздыхает. - У Коррибана особые отношения со смертью.

- А с Силой?

- Его Сила — для мертвых. И то лишь отголоски. Планета-кладбище — этим все сказано.

Это, конечно, не объяснение. Но я уже почти смирился с отсутствием четких объяснений, когда речь идет о Коррибана. Но есть еще кое-что, что я обязан у него спросить. Конкретная запись с конкретным диалогом. Но как это спросить? Что сделать? Как поставить точку и при этом не выглядеть безумцем? Все это особенно сложно, когда перед тобой не лицо собеседника, а его согнутая спина! Я предпринимаю попытку зайти издалека:

- Что такое «Улей Шестерня 7»?

И если муун не сможет дать ответа, можно будет успокоиться. Но я слышу сухой смешок Плэгаса — такой, за каким обычно прячут досаду или боль:

- Ты так называешь это место? Ты так решил с этим справиться?

Я открываю рот, чтобы засыпать его вопросами дальше — сотней уточняющих вопросов, чтобы услышать в ответ хоть что-то, что даст повод не поверить в то, что я узнал... Но меня захлестывают воспоминания, оживающие с такой четкостью, словно все это снова происходит со мной.

Я уже бывал здесь, в том самом госпитале Дрешде. Я пришел в себя там, связанный ремнями по рукам и ногам, одетый не в свою одежду, а в какую-то серую тюремного вида робу, отрезанный от Силы. Я видел ту женщину, которая задавала мне унижительные вопросы, считая меня безумцем. И она же применяла на мне то экспериментальное вещество, после инъекций которого я впервые начал видеть странные вещи. Я видел, как белые стены палаты начинали гнить, покрываться ржавой плесенью и сочиться кровью. Я видел, как через эти стены приходил он. Черная Пирамида. Он пытал меня. Он резал меня на части. Он влезал в мою голову в буквальном

смысле! И я не мог ничего сделать! Я был беспомощным перед ним, как и перед всей развернувшейся ситуацией!

Истощенный, осунувшийся, с ввалившимися глазами и почти сгнившими зубами, я смотрел этот кошмар изо дня в день. А когда тесты вдруг на время прекращались, уже был параноиком и думал, что «исследователи» остановились лишь потому, что готовили нечто в разы хуже всего, что было прежде. Они довели меня до такого состояния, что я начал сомневаться в собственной памяти и собственном психическом здоровье! Именно тогда я начал выдумывать другую действительность, в которой я снова был собой - невообразимо сильным, выполняющим важную миссию в одиночку, без оружия, среди наиболее опасных существ со всей Галактики, в самой гуще кровавого ада, названного «Улей Шестерня 7»!

Но во что сложнее всего поверить, так это в то, что за всем этим издевательством и унижением, за этими непередаваемыми страданиями стоял мой учитель! Пусть и по приказу Дарта Плэгаса, но все же он. Но, может, все же у Судиуса была веская причина, по которой он не мог противоречить мууну. Но каковы мотивы самого Плэгаса?

- Зачем ты делал все это со мной?! – срываюсь я на отчаянный крик.

- Я изучал медихлорианы, - без эмоций, не повышая голос, отвечает муун, - изучал Силу. Я посвятил этому жизнь. Белый экстракт, один из трех атрибутов Багровой Церемонии. И ты, сам не ведая того, помог мне в этом, как никто иной. Твой вклад велик.

Я и слышать не желаю его жалкое подобие благодарности:

- Ты унизил меня! Унизил так, как только было возможно! Ничего не могло быть хуже! Уже не говоря о телесных страданиях!

- Это делает ситха, - сиплый голос Плэгаса становится тверже, - чем сильнее боль, тем крепче ненависть, чем сильнее ненависть, тем больше сила. И ты бы стал преемником величайших традиций, если бы твой учитель не предал эти традиции!

Его заявление запутывает мои мысли окончательно. Мои воспоминания, пророчество, слова мууна о том, что я здесь вижу живого Ситх'ари... Это все похоже на нелепый бессвязный сон, и я был бы рад, окажись все это на самом деле сном. Но даже если все происходящее - истина, и запись, которую я просмотрел, подлинная, в ней нет повода для Плэгаса называть Сидиуса предателем. Этого повода нет нигде.

- Ты несешь полную чушь, - бросаю я мууну, но тот остается непоколебим:

- Ты знаешь, что нет. Ты видел сам. Посмотри еще раз, перед кем ты здесь стоишь.

Я поднимаю руку, но чувствую в ней невыносимую тяжесть, и дело не в усталости. Мне становится сложно решиться вновь раздвинуть мокрые тряпки, скрывающие от посторонних глаз человека, облепленного орбалисками. То сходство, что я увидел в его чертах, и тот титул, который озвучил Плэгас – если все это правда, то кто я такой, какое право имею смотреть на него?! И все же я должен убедиться. Я касаюсь рукой куска ткани, отодвигаю его – и мои глаза встречаются с желтыми глазами, полными такой силы, такого прорицания, такой власти, что это не поддается описанию. Мне кажется, я мог бы упасть замертво от одного этого взгляда, или же умереть за этот взгляд в глаза, ведь это смотрит он сам, живой! Я не могу даже произнести вслух его славное имя – Дарт Бейн.

- Ты помнишь историю, - снова начинает говорить Плэгас, по-прежнему стоя ко мне спиной, - но не знаешь ее утерянных деталей. В результате провокации, мастерски проведенной Бейном, Братство Тьмы Скера Каана должно было быть уничтожено ментальной бомбой. Но вместо этого после взрыва их души оказались навеки заперты здесь, в иной реальности на Коррибане. Преданные Дартом Бейном, они не давали ему покоя до конца его дней – являлись ему бесконечной чередой ночных кошмаров, а во время бодрствования их воздействие вызывало у него дикую головную боль. И даже боль, причиняемая соками орбалисков, не могла заглушить той нестерпимой боли! Вообрази теперь, зная это, что после тех событий Бейн ни разу не проявил малодушия и слабости, ни разу не допустил сомнений в верности своих действий и мужественно прошел своей дорогой до конца! Величайший из великих, несравнимый, непревзойденный. Дарт Бейн не зря сомневался в своей ученице – она так и не смогла убить его! Жизнь еще теплилась в нем, когда его погрузили в эту могилу! И его душа также оказалась запертой в этом туманном мире на Коррибане. Эта планета играет по своим правилам, для нее нет смерти, но это ты уже знаешь.

Мне не удастся поверить до конца его словам и собственным глазам. Запертые навеки в иной реальности души. Дарт Бейн, Скер Каан, все остальные – живы здесь уже почти тысячу лет? Незавидная,

ужасающая участь. Но ведь Братство, собравшееся на площади, кричало о каком-то освобождении?

- Для мертвых отсюда нет выхода? – спрашиваю я.

- Лишь один, - отвечает Плэгас, - Сердце Коррибана, которое их и держит. Оно возникло после ритуала ментальной бомбы, фактически, также благодаря Бейну. Уничтожить его – значит навсегда замуровать выход отсюда. Запертые здесь души питают Сердце, но лишь сам Избранный мог бы навсегда утолить его голод – и тогда оно не держало бы уже никого. Члены Братства Скера Каана хотели использовать Бейна, чтобы вернуться в реальный мир и продолжить свои прерванные жизни. Они, конечно, должны были понимать, что Избранный не дастся малой кровью, но они даже не представляли всей его боли, всего его гнева, всего его могущества! Дарт Бейн отплатил им сполна за свои мучения при жизни – он сделал их вечными пленниками величайшего кошмара! Он создал этот темный мир – мир индивидуальных страхов и пыток для каждого! Истинный Ситх'ари!

Казалось бы, теперь все стало на свои места, насколько можно так говорить о чем-то вообще непостижимом, находящимся, как говорил граф Серенно, «за гранью». Но я не могу в полной мере думать об этом, когда меня так поразило другое. Я думал о Братстве Тьмы, представлял их тысячелетнее заключение в темном мире кошмаров, их боль, их постоянный страх, их безумие, их существование на грани жизни и смерти, когда от них постоянно ждало новых жертв Сердце Коррибана. Как ни пытался, я не мог и представить всей боли Дарта Бейна, не упокоенного до сих пор, всего его могущества, всей его выносливости и духовной силы. Когда-то я считал себя истинным ситхом, обученным и подготовленным идеально – как же! Я ничто. Такова истина, и от нее некуда деться. Я остаюсь с чувством опустошенности, чего со мною не было никогда прежде. Как мог граф Дуку знать, что его слова окажутся пророческими? Я упал здесь. Упал очень больно.

- Коррибан создает для каждого собственных монстров? – зачем-то задаю я уточняющий вопрос – может, чтобы просто отвлечься от своих мучительных мыслей и чувств.

- Ты соображаешь, да, - сухо отмечает Плэгас.

- Но что здесь делаешь ты? – интересуюсь я.

Его плечи вновь поднимаются и опускаются в тягостном вздохе:

- Я искал путь к бессмертию, как и многие. Как и Дарт Бейн. И благодаря Бейну я нашел его. Я обнаружил способ перенести часть его души в реальный мир, совсем малую часть, заключенную в крохотный комок человеческой плоти, но наделенную невероятной силой.

Так вот с чего все началось! Главная упущенная деталь напрочь была забыта, и мы просто потеряли того, кому грозит опасность на самом деле! Если я сейчас верно понял слова мууна.

- Этот мальчик, Энакин – воплощение Ситх'ари? – осведомляюсь я.

- Да, - подтверждает это Плэгас. - Я принес его в реальный мир, чтобы он осуществил Великий План. Но Сидиус... не желал иметь преемника. Ни его, ни того графа, что встретил смерть у тебя за спиной. Ни тебя.

Я больше не сомневаюсь в правдивости этих слов. Переживание подобно прозрению, но я мог прийти к нему и раньше – было то, что указывало на это, были предчувствия. Учитель никогда не смотрел на меня, как на личность, начиная с того момента в самом начала моей жизни, когда он просто бросил меня на Мустафаре! И все время дальше, когда нещадно ломал мою жизнь и мой характер! Но сожаления – это проявление слабости.

- Ты пытался остановить его? – продолжаю я расспрашивать мууна насчет сложившейся ситуации.

- А ты думаешь, зачем я изучал медихлорианы? Я планировал вернуть нам Бейна, совершив Багровую Церемонию, и это удалось мне, пусть и частично. У меня были все знания... но я потерял бдительность, считая, что стал неуязвим. Я называл себя Плэгасом Мудрым... Но я был слеп.

Сказав это, он, наконец, выпрямляет спину и разворачивается ко мне лицом. Становится ясно, почему он предпочитал вести разговор, стоя ко мне спиной. Лицо мууна расчерчено глубокими кровоточащими порезами, проходящими через глаза – воспаленные, затянувшиеся желтыми бельмами, сочащиеся гноем. Спекшейся и свежей кровью, смешанной с белесым гноем, испачкана вся шея Плэгаса и пропитаны на груди его темные одеяния. Немигающий взгляд мууна направлен куда-то в пространство надо мной и остается недвижимым.

- Но Сила освободит всех нас, - сипло шепчет измученный Плэгас.
- Тебя выбрал Коррибан. За твою выносливость, твое бесстрашие, за

боль, через которую ты прошел. За все, что Сидиус в тебе не ценил никогда! Твой учитель предал ситхов, он достоин теперь лишь смерти. У тебя же, вопреки его замыслам, есть все возможности, чтобы стать истинным Лордом Ситхов. Не хватает лишь знаний, которых он тебе не дал. Но я-то могу исправить это.

Не опуская головы и не меняя застывшего взгляда гниющих желтых глаз, муун достает из-за пазухи и протягивает мне ситхский голокрон. Черный. Трехгранный. Точно как пирамида на голове того монстра, что являлся мне здесь уже не раз. Мне кажется, теперь я понимаю скрытый смысл его появлений.

- Ты не сделаешь больше ничего? – вопрошает Плэгас, когда я забираю его голокрон и собираюсь уходить.

- А что я должен сделать? – недоумеваю я.

- Ты ведь в гневе, - губы мууна дрожат в мольбе. Бессловесной мольбе о смерти, об окончании мучений.

Он напоминает мне о том, мысли о чем ушли далеко на задний план, когда на меня обрушилось такое количество трудно осмысляемой информации. Я ведь предан собственным учителем! И унижен самим Плэгасом так, что не уверен, что когда-либо смогу смыть с себя эту позорную память! Может, это и было испытанием, и благодаря ему я что-то доказал, но сейчас ослепший муун прав – я снова в гневе.

- И в таком, что с уверенностью могу сказать: ты, лорд ситхов, ничего не знаешь о гневе! – обращаюсь я к нему с нескрываемой злобой. - Именно поэтому я и пальцем тебя не трону. Ты заслужил это, исследователь страданий!

Пусть остается со своими вечными мучениями. Пусть прячется здесь за спиной Ситх'ари, слепой, беспомощный и жалкий, словно детеныш животного, если у него хватает на это совести. Пусть дальше влачит существование в позоре – он получил здесь именно то, что заслужил.

Что касается участи Дарта Сидиуса, она, похоже, здесь всецело переходит в мои руки. И если еще недавно я мог подумать, что совершенно к этому не готов, то сейчас я уверен в своем решении. Больше никто не посмеет меня использовать! Никто никогда не сделает меня своим оружием! С голокроном Дарта Плэгаса у меня самый большой запас знаний о Темной Стороне, с ними я более достойный ситх, чем кто-либо еще из ныне живущих. Осталось покончить с учителем. Есть лишь одно подходящее для него место

здесь. Пирамидальная крыша Академии Ситхов виднеется за монументами склонившихся гуманоидов, угрожающе нависая над Долиной Темных Лордов. Но теперь это лишь призрачная угроза.

Покинув гробницу Бейна, я отмечаю, что видимость стала лучше, но Тьма все еще не отступила. Ориентироваться становится несколько проще, но остаток пути через Долину оказывается сложнее прежней дороги – приходится идти по сплошному нагромождению камней, острых и неустойчивых. Боли уже не остается – я попросту не чувствую своих ног, и, возможно, только сидящая во мне ярость не позволяет мне упасть на дороге и уже не встать. Когда я поднимаюсь вверх, к черной пирамиде, уже не способный даже просто стоять без винтовки, то сосредотачиваюсь на своей болезненной памяти. Полностью открываюсь той боли, той злости, тому стыду, который прежде стремился спрятать как можно дальше на задворках сознания, перекрыв ложными воспоминаниями. Правда была в словах Плэгаса – это делает ситха. Через те страдания, через кипящие теперь страсти я открываю в себе уже неизвестно какое по счету дыхание и ступаю под тяжелые своды древней Академии.

Темное здание не имеет окон, и приходится активировать световой клинок, чтобы осмотреться здесь. На ближайшей черно-серой, покрытой ржавыми разводами стене, к большой удаче, сохранился план Академии, пусть и поблекший и нечеткий. Но на этой карте стоит свежая надпись. *«Я жду тебя, Мол»*. Признать руку учителя в неровном почерке трудно, но и однозначно отрицать, что надпись оставил он, нет причины. Кто бы ни ждал меня, я приду на встречу с ним в указанное место, как продиктовано моим единственным желанием – быстрее с этим покончить.

Спустившись в подвальные помещения, я вхожу в большой зал со ступенчатым алтарем в центре – ритуальные палаты. И вижу здесь не того, кого ожидал увидеть – в дальнем конце зала на ступенях алтаря стоит Талзин.

- Ты все же пришел, - растягивая черные губы в улыбке, шепчет она.

Так вот, кто назначил мне встречу. Проклятье! Эта ведьма ходит за мной с поразительным упорством, которое приводит меня в бешенство!

- Где мой учитель? – грозно задаю вопрос я, хоть и не надеюсь на прямой и честный ответ. Очередные мутные разговоры никак не

входят в мои планы, и я уже готов к тому, что, заслышав их, развернусь и уйду отсюда, но Талзин произносит только две фразы:

- Я могу забрать тебя отсюда, мой мальчик. Прямо сейчас.

- Мы можем, - прибавляет низкий мужской голос, и из-за ее спины выходит вперед мужчина-забрак. Желтоглазый, с кожей красного цвета, покрытой вытатуированными знаками, похожими на мои.

Я вспоминаю все, что говорила мне датомирка еще при первой нашей встрече и что она предлагала потом. Но в первую очередь она ведьма, и даже если сейчас передо мной не мастерски созданная иллюзия, какое у меня теперь может быть дело с ней и с вероятным биологическим отцом? Каким бы ни было мое прошлое, я не считаю свои детские годы ущербными и не нуждаюсь в запоздалой компенсации. Каким бы истязаниям, физическим и моральным, ни подвергал меня Сидиус, если бы его не было в моей жизни, моя участь была бы убога и бесславна. Боль, лишения, постоянные испытания – тот огонь, в который он меня швырял, и закалил мой характер. Это делает ситха.

- Пошли вы оба! – презрительно бросаю я.

Забрак, вышедший вперед, становится спиной к Талзин и опускается на колени. Она кладет руки ему на плечи и закрывает ладонями его глаза. В зале моментально темнеет, и где-то в дальнем его конце с парой датомирцев происходит нечто странное – кажется, что кожа лоскутами сходит с них, как слезает краска со стен во время наступления Тьмы. А когда мрак вновь становится не таким плотным, взору предстает результат процесса. Они обращаются единым, слитым из двух частей монстром. Задняя часть его – запрокинутая назад голова с безглазым, открывшим рот в беззвучном крике лицом, выгнутая спина женского тела с остатками красной одежды на нем, которая теперь сделана из содранной с кого-то заживо кожи. Передняя часть – крепко сбитое мужское тело, на котором теперь нет татуировок, но их узор изображен отсутствующими срезанными с него фрагментами кожи, что наводит на мысли о том, из чего же сделаны «одеяния» женской части. На лицо забрака с растянутым оскалом гнилых зубов опускаются стянутые ремнями худощавые женские руки. И две части монстра связаны воедино множеством тугих черных ремней. Тварь, стоящая на коленях, опирается на тяжелые разросшиеся культи, заменяющие мужской части руки. Она поднимает одну громоздкую конечность, собираясь произвести

сокрушительный удар в пол, когда стена позади монстра рассыпается, покрывшись перед этим потеками красноватой ржавчины, и оттуда является Черная Пирамида. Горбатый монстр в грохотом бросает свой нож и хватает сращенное из двух частей чудовище. Неизвестно, откуда в его длинных и худых, покрытых обвисшей кожей руках берется сила, позволяющая ему поднять стянутую ремням тварь в воздух и разорвать пополам. Он действительно думал напугать меня этим? Может, когда-то я и лгал себе, но сейчас я уже точно ничего не боюсь.

- Я был слаб, - признаю я, уставившись на трехгранный железный шлем и представляя себе человеческое лицо, которое должно быть на его месте. – Поэтому я нуждался в тебе. Нуждался в том, кто накажет меня за мои промахи. Теперь пришло время покончить с этим.

Я снимаю с пояса меч и активирую оба клинка. Черная Пирамида тоже берет в окровавленные руки огромное ржавое оружие. Мы выходим на середину алтаря, где разбросаны куски внутренностей сросшегося монстра. Я бросаюсь в бой. Почему-то теперь я уверен, что мое оружие будет эффективным. Я уверен в себе, как никогда. Усталость и ранение сильно замедляют меня, но все же на атаку мне требуется гораздо меньше времени и усилий, чем громандной твари, и вскоре я пронзаю ее клинком в области живота. Это замедляет монстра и теперь ограничивает его движения, я не ошибся. Выиграв момент снова, в прыжке я вгоняю клинок в его пирамидальный шлем. Монстр пошатывается, но не падает. Стоило ожидать, что он окажется самой живучей тварью на Коррибане. В ходе его новой попытки атаковать меня я лишаю Черную Пирамиду оружия, оставив его с коротким и бесполезным обрубком ножа. И тогда, к моему удивлению и негодованию, этот урод просто уходит. Тем же путем, каким и пришел. Я бросаюсь за ним к ржавой стене, но та начинает латать дыру. У меня нет возможности преследовать его. Я хватаю тускенскую винтовку и успеваю дважды выстрелить в спину Черной Пирамиды, но шаги его не стихают за зарастающей стеной. Я зол до крайности! И теперь у меня больше нет оружия дальнего боя, эта винтовка без патронов – просто костыль.

Оставшись ни с чем, я в ярости стучу прикладом в стену, пока не удастся укротить эмоции. Тогда, опустив голову и тяжело дыша, я замечаю что-то, слабо поблескивающее у моих ног. На полу оказывается старый ключ с прикрепленной к нему биркой, на которой стоит цифра 12. Видимо, это может быть единственный указатель,

куда мне двигаться дальше. Нужно найти дверь, которую открывает найденный ключ. Я покидаю ритуальные палаты и возвращаюсь к карте. На плане Академии есть только одно место, к которому число двенадцать может иметь отношение – Палата Темного Совета. Это помещение должно располагаться прямо под пирамидальным куполом. Я поднимаюсь по местами обрушенной почти полностью, побитой до опасного состояния винтовой лестнице к тяжелым, окованным металлом дверям. Возможно, когда-то на них были изображения, но сейчас передо мной только изъеденное коррозией решето, осыпающееся на пол рыжей крошкой. Ключ с вопящим скрежетом проворачивается в заедающем замке – и моему взору предстает Палата Темного Совета, величественная, почти нетронутая разрушениями. Просторный темный зал с круглой колоннадой и двенадцатью тронами, между колоннами установлено двенадцать больших каменных фигур в плащах с капюшонами. А на центральном троне, между двух статуй, в усталой позе, тяжело дыша, сидит мой учитель. Его руки в крови, седеющие волосы в беспорядке, на лице блестят капли пота. Он тоже сражался с чем-то – я думаю, Коррибан уготовил для него нечто, стоящее его деяний.

- Я получил твоё сообщение, - как ни в чём не бывало, сообщает Сидиус. – Связь была очень плохой, но я понял, что у тебя проблемы здесь...

- Моя проблема – это ты! – оскалив зубы, рычу я.

Мне неведомо, что за выражение сейчас застыло на моем лице – я не контролирую себя и не хочу этого. Я не могу смотреть в лицо Сидиуса без неудержимой ненависти, без желания залить всю эту Палату его кровью! Он неизбежно видит и чувствует это, его лицо меняется, в глазах появляется настороженность.

- Мол, - произносит он предупредительным тоном и поднимает руку, словно хочет, чтобы я успокоился, подчинившись его повелению.

Он смотрит на меня, как на зверя, и это невыносимо! Ведь именно так он смотрел на меня всегда, пытаясь не учить, но натаскивать, дрессировать меня! Я никогда не подчинюсь более! Я отдаюсь своим эмоциям и со всей силы ударяю его в голову прикладом тускенской винтовки. Когда Сидиус падает на пол с рассеченным теменем и залитым кровью лицом, я ставлю ногу ему на грудь и бью прикладом снова. Я продолжаю, хрипя от ярости, наносить ему удары снова и

снова, пока не превращаю его череп в месиво размозженной плоти и раздробленных костей.

Не могу сказать, что я никогда не думал о том, как именно убью Дарта Сидиуса. Но мое воображение никогда не рисовало картины, похожей хоть сколько-нибудь на развернувшееся здесь зрелище. Не зная, что теперь о себе думать, я молча стою над безголовым телом, когда слышу чьи-то тихие шаги. Обернувшись, я вижу того, о ком напрочь забыл и думать – человеческого ребенка с Татуина.

- Энакин, - произношу я, выпуская из рук винтовку, приклад которой забрызган кровью и мозгами моего учителя.

Он смотрит на меня широко распахнутыми глазами, в которых нет четких эмоций. Почему-то это меня беспокоит. Зная теперь, кем является этот мальчик, я даже не задаюсь вопросом, как он пересек Долину Темных Лордов и оказался здесь. Но я опасаясь теперь допустить непоправимые ошибки в общении с ним.

- А где Дуку? – спрашивает Энакин.

Ему невозможно соврать, как подсказывают ощущения. Он способен неизбежно почувствовать любую ложь.

- Наверное, уже в Силе, - даю я честный ответ.

Мальчик сдвигает брови в растерянности и негодовании:

- Ты... его убил?

- О Сила, конечно, нет! – восклицаю я так, словно оправдываюсь. Почему мне так сложно вести диалог с этим ребенком? Я подхожу к нему и присаживаюсь перед ним на корточки, чтобы мы были на одном уровне – может, так будет проще войти в доверие к нему.

- Я тебе не верю! – гневно выкрикивает мальчик, сжав кулаки. - Ты ведь убил Квай-Гона! И я так и не могу понять, почему!

Что я могу сказать ему, кроме того, что уже сказал?

- Я уже говорил, что по приказу, - приходится повторить мне, но ответ не устраивает Энакина:

- Ты мог не делать этого! Ты же не раб!

- Конечно, - признаю я и, ничего не скрывая, добавляю: - Но я этого хотел.

Мне нужно его доверие. Мне нужно вывести его отсюда, ведь именно за ним гонится Братство Скера Каана, ведь это он находится в опасности!

Энакин бросается на меня с кулаками.

- Я ненавижу тебя! Ненавижу! Ненавижу! – криком повторяет он, пытаюсь ударить меня в лицо.

- Это хорошо, - удерживая его за плечи, говорю я, - хоть ты еще мало понимаешь.

Ребенок на время успокаивается и готов меня слушать, продолжая притом смотреть исподлобья со злостью и недоверием.

- Джедай поверг бы тебя в заблуждения, - пытаюсь спокойно и без лишнего давления объяснить я. – Если бы он стал учить тебя, ты не узнал бы истинные возможности Силы никогда.

- Откуда тебе знать? – продолжает сомневаться во мне Энакин. Но он, по крайней мере, внимательно слушает мои слова.

- У Силы две стороны, Светлая и Темная, - сообщаю я и вспоминаю, что нужно учитывать то, что ему мог уже наговорить до этого джедай. - Но это не добро и зло. Ты видел ночное небо. Понимал, как мало пространства освещают звезды? Весь космос темный! Он существовал бы и без звезд – они рождаются и умирают, а он остается. Темная Сторона – это все. И ее знают лишь такие, как я.

Похоже, что проведенная мной аналогия оказывается убедительный. Энакин задумывается:

- Я понимаю... Но почему ты не объяснил раньше? Почему не поговорил вот так? Почему ты злой?

- Я не злой. Я просто не пытаюсь показаться хорошим, не стремлюсь никому понравиться, - я вновь пытаюсь противопоставить себя джедаям, которые оказали на него некоторое влияние.

- А своему учителю? – неожиданно спрашивает мальчик.

У него огромный потенциал, он может обрести завидную мудрость, если сумел так подловить меня. Это впечатляет.

- С этим все, - уверяю я. И, выдержав паузу, перехожу к главному:
- Ты должен знать еще кое-что. Я не просто так говорил тебе идти со мной. На этой планете очень опасно. Здесь есть некое объединение, Братство, которому нужен ты.

Энакин поднимает на меня широко открытые светлые глаза:

- Но зачем?

- Они хотят убить тебя, я не шучу. Они безумны. Они провели здесь в неволе почти тысячу лет. Представь, насколько они озлоблены.

Глаза мальчишки блестят. Похоже, теперь он напуган, и это хорошо. Есть надежда, что он будет меня слушаться, и я смогу выполнить свою главную задачу.

- Ты ведь не отдашь меня им? – хочет быть уверенным встревоженный ребенок.

- Нет, - твердо говорю я, глядя ему в глаза. - С тобой все будет в порядке. Мы выйдем отсюда. Главное, не отходи от меня и не спорь с моими словами, что бы я ни сказал. Ты понял меня?

Энакин несколько раз кивает. Я встаю и позволяю ему взять меня за руку. Кто знает, удастся ли избежать столкновения с Братством Тьмы. Может, они уже здесь, сумели отследить мальчика. Так или иначе, у меня уже есть план того, как в этом случае я поступлю. С ребенком все будет в порядке, остальное не имеет решающего значения.

Приближаясь к выходу из Академии Ситхов, я уже вижу, что Тьма рассеялась, и это впервые меня не радует. Но дальше сбываются и худшие опасения – толпа обозленных и поехавших ситхов под предводительством Каана уже встречает нас на выходе из Академии, обступив здание и отрезав любые пути к отступлению.

- Мы знаем, что Избранный здесь! – глядя на меня, выкрикивает Скер Каан.

- Зачем он вам? – делаю вид я, будто мне ничего неизвестно.

- Мы приносили жертвы ежегодно, но это тщетная, кратковременная мера в противостоянии Тьме. Лишь Избранный утолит голод Сердца Коррибана!

Толпа вскидывает кулаки вверх и издает безумный крик в поддержку своего лидера. Я встречаюсь взглядом с ним и убеждаюсь, что в этих глазах уже давно нет ничего живого. Это пронзительный несфокусированный взгляд совершенно утратившего рассудок человека. Я отпускаю руку Энакина, быстро кивнув ему, чтобы как-то показать, что все идет, как нужно, после чего делаю шаг навстречу Скеру Каану:

- Избранный – я! – заявляю я в соответствии со своим планом на такой случай. - Я – воплощение Ситх'ари!

- Но ты ведь забрак? – косится на меня лидер Братства. Расчета и не было на то, что мне безусловно поверят.

- Если бы у тебя были те возможности, - усмехнувшись, продолжаю врать я. - Вдумайся – перенести свой разум в любое тело! И ты бы выбрал человека? Или все же что-то получше – с завышенным болевым порогом, парой сердец и очень прочными костями?

- Допустим... - частично соглашается Каан, но не оставляет подозрений. - Но ты так легко говоришь об этом?

Я был готов к подобному выпадку, и у меня был заготовлен самый четкий ответ:

- Я истинный ситх. И я не боюсь своей участи. Сейчас мы узнаем, какова она, - с этими словами я беру в руки оружие и включаю его. - Попробуйте взять меня!

В затуманенном сером воздухе загораются красные клинки. Именно на это я рассчитывал, но в этот раз их свет почему-то не привлекает ни единого монстра. Замысел не сработал. Все, что остается при таком раскладе – сражаться, заведомо осознавая, что долго я не продержусь. Что ж, я все равно не сдался. Я готов упасть без сил, когда во мне нет сомнений, что я боролся до последнего и ни в чем не дал им уступки.

Грязные руки нескольких гуманоидов поднимают меня с засыпанной пеплом земли и заламывают мне руки за спину. Энакин тут же пробирается сквозь оборванную толпу и пытается подбежать ко мне.

- Не трогайте его! Не надо! – кричит он.

Лучше бы он не делал этого, лучше бы остался в Академии, но я не могу даже говорить, когда меня силой ведут куда-то озлобленные грязные ситхи. Они бьют меня, заставляя идти, смеются мне в лицо, добивают ногами, если я оступаюсь, поднимают и снова заставляют идти. В их лицах нет ничего, кроме безумия и жажды крови. Весь сброд Галактики, что успел в своей жизни повидать я, не может сравниться с ними в этом, куда уж там нереальным узникам «Улья Шестерни 7». Это звери, настоящие разозленные одичавшие звери.

- Пустите его! Не надо! – кричит мальчик, продолжая бежать за мной вместе с толпой.

- Эни! – окликаю его я. Мы встречаемся взглядами. Он смотрит на меня так, как никто никогда не смотрел.

- Успокойся, - тихо говорю ему я, - так надо.

Мы движемся в направлении, противоположном Долине Темных Лордов, в гористую местность через крутой каменистый перевал. Несравнимо тяжелый путь заканчивается в ущелье, где среди скал сложен округлый каменный алтарь, в котором горит огонь. Вероятно, мы достигли места, известного как Вечный Костер, но мне не приходилось ничего слышать прежде о том, что находится над этим

костром, зависшее в воздухе и прикрепленное огромными трубками к рыжим скалам.

- Сердце Коррибана! – торжественно восклицает Скер Каан, и толпа снова взывает.

Трудно описать, насколько мерзко выглядит огромное монструозное «сердце». Оно имеет форму и размеры ментальной бомбы, но состоит из тонкой, гнилой, покрытой скоплениями струьев кожи, на которой ритмично пульсируют огромные желтые волдыри. Сквозь них видно, что «сердце» заполнено прозрачной жидкостью, в которой плавают крупные кровяные сгустки. И вся эта блестящая масса перетекает, вздымается и вздрагивает, рисуя невыразимо уродливую карикатуру на сокращения настоящего сердца.

Возле Вечного Костра установлена большая металлическая решетка, скрепленная с системой рычагов и тросов, которые опускают ее на огонь, о чем я догадываюсь, когда меня ведут к этой почерневшей от нагара конструкции.

- Эни! – кричу я мальчику, пока «братья» Каана привязывают меня к решетке.

Он хочет подбежать, но какой-то тви'лек из толпы хватает его за плечо и удерживает от этого.

- Я знаю все, - кричит мне Энакин, когда его глаза снова начинают блестеть, - ты скажешь мне, чтобы я закрыл глаза и не смотрел.

- Нет, - возражаю я. - Стой с широко открытыми глазами. Смотри. Прочувствуй мою боль. Ощути страх. Они сделают тебя сильнее!

Мои слова шокируют мальчика.

- Для чего? – восклицает он.

- Однажды ты узнаешь! – произношу я последнюю, обращенную к нему фразу, прежде чем намертво сцепить зубы.

Решетка опускается все ниже над Вечным Костром, огонь уже касается моей спины и затылка. Татуинский кошмар не обманывал – я выбрал такую участь. Это было все, что я мог сделать для спасения Энакина сейчас. Я смотрю в его сторону сквозь языки пламени – он послушал меня и не закрыл глаза. Он будет сильным.

Я терплю усиливающуюся боль, не издавая ни звука, но начинаю инстинктивно дергаться в тщетных попытках высвободиться. Все вокруг плывет перед моими глазами в мареве, и я не могу понять, что происходит, когда толпа снова начинает кричать, но не синхронно, а встревожено, в панике:

- Тьма наступает! Тьма наступает!!! Это была ложь?! Не Избранный!... Он идет сюда! Проклятье, это он!!!

Я не выдерживаю боли и дергаюсь вперед в очередной раз – и внезапно ремни, которыми меня привязали к решетке, разрываются. Они не могли сгореть, произошло нечто иное, и когда я вскакиваю на ноги, то вижу, что по решетке ползают крупные орбалиски.

Спешно спрыгнув вниз, пытаюсь руками погасить тлеющую одежду, я вижу, как темнеет небо прямо над Вечным Костром, образовав в серой облачности дыру, которая стремительно растет, а глинистые скалы от низа к верху становятся черными, будто Тьма ползет по ним, заращая новой кожей. Переполошенная толпа пятится от глубокого темнеющего разлома в земле, от которого по скалам и начал разрастаться черный цвет и из которого несметным полчищем выползают орбалиски. Вскоре за ними из бездонной ямы восстает, необъяснимым образом поднимается тот, кто существовал с ними в симбиозе, тот, кто перенес столько боли, что сам стал ее повелителем здесь, тот, кто явился идеальным ситхом. Это с ним пришла Тьма, повергнув всех в трепет. Толпа мечется, пытаюсь отступить от него, словно кучка испуганных зверей, но хода нет между скал ущелья, единственная дорога сюда отрезана. Дарт Бейн, ступив на окрасившуюся в цвет копоты почву, окруженный орбалисками, с каменным лицом молча смотрит на жалкое Братство. Никто не может знать, чего ждать от исполина в живой броне, несущего созданный им единолично величайший кошмар за своими могучими плечами. И то, что он начинает делать, становится поистине шокирующим зрелищем – он собственными руками отдирает прикрепившихся намертво паразитов со своего тела вместе с кусками кожи и бросает их в сторону фанатиков. Выползшие из-под земли орбалиски вместе со своими собратьями, снятыми с тела Ситх'ари, бросаются в сторону толпы зароптавших в страхе гуманоидов, покрывая их тела и заползая под броню. Павшую во мрак Долину тревожат исступленные крики боли. Все дело в том, что паразиты ведут себя не так, как обычно. Они не прилепляются к коже для симбиотического существования, а вгрызаются в плоть, проедая ее, как черви гнилое мясо, буквально изрешечивая заживо обезумевших ситхов с их предводителем Скером Кааном.

Мне не сразу удастся опомниться от этого зрелища и осознать, что теперь я мог бы покончить с этим. Уничтожить Сердце Коррибана – единственный способ замуровать навсегда выход из

иной реальности для запертых в ней прогнивших душ. Если бы только у меня было хоть какое-то оружие... И, надо полагать, не случайно, оно все же оказывается у меня – ритуальный нож с тремя красными камнями на рукояти, который я забрал, как трофей, и носил в сапоге. Все вело меня к тому, что я должен сделать сейчас, пусть даже это будет стоить мне жизни. Я выхватываю нож, несмотря на то, что он еще остается раскаленным до очень высокой температуры, и принимаюсь, с каждым усилием взывая от боли, взбираться на уступ, к Сердцу Коррибана. Достаточно силы еще осталось в моих руках, чтобы добраться до нужной высоты. Но когда я принимаюсь перепиливать ножом трубки, соединяющие Сердце со скалами, мне кажется, что я уже ничего не смогу из себя выжать, не чувствуя ничего в руках. Горят и ноют все мышцы тела, сердца снова бьются с болью, но я, уже утратив рассудок, в последнем порыве пилю ножом дрожащие и дергающиеся трубки, пока, в конце концов, вся эта отвратительная масса не падает в огонь костра. Ее остатки громко шипят внизу на решетке, вверх поднимается едкий черный дым, а из разрезанных трубок какое-то время капает черно-красная жижа.

Спуск стоит мне последних, каким-то чудом сохранных сил, и с каждый шагом я готов к тому, что очередное отдающееся болью сокращение моих сердец станет последним. Спустившись, едва стоя на дрожащих, утративших чувствительность ногах, я собираю в кулак всю закаленную волю, чтобы только не позволить себе потерять сознание прежде, чем я отыщу Энакина и смогу убедиться, что с ним все в порядке. Мне везет, и я замечаю его сразу – мальчик стоит у костра вместе с Бейном, который держит его за плечи. Безмолвный исполин, кожа которого покрыта кровоточащими дырами в тех местах, где к ней прирастали орбалиски, не отводит от меня взгляда желтых глаз, тяжелого, но воодушевляющего. Если бы только у меня не отнимали покой мысли о том, что я не был достоин того, чтобы меня спас сам Дарт Бейн.

- Почему ты помог мне? – не могу я уразуметь причину оказанной мне чести.

Я получаю ответ без единого слова. Величайший Лорд Темной Стороны, Ситх'ари, пристально глядя мне в глаза, проводит огромной ладонью по волосам Энакина, оставляя на них кровавый след, и кивает. После чего так же молча уходит, и его могучая фигура растворяется во мраке. Теперь он обретет свой покой, которого ждал так долго. То, что он совершил здесь – это был апогей его боли, его

ненависти, его силы. Это последнее, о чем я успеваю подумать перед падением без чувств...

По прошествии, подозреваю, весьма долгого времени я все же прихожу в себя вновь. Тяжелое возвращение в сознание подобно пробуждению после кошмарного сна, но ожоги на моем теле и дырявые трупы вокруг Вечного Костра совершенно реальны. Как и кровавая полоса на волосах Энакина, сидящего рядом и глядящего мне в лицо.

- Тебе больно? – обеспокоено осведомляется мальчик.

- Сильный не ведает боли, - сохраняя верность себе, произношу я и поднимаюсь на ноги. - Со мной все будет в порядке.

- А что будет со мной? – подняв на меня глаза, интересуется Энакин.

- Я буду учить тебя, - сообщаю я и снова позволяю ему взять меня за руку.

Он будет сильным. Он будет истинным ситхом. Идеальным ситхом, если раскроет все заключенные в нем возможности. Я уверен, что так и будет, а сейчас мы наконец-то сможем покинуть затуманенный мир кошмаров. Здесь я, как никто, понял, сполна познал, что такое мертвая тишина. Молчание Коррибана веками скрывало страшнейшие тайны Галактики.

ЧАСТЬ 2

Граф Дуку:

Невероятно тяжелое пробуждение, словно я так и не смог ни на минуту заснуть этой ночью. Я с трудом открываю глаза, и первое время перед взором клубится туман. У меня кружится голова. Что происходит? Это моя спальня? Почему все здесь покрыто ржавчиной и кровью?

Осмотревшись, я могу убедиться, что лежу на своей кровати. Но почему на мне мундир и сапоги? Это, конечно, тоже может быть объяснимо. Я не высыпаюсь, катастрофически не высыпаюсь из-за еженощно преследующих меня ужасов туманного Коррибана. Я мог быть сморенным усталостью настолько, что упал на кровать и заснул не раздеваясь. Но если на мне мои сапоги, то чьи это стоят у кровати? За ними оставлены кровавые следы. Очень странно. Это моя обувь? У меня нет ответа.

Я встаю с постели и выхожу из спальни. Белая ткань упала с давно завешенного зеркала. Через стекло проходит трещина, поверхность зеркала покрылась разводами и пятнами. Я замечаю это боковым зрением, но не оборачиваюсь, не хочу смотреть, ведь уже известно, чего ожидать, проходя мимо – ощущения, что кто-то идет за мной, ступая по моим следам. Некто словно постоянно стоит у меня за спиной.

Невольно прибавив шагу, я иду в рабочий кабинет. И передо мной предстает та же самая картина. Чем это заросли все стены? Какой-то рыжей плесенью или лишайником. Где картины, которые висели здесь? Нет и следа, только какое-то пятно на стене. Оно похоже на череп... животного?

Проклятье, мои вещи на столе тоже покрыты плесенью, только белой! Я не стану к этому даже прикасаться! Видеть такое в графском поместье – это нонсенс. Но, покинув кабинет, я вижу, что здесь есть нечто еще более гадкое. Потолок, стены, пол, все предметы в помещениях с заплесневелыми стенами опутаны, словно корнями ползучего растения, уплотняющейся ветвистой сетью сплетенных блестящих красно-коричневых сосудов или нервов. Все это вздымается и пульсирует, что наводит на мысли о том, что оно живое. Я иду от тонких сплетений к более толстым, чтобы найти источник этого явления. Корни-сосуды приводят меня в тронный зал,

пребывающий в ужасающем состоянии. Витражные стекла грязны и побиты, стены местами разрушены, а пульсирующая красно-коричневая масса образует огромное бесформенное, подобное кокону сплетение прямо над троном. Из него капает мутная жидкость, которая, видимо, и размазана по полу и стеклам. В этом помещении болезненно не хватает воздуха. Конкретного запаха нет, но что-то присутствует в атмосфере, что в спазме сдавливает мне горло. Клубок сосудов над троном начинает шевелиться, пока не лопается с омерзительным чавканьем, и из него выползает таозин. Хищный червь имеет аномальный даже для своего вида размер, а его просвечивающиеся через чешую внутренности совершенно черные. Я чувствую, что не могу дышать...

И тут я с ужасом просыпаюсь, но уже по-настоящему. Какое-то время дыхание остается затрудненным.

Меня посетил еще один кошмар, в этот раз внутри другого кошмара. С каждым днем все крепче опасения, что после очередного подобного сна я не проснусь, а я уж никак не настроен умереть в своей постели. Но в то же время я смертельно устал от этого. И еще больше устал каждый раз вставать и убеждаться, что это действительно моя спальня, и с ней все в порядке. Здесь просто мои старые сапоги. Я носил эту обувь, когда был джедаем. Я не могу понять до конца, зачем они мне здесь, если сейчас я ношу сапоги из кожи ранкора. Такое чувство, что я забываю их переставить. Не будь я один в своем поместье, уже подумал бы, что кто-то другой постоянно ставит сапоги на одно и то же место.

В моем кабинете все как обычно. Мои картины на своих местах. Любимый *«Океанский пейзаж»* особенно мне дорог, он связан с единственным моим воспоминанием о том, что было до джедайской жизни. Помню, как бывал в этих живописных местах в раннем детстве, как собирал на берегу ракушки. *«Портрет родителей»* тоже весьма значимое полотно, ведь сам я их практически не помню. Разве что мне известно, что они были строгих правил, как все истинные аристократы, и умели скрывать любые проявления чувств. *«Большой Дворец Съездов»*, конечно, не представляет собой ничего особенного или выдающегося, просто место, где шесть знатных родов вершат судьбы народа Серенно, но, кажется, у каждого графа наличествует в поместье его изображение. И темнеющее пустое место... Здесь был портрет моего младшего брата. Почему у меня начинается дикая головная боль каждый раз, когда я сюда смотрю?

На Коррибане мне несколько раз казалось, что я видел брата. Это была очень странная иллюзия, учитывая то, что я каким-то образом узнал его, когда мы ни разу в жизни не встречались лично. Но самое главное, он ведь покончил с собой несколько лет назад, в этом самом поместье.

Конечно, его появление должно было быть фрагментом огромной мозаики, которую сложила бы передо мной мертвая планета, если бы я прошел уготовленный мне ею путь до конца. Но я знаю, что я его не прошел. Мало что известно о том, что случилось после того, как я в одиночку принял бой с монстрами-женщинами в Долине Темных Лордов. Выдалось невероятно долгое, изнуряющее противостояние, из которого были все шансы не выйти живым. Я помню, как упал, а твари продолжали атаковать, но я предпочел не шевелиться вместо того, чтобы пытаться уберечься от ударов их ржавых ножей, что все равно вряд ли было возможно. Мол тогда уже был далеко, вне видимости монстров. И они, наконец, неподвижно застыли надо мной. Без шума, без малейших моих движений, без света моего клинка им было не на что реагировать. Мне открылся единственный путь к спасению – неподвижно лежать среди склонившихся надо мной тварей с ножами, истекая кровью, сходя с ума от боли, пока не рассеется Тьма.

Мне до сих пор трудно поверить самому, что мне удалось это выдержать. И продолжить путь сквозь туман и пепел, скрипя зубами от боли, не зная даже, куда идти. Я пересек Долину Темных Лордов и вышел к звездолету, принадлежавшему, по всей видимости, Дарту Сидиусу. На его корпусе кровью была выведена надпись: «*Забит молотом*». Нужно полагать, это не была случайная игра слов. Что касается участи Дарта Мола, то могу сказать, что знаю, что брак покинул Коррибан, и наверняка нашел ответы. Но это были его ответы, а не мои.

Но, право, я не думал ни об ответах, ни о чем другом, когда вернулся на Серенно, уже в полуобморочном состоянии. Проведя несколько часов в бакта-камере, обессиленный, разбитый, я, с трудом натянув халат, упал на кровать... и провалился не в сон, а в ту самую туманную реальность, из которой только-только смог вырваться! Я чуть не сошел с ума в один момент!

С тех пор я видел проклятый Коррибан в снах и мысленных видениях каждую мирную сереннскую ночь. И если первое время после прибытия из того ада я мог полагать, что у меня нечто вроде

посттравматического синдрома, хоть и не свойственного мне никогда прежде, то чем больше времени проходило с тех пор, тем ярче становились кошмары вопреки ожидаемым закономерностям. Именно тогда меня начали посещать мысли о том, что свое испытание я не прошел до конца.

Я был политиком-идеалистом, как меня называли многие. Но Коррибан столкнул меня с моими заблуждениями, поставил на землю. На родине древних ситхов мне в руки попали схемы, возможно, мощнейшего оружия Темной Стороны – ментальной бомбы. И все, что происходило со мной на этой, лишь с виду безжизненной планете, было прямым, неприкрытым искушением: почувствовав во мне ненависть к джедаям, стыд за них и жажду установить иную систему власти и контроля в Галактике, она преподнесла мне реальный способ уничтожить Орден и изменить ход истории. Темный мир испытывал меня на прочность, на твердость воли, заставлял постоянно задавать самому себе вопросы, смог бы я совершить нечто подобное, действительно ли я смогу быть на Темной Стороне. Мне казалось, что мой выбор станет окончательным после случайной встречи с Молом, но в то же время мне пришлось сомневаться, что его убийство станет верным решением для меня. Не выбирая сторону, поступив в итоге так, как велела честь аристократа, я думал вовсе отказаться от своих амбиций и прожить остаток жизни безбедно и спокойно на Серенно. Но я не мог знать, что Дарт Сидиус навсегда испортит мою мирную жизнь.

Изначально этот ситх стал появляться в моих кошмарах о Коррибане. Как я вскоре понял, он стал узником туманного мира, пав от руки своего ученика Дарта Мола. Сидиус пытался что-то сказать мне о том, что он рассчитывает на мою помощь, но я не хотел даже думать о том, чтобы снова соприкоснуться с испорченной реальностью наяву.

Однако реальность начала выходить за пределы сновидений. Я видел в зеркале туман над Дрешде за своей спиной, видел, что на мои плечи ложится пепел, и проверял ладонью, нет ли на самом деле крупниц золы на моей одежде. Когда подобные видения уже почти вошли в некую привычку, в отражении за моей спиной начал являться Дарт Сидиус. Он все настойчивее и яростнее требовал, чтобы я летел на Дромунд Каас, нашел там Пророков Темной Стороны и заключил с их лидером Каданном договор об использовании найденного мной на Коррибане оружия против

джедаев. Он требовал провести этот безумный ритуал, который убивает всех, включая тех, кто его использует.

Я потерял счет времени в мучительном наваждении, но наверняка прошел не год и не два, когда Сидиус все же получил мое согласие. Моей целью не было ни оказание ему услуги, ни избежание его гнева – я просто рассудил, что готов сделать свой выбор и доказать его взвешенность и непоколебимость. Я провел прогремевший на всю Галактику джеонозианский маневр, который наверняка сослужил ту еще службу ситхам в лице Мола и его ученика. Покидая обреченный Джеонозис на солнечном паруснике, я отчетливо ощутил на себе, когда произошел взрыв ментальной бомбы, созданной Каданном и его сообщниками благодаря схеме, предоставленной мною. У меня была надежда, что теперь мой путь пройден, и все в моей жизни станет на свои места, но после этого события кошмары стали только хуже, и к ним присоединилась головная боль.

Кроме того, вскоре мне пришлось узнать, что вовсе не услуги для Темной Стороны хотел от меня Дарт Сидиус. Все, что его интересовало, было собственное освобождение. «Он пытался убить меня. Он хочет наказать меня. Монстр... Красный Зверь», - все чаще проскакивали исполненные отчаяния реплики в его речи, хотя меня они никак не задевали. И все равно Сидиус, все так же в отражении стоя за моей спиной, требовал, чтобы я привез на Коррибан Избранного, которым, как выяснилось, является Энакин – мальчик, увезенный Молом с мертвой планеты и ныне взятый им в ученики. И когда я, изведенный и уставший, в порыве гнева криком ответил ему: «Оставь меня в покое!», Сидиус, смеясь и кладя руку мне на плечо, что, кажется, я даже вполне реально на себе почувствовал, произнес: «Покой – это роскошь, более недоступная тебе, граф!». В отражении резко наступила Тьма, а он обратился в одно из порождений Коррибана, горбатое чудовище в шлеме, скрывающем какое-то бесформенное месиво плоти вместо головы. То самое существо, которое Дарт Мол называл Черной Пирамидой, как я понимаю теперь. Я смутно помню, как ушел из комнаты, захлопнув дверь, и что было потом, но пришел в себя я уже в своих садах. Я стоял возле розового куста и сжимал в руке стебель, шипы которого впились мне в ладонь. Видимо, это было интуитивное действие, вернувшее мне связь с реальностью.

С тех пор я уже никогда не чувствовал себя в собственном дворце спокойно и безопасно. Ночами мне снилось, что он погружается в

непередаваемое запустение, зарастает лишайниками и плесенью, а днем его наполняли звуки, подозрительно непривычные для меня, привыкшего жить в поместье в одиночестве, с прислугой, состоящей исключительно из дроидов. Я избегал взглядов в зеркала, но даже проходя мимо или глядя на блики, бросаемые ими на стены, ловил себя на ощущении, что кто-то идет за мной, шаг в шаг, след в след. Мне пришлось принимать меры против этого наваждения: сначала я завесил тканью все крупные зеркала в поместье, потом убрал из виду почти все отражающие поверхности. Меня ни на день не оставляли мучительные головные боли, которым не находилось объяснения с позиции медицины. Мое поведение стало выглядеть подозрительным для прочих знатных особ, с которыми я вынужден был сталкиваться на различных официальных мероприятиях. Я никогда не принимал гостей в своем дворце. Я не мог объяснить, почему выгляжу так, будто вообще не сплю ночами, почему мне ненавистна тишина, почему я избегаю зеркал, почему не пью красного вина, от которого я полностью отказался после кантины на Коррибане, когда мне показалось, что бутылка была заполнена кровью с белыми мясными личинками.

Сколько лет уже проходит для меня в таком напряжении? Утратив счет времени, невозможно сказать точно, да и сам я почему-то не хочу считать. Мне проще думать, что жизнь проходит не так стремительно – а именно так кажется теперь, когда седины в волосах уже не может стать больше. Но все же я знаю, что на самом деле в мучениях утрачено чудовищно много времени, и уверен, что никто не может даже вообразить такое. И сегодня снова навязчивый ужас вернулся в предутренний час. Воздух во дворце очень тяжелый. И так сильно болит голова. Неудивительно, что в кошмарах я чувствовал удушье. Нужно открыть окна. Однако мне это не удастся. Едва успев подумать, что не так может быть с управлением, я обнаруживаю, что мое поместье полностью обесточено. Такой поворот уже даже не кажется мне странным. Открыть окна вручную также не выходит. Мне лучше выйти на улицу – состояние настолько нехорошее, что мне просто необходим хотя бы глоток свежего воздуха. Но все двери заперты, и я никак не могу их открыть. Это просто невозможно, ведь подобное недопустимо по всем правилам техники безопасности, всегда есть аварийные механизмы, и я не знаю ни одного случая, чтобы в один момент отказало абсолютно все. Похоже, дело весьма

серьезное. И в дополнение ко всему я замечаю, что во дворце нет ни одного дроида.

Прежде я никогда не был ни мистиком, ни даже агностицистом, я привык искать всему рациональные и реалистичные объяснения. И некий заговор, конечно, первое, про что стоило бы подумать, оказавшись запертым в своем поместье. Но я не занимаюсь политикой и уж точно никому в последнее время не переходил дорогу. Никто не может знать о том, что я стою за опустошением Джеонозиса, да и случилось это не вчера. Зацепиться моей логике не за что.

Я смотрю в окна – обычный тихий пасмурный день, ничего странного не удастся заметить. Но кто-то есть здесь, рядом, в моих садах. Молодая женщина в изумрудно-зеленом платье. Спустившись на нижний этаж, вновь взглянув в окно, я вижу, что это юная графиня Налджу. Она гуляет в моих садах, читая что-то на датападе. Эта девушка проявила желание общаться со мной еще тогда, когда я только вернулся на Серенно, очень интересовалась моим джедайским прошлым. Она стала мне как дочь, и рядом с ней ослабевает мое сожаление о неимении собственных наследников и падении дома Дуку, час которого неизбежно близится. О Налджу! Ты всегда спасала меня, Налджу! Когда в своих стенах я уже сходил с ума от бессонницы, ты словно чувствовала это. Приглашала меня к себе. И за чаем вела со мной разговоры о моей джедайской жизни до ночи. И ночью так часто предлагала остаться, что отведенную мне спальню для гостей стала звать моей комнатой и не пускала в нее более никого. Только в чужих покоях я мог насытиться сном за дни, недели без нормального отдыха из-за постоянных кошмаров и наваждений. Может, я до сих пор жив и еще в своем уме лишь благодаря тебе, Налджу!

Я кричу ей. Зову ее. Но она не слышит меня.

Знать Серенно высоко ценит уединение и покой. Поэтому окна дворцов устроены так, что снаружи не видно, что творится внутри. Сейчас я проклинаяю это свойство стекол – если бы не оно, Налджу могла бы, по крайней мере, увидеть, что я зову ее.

Может, во мне просыпается паника, которой поддался бы любой разумный вид, оказавшись запертым в потенциально небезопасном помещении, но я чувствую, что мне нельзя оставаться здесь. Я должен покинуть поместье, любым способом. Но даже световой меч не берет двери. При этом я точно знаю, какие материалы

применялись при строительстве – такого эффекта не должно быть. Происходящее больше не подчиняется никакому здравому смыслу. Я просто мечусь по опустевшим помещениям, пытаюсь успокоиться. Может, стоило бы подняться в тронный зал и предаться медитации, если только там не такой до тошноты спертый воздух. Но по дороге туда я ощущаю то, что выводит меня из равновесия окончательно – я снова чувствую себя отрезанным от Силы, как это было на Коррибане.

Когда удастся преодолеть оторопь, охватившую меня посреди тронного зала, я замечаю влажный след на полу, словно здесь протащили что-то тяжелое. Увиденное вызывает очень неприятные мысли, невольно вспоминается свежий кошмарный сон. Но, несмотря на отголоски эмоций, я иду по следу, вновь спускаясь на нижние этажи. Дышать здесь становится просто невозможно. Головная боль усиливается, она все больше мешает ясно мыслить. Страшное зловоние исходит из подвала, куда я не заходил очень давно, годами. Там я храню тело Сайфо-Диаса, замороженное в карбоните, по приказу Дарта Сидиуса. Этот джедай некогда был мне почти другом. Хотя на самом деле я вообще не уверен в существовании дружбы, потому он и стал моим первым подношением Темной Стороне. Сам не понимаю, почему до сих пор не избавился от трупа Сайфо Диаса, если меня по факту не удерживали никакие опасения или чувства. Однако сейчас, спустившись в душный подвал, я вижу, что тела там нет. Его исчезновение не остается единственным изменением: я замечаю на стене пятнадцать темно-красных отпечатков рук, а прямо в центре помещения в полу красуется огромная дыра. Она абсолютно темная, и попытки, заглянув в нее, понять, куда она ведет, безрезультатны, но из дыры, откуда-то издалека, слышатся голоса. Кажется, что голоса женские или детские, что еще более странно. Конечно, нельзя и предполагать, что может там ожидать, и это весьма слабая надежда на освобождение, но я уже готов на все. Откинув все многочисленные противоречивые мысли, я прыгаю в дыру.

Не могу знать, с какой высоты я спрыгнул, но приземление отдалось болью в ступнях. Я оказываюсь в кромешной темноте, между стен узкого лаза, ведущего только в одну сторону. Идти по нему можно лишь пригнувшись, каменные стены временами задевают плечи. Я решаю, что лучше снять с пояса меч и активировать его, не только для того, чтобы видеть, что может быть впереди, но и в целях безопасности.

Трудно оценить, как долго я иду по каменному туннелю. Но усталость уже смутно дала о себе знать, когда впереди стал различимым округлый выход. Все, что я могу видеть, так это то, что в том месте, куда проход привел меня, очень темно. Когда дорога по туннелю заканчивается, спрыгнув с небольшой высоты, я выключаю меч и, когда глаза несколько привыкают к темноте, осматриваюсь. Старая подземка, вероятнее всего, совсем заброшенная станция. Темно-красные стены побитые, рассыпающиеся, с них уже отслоилось несколько слоев краски. Влажный пол покрыт размокшей грязью и бесцветным мхом, особенно густо разросшимся вокруг трещин. Тем же белым растительным налетом покрыт и застывший на месте ржавый вагон много лет назад неподвижно залегшего на направляющие рельсы ховер-поезда. Чей-то шаг отбивается от стен подземки – некто идет через вагон, на дне которого скопилась размокшая грязь. Моя рука касается меча, но вижу я вовсе не кого-то потенциально опасного. Из вагона выходит женщина, которую я прекрасно знаю – Костанза. Она была женой моего покойного брата.

- Проклятье, здесь еще и ты... - произносит она с раздражением, увидев меня.

- Костанза, здравствуй, - я приветствую ее, хоть и сам совершенно не рад внезапной встрече. - Что ты здесь делаешь?

На лице женщины появляется выражение неподдельного удивления:

- Что я здесь делаю? Это же мой сон! И мне совсем не хотелось видеть здесь тебя, Дуку.

Похоже, Костанза сама не понимает, что происходит, и никак не планировала оказаться в подобном заброшенном темном месте, но она нашла для себя правдоподобное, на ее взгляд, объяснение.

- Ты думаешь, это сон? – переспрашиваю я.

Она кисло усмехается:

- Ну а как ты еще мог появиться в моей жизни, кроме как в дурном сне? После того, как ты меня выставил. Это же было так аристократично.

Не сомневаюсь, что она все еще держит на меня зло за то, что, вернувшись на Серенно и приняв титул, я сразу занялся вопросом возвращения себе родового поместья, чем вызвал бурное возмущение Костанзы. Ведь после смерти мужа она добилась того, чтобы продолжать участвовать в делах планеты, притом не вполне законно.

Конечно, из-за меня ей пришлось уехать подальше, но нет сомнений, что эта особа смогла неплохо устроиться на новом месте.

- Видимо, на Альдераане ты бедствуешь, раз так эмоционально припоминаешь мне все, - иронизирую по этому поводу я. - Не скрывай, что тебе нравилось чувство власти.

- Даже говоришь, как тогда! — кивая, произносит Костанза. Ее убеждения не пошатнулись: - Надеюсь, скоро я проснусь.

Она демонстративно отворачивается от меня и тут же вскрикивает в испуге, начиная отступать подальше от стены станции. Я смотрю туда, куда устремлен ее полный ужаса взгляд, и вижу прилепившихся к стене огромных розово-серых раздувшихся пиявок. Я беру женщину за руку, пытаюсь ее успокоить — думаю, ей ничто ничем не грозит, если не паниковать и не трогать неприятных существ. Но что-то падает с потолка, и Костанза с очередным истерическим криком резко выдергивает руку из моей ладони. Она пытается закрыть голову руками. Я поднимаю взгляд на потолок и вижу, что по нему ползают такие же крупные пиявки, как и те, что сидят на стенах. Еще одна из них падает просто у наших ног.

- Убей эту тварь! — кричит женщина, вцепившись в мой рукав. — Убей ее, прошу!

Я все еще не думаю, что эти черви представляют серьезную угрозу, но, вняв ее мольбам, активирую меч и пронзаю свалившуюся с потолка особь. Кожные покровы пиявки шипят, а потом она лопается, через отверстие в толстой коже все ее внутренности выворачиваются наружу. Я понимаю, что все же зря пошел на поводу у женских истерик, когда на свет клинка начинают слетаться другие мерзкие создания, похожие на огромных мух, но безглазые, с круглым зубастым ртом, как у морских миног. Они выползают отовсюду — из пустующего вагона, из дыр в потолке, из трещин в стенах — и массово летят на красный свет. Одна и слепых мух впивается в руку Костанзы, но я тут же умерщвляю кровососущее насекомое. Несколько особей пытается напасть и на меня, но они не могут прокусить прочную ткань мундира. Стоит признать, что я уже много лет не брал в руки меч, но, несмотря на это, боевые рефлексy сохранились в непревзойденном виде. Мастерство все же никогда не пропадает в фехтовальщиках моего уровня, каких в Галактике единицы. Я с легкостью расправляюсь с жужжащими кровососами и убираю световой клинок. Костанза все еще всхлипывает в ужасе и

смотрит на свою руку, на которой остался округлый кровоточающий след укуса.

- Ты все еще думаешь, что это всего лишь сон? – вопрошаю я, схватив ее за запястье.

- Что бы это ни было, оно становится все ужаснее! – запинаясь, восклицает она.

Не стоит требовать слишком многого от особы, которая ничего не знает и потому мало что может предположить. Я оставляю расспросы и предлагаю ей платок, чтобы она могла перевязать рану.

- Так или иначе, я собираюсь выбраться отсюда, - сообщаю я. - Можешь пойти за мной.

- Обойдемся без одолжений, Дуку, - пытаюсь сохранить гордость, отказывает мне Костанза, хоть и забрав протянутый ей платок.

Спуск в подземку завален, так что найти выход можно, только пройдя по путям до другой станции. Я следую через проржавленные вагоны, пол которых залит мутной влагой, в направлении, откуда пришла Костанза. Обветшалый металл прогибается и скрежещет из-за каждого шага, словно пол вот-вот провалится под ногами, и потолок обрушится сверху. Вскоре я оказываюсь в той части ховер-поезда, что остановилась в туннеле между станциями, и замедляю шаг. Здесь во мраке нельзя различить совершенно ничего, но активирование клинка кажется очень плохой идеей. Мое продвижение вперед замедляется еще больше, когда перед очередным шагом я пытаюсь проверить подошвой пол впереди. И с очередным таким осторожным шагом носок моего сапога погружается в чем-то плотном, слышится шелест, а затем легкий глухой хлопок. Внезапно становится трудно дышать – в воздухе появляется нечто, частицы чего режут глотку. Я помню, что сталкивался на Коррибане с тварями, которые выдыхали отраву. Но, активировав меч, я вижу только густо насаженные в проходе вагона белые ростки с блестящими черными сморщенными коробочками спор на концах. Бесцветные стебли покачиваются, а несколько из них, находящихся впереди, мертвы – почерневшие и свернувшиеся, они стелятся по полу. Видимо, отравленные частицы появились в воздухе из-за этой плесени, выросшей в половину человеческого роста. И пройти дальше можно, только умертвив ее, находясь на безопасном расстоянии. Хватит ли для этого расстояния вытянутой руки и длины меча? Я отступаю назад на максимально возможную дистанцию и начинаю вырезать ростки, которые тут же, шипя, чернеют и

сворачиваются, едва их касается световой клинок. Расчистив проход и дождавшись, когда осядут на пол клубы коричневатых спор, я продолжаю путь до хвоста репульсорного поезда. Вырезав сломанные двери последнего вагона, я спускаюсь на мокрые направляющие рельсы, но что-то перекрывает дальнейшую дорогу. На путях, свернувшись кольцом, разместил свое дебелое отвратительно блестящее тело черный таозин – точно такой же, как тот, которого я видел в предутреннем кошмаре. Я отступаю, пока плотоядный червь не заметил меня, и тут же слышу крик. Едва уловимый, на дальнем расстоянии, но из того направления, откуда я пришел. Так это кричит Костанза?

Уже бегом, проверенным маршрутом я возвращаюсь на станцию, где встретился с женщиной, и вижу Костанзу лежащей на грязном полу. Одежда на ней темная, но ведь при встрече она была в белом? На близком расстоянии и при свете клинка я вижу, что ее одеяния залиты кровью. Костанза получила несколько глубоких ножевых ранений, но еще жива. Жирные пиявки, сидевшие прежде на стенах, ползут к истекающему кровью телу. Я давлю их подошвой сапога и беру женщину на руки. Неизвестно, возможно ли вообще отсюда выйти, а если возможно, успею ли я вынести ее живой, но не пытаюсь сделать хоть что-то я не имею права. Немыслимо предать свое понимание чести.

- Я же предлагал тебе идти со мной, - с досадой роняю я.

- Лицемер, - скривив губы в выражении боли и в то же время крайнего презрения, отвечает она. Удивительно, как даже в таком состоянии она умудряется сохранить верность себе.

- Что произошло? – все же пытаюсь поинтересоваться я, но в ответ получаю лишь молчание и демонстративно отведенный взгляд.

Костанза прерывисто дышит, всхлипывая от боли, но помощи не просит. Отчасти ее поведение можно назвать достойным уважения, но по большей части все же откровенной глупостью.

- Во имя звезд... - еле слышно шепчет она в отчаянии. - Как я вообще могла его послушать и прийти в такое место?

- Кого? – спрашиваю я. Если она оказалась здесь из-за кого-то, мне необходимо знать его имя.

- Твоего родственника, - поражает меня ответ.

- Он ведь наложил на себя руки, мой брат... - произношу я вслух. И впервые задумываюсь о том, что практически ничего не знаю о его

судьбе. - Костанза, скажи мне, почему он это сделал? – прошу я, но она не дает ответа.

Я поднимаюсь с колен, держа ее на руках, когда вдруг у меня моментально темнеет в глазах. Ноги подкашиваются, одолевает невесть откуда взявшаяся слабость. Я лишаюсь всех чувств и падаю во тьму с мыслями, за которые сам по привычке корю себя, но которые упорно лезут в голову: «Ее не спасти»...

Слабость уходит, пробрав все тело холодом и судорогой. Я резко открываю глаза – по ним бьет свет, приглушенный витражным окном. Я лежу на своей кровати в своей спальне. Неужели это снова был только лишь тревожный сон? Но мой мундир расстегнут, а на белой рубаше под ним влажные пятна красной жидкости. Кровь. И при этом на моем теле нет никаких ран.

Назойливый шум слышится где-то за стеной, механическое шипение и треск. Необходимо проверить, не пытается ли кто-то связаться со мной. Я захожу в кабинет и понимаю, что каким-то образом включилось голорадио. Все прочие системы по-прежнему обесточены. Трансляция плохая, но разобрать слова возможно. Передаются экстренные новости:

«В своем поместье на Альдараане найдена жестоко убитой графиня Костанза Дуку. Попытки связаться с единственным родственником, графом Серенно, братом ее покойного супруга на данный момент остаются безуспешными. Напоминаем, бывший джедай Дуку...».

Я не слушаю дальше. И способность слышать, и дар речи покидают меня. Так она действительно умерла у меня на руках? Ее тело было в крови. Моя одежда в крови. Но ее нашли мертвой на Альдараане. А я здесь, и никто не может выйти со мной на связь. Я повидал иной мир, отчасти даже познал его законы, но нечто подобное является полной неожиданностью для меня. И выходит, что я, несмотря на свой опыт, по-прежнему незнающий, безоружный перед лицом неизвестности, что весьма сильно волнует.

Двери все так же закрыты. А за окнами уже никого нет. Туман облек мои сады, кусты роз рдеют на фоне белой пелены, подобно пятнам крови на рубаше. Я до сих пор не до конца верю в произошедшее. И способ убедиться лишь один – идти в подвал. Почти исчезло вышибавшее слезы зловоние, но вот отпечатки рук на стене... Мне не показалось – их стало шестнадцать, на один больше. Голову пронзает резко усилившаяся боль. Дыра в полу увеличилась, и

из нее слышны все те же странные голоса. Не разобрать, что они говорят. Кажется, в загадочно появившейся дыре есть некая притягивающая сила, или же это интуиция упорно подталкивает меня к шагу в темноту. Я ощущаю, что будет правильным прислушаться к ее голосу, но так сложно заставить себя не думать, когда всю жизнь считал высшей добродетелью способность мыслить. Но раздумья тормозят, никуда не ведут – за всю жизнь была масса возможностей в этом убедиться. Не позволяя себе погрязнуть в очередных сомнениях, я прыгаю вниз.

В этот раз путь не кажется мне столь долгим, и стены лаза уже не натирают плечи, но наибольшей неожиданностью оказывается другое. Выход располагается вверху. Ответвлений у туннеля не было, так что если он привел меня в другое место, то совершенно необъяснимым образом. Я цепляюсь руками за края выхода и чувствую под пальцами сухую землю. Подтянувшись и выбравшись, я вижу, что оказался посреди редкого, затуманенного хвойного леса. Высокие ровные стволы уходят в низко нависшее хмурое небо, роняющее пепел. Первым в голову приходит привлекательное, более спокойное, нежели иные, предположение, что это леса Серенно, но я мог бы ручаться, что таких мест нет на моей родной планете. Деревья здесь голые, серая почва густо усыпана сухой рыжей хвоей. Меня обступает мертвый, выжженный лес, он – экологическая рана. Подобные места больно видеть. И сейчас вспоминается, как всю жизнь мне было не по себе на Корусанте – истощенной, изрешеченной металлом планете, заживо погребенной в многослойном дюракритовом саркофаге.

Единственная тропа протоптана по золе и опавшей хвое. И я иду по ней вглубь леса, стараясь ступать бесшумно, удерживая ладонь на рукояти меча на поясе. Вскоре углубляюсь в заросли высохшего подлеска и сталкиваюсь с тем, что поперек тропы лежат поваленные стволы. В один из пней вбит топор – простое и примитивное орудие, некогда использовавшееся для рубки деревьев. Помня опыт Коррибана, я решаю, что мне может быть полезен любой острый инструмент, и вытаскиваю топор из пня. Заслышав глухой рев в сокрытой за туманом чаще, невольно отмечаю про себя, что вооружился вовремя. Неподвижно стоя у ствола, я вглядываюсь в погустевший лес, когда гортанный рев и фыркающие хрипы становятся слышны ближе. Из-за поваленных деревьев появляется существо, передвигающееся на четырех конечностях, передние из

которых существенно длиннее задних, иногда вставая на дыбы. Массивное животное похоже на человекообразную обезьяну, но у него людское лицо! Как только я замечаю эту черту, обычное на первый взгляд создание становится таким гротескно отвратным, может, из-за моей непримиримой неприязни к приматам, которая сидела во мне всю жизнь. Неприятные дикие животные, которые выглядят, как мерзкая карикатура на людей. Но существо, пришедшее из тумана – вовсе не животное. Я понял это, когда, выступив из-за дерева зарубил его первым же ударом. Оказывается, что безволосая серая голова с человеческим лицом – не его голова. Настоящая голова монстра помещается в раздутом мешке кожи, подобно болезненному зобу выступающему на шее. То, что пыталось напасть на меня – тварь, натянувшая на себя кожу мертвого человека. Во мне смешиваются сильное негодование и отвращение, трудно передать, насколько возмущена моя людская гордость.

Глухое бурлящее фыркание снова слышится впереди, и сквозь туман можно различить, что там засело несколько особей. Если продолжать держаться единственной тропы, столкновение с ними неизбежно. И тут уже встает дилемма, продолжать ли сражаться топором, увесистым и грубым примитивным инструментом. Годы и годы мне не хватало ощущения эlegantного оружия в моей руке, и почувствовал я эту тоску лишь теперь, когда снова взялся за световой меч. Но я удерживаю себя от сиюминутного соблазна, заметив, что на стволе, за которым я стою, несколько выше моей головы сидит крупное насекомое, похожее на огромную безголовую черно-серую моль. На соседних деревьях тоже можно различить таких насекомых, несмотря на то, что окрас делает их почти незаметными на фоне коры. Скорее всего, это некий подвид тех кровососов, что нападали на меня в подземке, и лучше их не тревожить. Я продолжаю пробираться вперед неспешно, скрываясь за стволами, подбираясь к обезьяноподобным монстрам как можно ближе и выбирая идеальный момент для удара, чтобы прикончить очередную тварь одним махом, не растрачивая силы. Порой приходится расчищать себе путь тем же топором, а после снова им сражаться. Но когда труднопроходимый участок остается позади, лес затихает.

Я следую тропой далее, и заросли снова редуют, пока среди них из тумана не выступает одинокое небольшое здание. Когда я подхожу к нему, неожиданно где-то в стороне шуршит опавшая хвоя, будто кто-то пробежал рядом. И мне даже кажется, что в дымке я различил

спину убегающего человека в темно-синей одежде. Но я не могу быть уверенным в том, что именно увидел, потому осмотр постройки остается приоритетной задачей. На грязном фасаде сидит несколько кровососущих крылатых насекомых, мне приходится сбросить и задавить их, чтобы открыть дверь. В здании темно, сырой воздух наполнен едким химическим запахом. Чей бы это ни был дом, он находится в запустении – по углам помещения и на всех предметах пыль и паутина, стены покрыты пятнами черной плесени. Я быстро пересекаю мрачную прихожую и, собравшись зайти в следующую комнату, еще более темную и узкую, служащую, по всей видимости, кладовой или подсобкой, вижу в проходе длинные толстые ростки красного оттенка с раздутыми утолщениями на концах. Напоминает бесцветную плесень, выросшую в ржавых вагонах метро. Местное растение так же выбрасывает в воздух клубы спор, когда я уничтожаю ростки топором. Красные споры оседают на пол, и я прохожу в узкую комнату, которая оказывается складом картин. Я вытаскиваю на свет, слабо льющийся через дверной проем, первое попавшееся полотно, и вижу знакомый до боли *«Дворец Съездов»*, только по холсту хаотично размазана черная краска. Что ж, хуже это безвкусное полотно все равно не стало бы, в таких практически штампуемых изображениях дворца нет никакой ценности. Но следом я извлекаю из пыльной стопки прекрасный *«Океанский пейзаж»*, непоправимо испорченный таким же актом вандализма. Так неужели дальше я увижу... Я не хочу видеть больше ничего, но руки сами тянутся к полотнам, и нехорошие ожидания сбываются. Портреты. Но поверх лиц людей на всех картинах нетвердой рукой нарисованы черные треугольники. Это зрелище повергает в уныние с отголосками тревоги. И голова снова болит так, что я чувствую себя избитым и отравленным, пребывающим на грани смерти. Но, может, виной моему паршивому самочувствию просто царящий здесь всюду резкий запах.

Я должен, несмотря ни на что, выяснить все, что может касаться постройки в лесу, и, покинув хранилище полотен, я иду по винтовой лестнице вверх, снова расчищая встающие на пути заросли красноватой влажной плесени. Просторная комната, в которую я прихожу в итоге, оказывается мастерской живописца, если только вандал, марающий черной краской полотна, может продолжать называться деятелем искусства. Сам автор сидит на грязном полу у заколоченного досками окна, сгорбив спину. Вглядевшись в лицо

мужчины, я вспоминаю, что знаком с этим человеком – несколько лет назад именно ему я заказывал свой портрет, только просил изобразить меня молодым, без седых волос и морщин, а главное, без шрамов, которые оставил мне Коррибан. Из-за всего, что творилось в моей жизни, я и забыл про заказ, но и живописец все это время не сообщал ничего о ходе своей работы, что определенно странно. Заметив меня, мужчина медленно встает, подходит ближе и нехотя протягивает мне руку. У меня нет желания отвечать на его жест, сделанный с одолжением, тем более что химический запах, похожий, исходит от одежды художника.

- Я пришел узнать насчет портрета, - удобная и уместная ложь, не требующая никаких объяснений. В отличие от неожиданного, крайне странного ответа:

- Зачем он тебе вообще, граф? Какой смысл менять одно на другое, если даже подпись не изменяется?

Имеет ли он в виду то, что уже писал картины для моей семьи? Или что портрет моего брата был его же авторства? Но, как известно, у живописцев всегда столько иррациональных конструкторов в голове, что умом их точно нельзя понять.

- Не в подписи же дело, - недоумеваю я.

- Не в подписи, не в названии... - художник горестно смеется. - Это говорит мне человек, мертвой хваткой цепляющийся за титул. Как и все вы, графы сереннские. Нужно было сразу сказать, как я не люблю всю здешнюю знать. Живете своим закрытым кругом, заключаете близкородственные браки – зачем? Чтобы плодить наследственные болезни, особенно психические? Очень возвышенно. Хотя, как ты думаешь, был ли шанс не сойти с ума у ребенка, рожденного исключительно из корыстных замыслов, зачатого, потому что было надо, а не потому что хотелось, живущего для служения целям родителей, а не собственным?

Его речь похожа на сплиновые рассуждения о своей жизни, мазохистичные самокопания, так свойственные людям его профессии. Видимо, он уже долгое время ничего не пишет и только уродует свои старые полотна из-за депрессивного эпизода.

- Я не могу знать, о ком ты говоришь, потому воздержусь от выводов, - вежливо намекаю я на то, что говорить нам не о чем.

Мужчина достает из кармана зажигалку и вновь усмехается, крутя ее в руке.

- Да нет, ты знаешь, - утверждает он с нерушимой уверенностью, бросив беглый взгляд мне в глаза. И вновь возвращается в апатичную задумчивость: - Он был таким убедительным. Что ж, я сделаю это для него – послужу жадной матери...

Он щелкает зажигалкой – и от одной искры его одежда вспыхивает. По всей видимости, живописец планировал самоубийство, с демонстративностью, присущей деятелям искусства, при свидетелях, которых нелегко найти, живя в глухом лесу. И что ж, причиной тому стали извечные детско-родительские проблемы. Не могу сказать, что меня это задевает за живое – я не испытываю жалости к тому, кто делает подобный выбор, тем более что он вряд ли оставил бы существенный след в искусстве. Другое дело крики и хрипы горящего заживо человека, захлебывающегося вспенившейся слюной – апофеозно неэстетичное зрелище, от которого тошнота подступает к горлу. Хуже только заполняющий комнату едкий дым и реальный риск расстаться с собственной жизнью. Захлопнувшуюся за моей спиной дверь заклинило, приходится активировать меч, чтобы быстрее вырезать ее и броситься по лестнице вниз. Кашель уже начинает душить меня, когда я останавливаюсь как вкопанный – на винтовой лестнице стоит ребенок, темноволосый мальчик, которому около пяти или шести стандартных лет.

- Дай руку, - просит он.

Я, опустившись на одно колено, протягиваю ему ладонь, на которую он кладет что-то и сам загибает мои пальцы. Кажется, он отдал мне нечто для него ценное.

- Как тебя зовут? – спрашиваю я, и взгляд ребенка меняется – мальчик словно за миг становится на годы взрослее, и он... гневается на меня за мой вопрос. Кровь стучит в виски, я больше не могу дышать воздухом, полным гари, и мир перед взором вновь проваливается во тьму.

Когда я прихожу в себя, горло все еще першит, а голову сдавливает боль. Но я лежу в помещении, где отсутствует запах горящих химикатов. Я отдыхаю на своей кровати, в спальне своего поместья.

Это случилось снова. И снова приходится задать себе вопрос, не было ли пережитое в лесу сном. Что-то зажато в моем кулаке. Я смотрю на свою ладонь и вижу битые ракушки с океанского побережья. Опять всплывает раннее детское воспоминание. Так неужели там, на лестнице это был я сам? Иная реальность способна

устроить и такое, и в ее играх, возможно, есть смысл. Меня рано оторвали от семьи, но не настолько, чтобы я не помнил сдержанного отказа матери от меня. Я был уверен, что сознательно никогда не держал за это зла на родителей. Но, может, хоть и не признаваясь себе в чувстве обиды, я, тем не менее, ощущал себя покинутым, преданным? Ведь бывало, что я даже допускал мысль, что на самом деле являюсь не их сыном, раз уж они так легко решили обойтись без меня. Факт то, что с тех пор я больше не называл свое имя никогда. Я требовал, чтобы все звали меня исключительно по родовому имени.

Встав с постели, я замечаю, что у кровати, рядом со стоптанными сапогами валяется топор. Лезвие покрыто засохшей коричневой кровью. За стенами снова шумит охрипшее голорадио, включающееся самопроизвольно. Я должен услышать эту трансляцию. Похоже, снова чрезвычайные новости:

«В лесах на северной окраине Караннии сегодня был обнаружен обгоревший труп человека, мужчины в возрасте около сорока стандартных лет. Не исключается возможность как умышленного убийства, так и убийства или самоубийства по неосторожности. Начато расследование...».

Выслушав репортаж, я окидываю взглядом кабинет и вижу именно то, чего опасался – исчезли все мои картины. Ума не приложу, каким образом это было возможно. И, кажется, на стене появляется темное пятно. Что же происходит? Что реально, а что нет? Ответы вряд ли можно найти с помощью холодного разума.

Под окнами около дворца стоит пара людей – девушка, в которой я сразу узнаю графиню Налджу, и черноволосый пожилой мужчина в темных одеждах. Форма бороды и седина на висках выдают в нем Борджина, Герцога Серенно. Мне нужно услышать, о чем они говорят. Я спускаюсь на первый этаж. Вглядевшись вновь в лица беседующих, я вижу в них обеспокоенность и напряжение.

- Вы думаете, графиня, с ним что-то случилось? – осведомляется Борджин.

- Меня он давно беспокоил, - с горечью в голосе отвечает Налджа, - он выглядел усталым, изможденным. Словно болел...

- Вы говорили с ним об этом?

- Больше о его прошлом. Хоть и без радости. И он никогда не звал меня к себе, хоть и знал, что мне очень интересно, как живет бывший джедай. Зато разрешил гулять в своих садах, когда я захочу.

Герцог протяжно вздыхает и скрещивает руки на груди.

- Зря родители отдали его в Орден Джедаев, - произносит он, качая головой. - Он наш граф, его было ни к чему дополнительно учить справедливости и самопожертвованию.

Они говорят обо мне, в этом нет сомнений. Неужели прошло столько времени, что уже забили тревогу из-за того, что со мной невозможно выйти на связь? Я вновь пытаюсь открыть окно, но безуспешно. Я кричу графине и герцогу о том, что я здесь, силюсь докричаться до них до тех пор, пока не срываю голос, а головная боль становится такой невыносимой, что я буквально слепну из-за нее. Но они меня так и не услышали! Даже не повернулись. Почему так происходит, когда я прекрасно слышал их, притом, что они даже разговаривали вполголоса? Меня доводит до грани отчаяния то, что люди не слышат моего крика. От боли в голове перед глазами еще долго пляшут пятна. Я знаю, что нужно продолжить поиски ответов, и что та проклятая дыра ждет, как бы это ни звучало. Но лучше вооружиться перед визитом в новое непредсказуемое место.

Я отпираю массивный сундук с оружием – фамильным и трофейным – и достаю традиционный графский кинжал и автоматический пистолет-слагомет «Гарпунер» с парой запасных обойм. В свою очередь топор, принесенный из мертвого леса, убираю в сундук и закрываю тяжелую крышку. Не чувствуя полной ясности в мыслях, я спускаюсь в подвал. На стене уже семнадцать кровавых отпечатков рук. Связаны ли эти отметины со смертями? Если да, то те две, свидетелем которых я стал, лишь малая часть трагедии – погибло всего семнадцать человек, и люди будут умирать еще... Отпечатки расположены в два ряда один под одним, и в верхнем ряду их десять. Так всего жертв будет двадцать? Видимо, это в лучшем случае.

Снова прыгнув в дыру и пройдя по расширившемуся туннелю, я останавливаюсь перед металлической дверью, покрытой мокрой ржавчиной. В помещении за ней оказывается зябко из-за высокой влажности. Узкий коридор, полностью сооруженный из металла, проржавлен до черноты, гниющий пол местами просел, и в углублениях скопилась темная грязная вода. Около луж влаги произрастает белая плесень, черные коробочки со спорами находятся практически на уровне моего лица. Опасно подходить на расстояние, позволяющее срезать ростки кинжалом – я активирую световой меч. И пока расчищаю себе путь по непроглядно темному коридору, свет клинка, к счастью, не приманивает ни одну тварь. Строение, в котором я нахожусь, имеет цилиндрическую форму, в его центре, за

перегородками по правую сторону коридора, находится массивная конструкция с различными панелями управления, давно не находящимися в применении, и ведущим к ним кабелями, а по левую сторону – проржавевшие решетки камер с черными заплесневевшими стенами. Я нахожусь в заброшенной тюрьме жуткого вида, и дело не в том, что здесь кромешный мрак и пробирающая до костей сырость, а в том, что тесные камеры даже без коек, расположенные по кругу, не имеющие дверей и потому открывающие возможность постоянного наблюдения за заключенными, можно назвать совершенно непригодными условиями содержания даже для полумозговых созданий.

Пройдя ряд пустующих камер, я подхожу к лифту без дверей. Судя по свечению клавиш панели управления, ехать можно только вниз. Так, значит, тюремный комплекс уходит под землю? Не является ли в таком случае это строение чем-то худшим, нежели место лишения свободы – незаконным лагерем или базой для некой противоправной деятельности в отношении живых существ? Может, я смогу узнать правду. Я нехотя касаюсь липкой от грязи кнопки, и лифт со скрежетом и скрипом спускается на этаж ниже. Проход между камерами и перегородками здесь пересечен растянутыми между полом и потолком белесыми пленками, представляющими собой нечто среднее между слизью и паутиной. Среди этих органических пленок ползают толстотелые личинки-головастики с крупными темными глазами, осклизлые, молочно-белые, словно кишечные паразиты. Но еще более омерзительным оказывается то, что выползает из тьмы на четырех искривленных конечностях, чтобы пожрать подслеповатых, беспомощно визжащих личинок. Пока появившаяся тварь ползает, она не достигает и половины моего роста, но если бы она поднялась на две ноги, была бы явно выше меня. Зелено-коричневое тело – сгорбленное, с выпирающими позвонками и ребрами – отблескивает, как хитиновые покровы насекомых. Искривленный книзу рот без зубов рвет и размозжает бледно-серую плоть личинки, а на меня в это время пялятся огромные овальные глаза, лишенные век, однородного желто-серого цвета. Монстр выглядит так, словно обитание в темноте под землей сказалось на нем, наградив его слепотой и рахитом, а также заставив питаться детвой из собственного выводка. За первой взрослой особью подтягиваются другие, разных размеров, ревушие, кусающие друг друга до появления желтой крови. Уцелевшие головастики с резким

визгом расползаются по камерам, где за решеткой их не достанут крупные особи, и тогда твари бросаются на меня. Они слабы, нетвердо двигаются на хилых кривых конечностях, но я не хочу допускать малейшую возможность, чтобы нечто такое вцепилось мне в живот или в ногу. Выхватив пистолет, я успеваю уложить нескольких монстров выстрелами в голову, а с теми, что все же доползают до лифта, разбираюсь уже при помощи меча. Зарубив всех взрослых особей, я бегу к камерам, чтобы добить личинок, в почти инстинктивном стремлении не оставить в живых ни одного омерзительного существа.

Пытаясь восстановить дыхание, я смотрю на обрубки хитиновых тел и брызги желтой крови, и в мыслях всплывают ассоциации с несколькими расами. Я уничтожил джеонозийцев и ни разу не пожалел об содеянном, настолько они были мне отвратительны. Это была варварская цивилизация с дикарскими обычаями, еще и выглядящая и живущая крайне омерзительно. Неймодианцы, пожалуй, не имеют с этими насекомыми ничего общего, и я даже не могу объяснить себе, почему они мне в той же степени ненавистны. Впрочем, может, я плохой человек, не принимающий всех положений этики, но в тюрьму, подобную этой, я поместил бы любых нелюдей без зазрений совести.

На полу камеры я замечаю оборванный мокрый листок красной бумаги. Зайдя за решетку, я поднимаю его и пытаюсь разобрать написанное:

«Все время его пребывания здесь он внушал мне ужас. Он смотрел, следил за всеми, и его глаза не были глазами человека. Я прошел через многое в своей жизни, но никогда раньше не ощущал такой ясный, животный страх. Тот же страх испытывают перед ним все заключенные «Острия» - от верхних «тихих» уровней до самого «дна». Я отказываюсь верить, что его выпустят по подписке, когда на нем обвинение в десятке убийств, только потому, что он принадлежит к одному из древнейших знатных родов Серенно. Рыба гниет с головы, знать уже совсем не та, что прежде. Если бы я имел хоть какое-то влияние на тех, кто ведет это дело, но я его не имею».

Выходит, я нахожусь в тюрьме «Острие», по-прежнему в Караннии, и в здешних казематах держали людей. По спине пробегает холод. Такие условия для людей... Это беспредел.

Преодолев, наконец, ступор после столь ужасающего открытия, я возвращаюсь к лифту и спускаюсь еще на этаж ниже. Здесь нет решеток, нет камер, только двери служебных помещений, почти у всех из которых сломаны замки. Одна лишь центральная двойная дверь поддается. Отворяя ее, я замечаю мелко нацарапанный, почти невидимый под слоем грязи текст: «*В их вареве алая ртуть!*». Глупая шутка, быть может, предназначавшаяся для новоприбывших заключенных. Мне никогда не хотелось знать о том, что творится в тюрьмах, это ведь, как правило, невообразимая дикость. И все же трудно допустить мысль, что заключенных здесь действительно могли медленно травить, еще и оксидом ртути.

Дверь ведет в темную и зловонную столовую, откуда я попадаю на огромную тюремную кухню, где на грязных столах валяются куски кожи и гниющего мяса, а на одном из столов даже лежит целый разлагающийся человеческий труп, из которого проросла ядовитая алая плесень. Запах просто ужасен. Увидев еще один отрывок красной бумаги под лавкой, я спешно хватаю его и покидаю жуткое помещение. На листке написано следующее:

«Киффар, согласившийся на собственный страх и риск читать улики, рассказал жуткие вещи. Самым ужасающим был тот факт, что все жертвы шли на смерть добровольно. Убийца обладал поразительным даром убеждения и сильной волей. Он получал от жертвы согласие расстаться с жизнью, после чего умерщвлял, как правило, внезапно и быстро, а потом вырезал у трупа сердце. Он словно был маньяком-коллекционером. Ужасающее дело. Исходя из того, что я уже знаю о подозреваемом, мне не приходится сомневаться в том, что под следствием находится именно тот человек. Хотя в нем вряд ли осталось что-то человеческое, но он мастерски поддерживает иллюзию, что это не так».

У меня в руках отрывки из дневника кого-то, кто участвовал в расследовании или следил за его ходом. Интересно, в каком году имели место описываемые события? Ведь я ни разу не слышал ничего похожего на это дело некоего «сереннского маньяка», который еще и принадлежал к знатному роду. В голове не укладывается реальность подобной ситуации.

Спустившись еще на этаж вниз, я снова сталкиваюсь с гнездящимися в коридоре насекомоподобными тварями, которых там засело уже гораздо больше. Опасаюсь, что их численность будет возрастать по мере спуска ко «дну», к нижним уровням тюрьмы, где

содержались самые опасные заключенные. Не могу быть уверен, что раздавил здесь всех личинок, но это уже похоже на одержимость. Меня просто передергивает от всего, что я вынужден видеть здесь.

Еще один красный листок обнаруживается прямо посреди «улья», свитого монстрами. Текст оказывается продолжением тех же записей о расследовании:

«До меня дошли слухи, что он наложил на себя руки. Какой же мог быть у него повод обрывать собственную жизнь, если на нем не было реальной вины? Однако после смерти главного подозреваемого убийства не прекратились. Было еще как минимум три жертвы, но сердца у трупов не были вырезаны. Основная версия остается таковой: кто-то просто имитирует его почерк. Что ж, пока такое объяснение кажется мне разумным. Но нужно признать, что до сих пор сам факт того, что такое количество убийств с особой жестокостью совершено на Серенно, не укладывается в голове. За века и тысячелетия здесь выработались такие законы уважения и чести, такое возведение в ранг высших ценностей размеренного мирного существования, что сереннцы уже очень давно не знают жестоких преступлений. Боюсь, когда это дело закроется, все данные о нем сотрутся во всех архивах».

Что ж, видимо, тот, кто писал это, оказался прав, и информация была тщательно убрана из всех анналов. Всего было тринадцать жертв? Мое сознание очень хочет привязать их число к отпечаткам рук в подвале, ведь те, кто умер у меня на глазах, тоже упоминали кого-то убедительного. Однако я не могу знать, когда происходили убийства, а значит, выводы делать нельзя. Но, с другой стороны, ведь эти красные бумаги точно попадают мне в руки не просто так. Нужно спускаться ниже, на самое «дно» ради определенности.

И вновь я сталкиваюсь с чудовищами, жадно пожирающими собственных бледных пищащих отпрысков и отрывающих беззубыми ртами куски плоти с боков друг друга. Я начинаю расстреливать их из слагомета еще до того, как они замечают меня и бросаются в мою сторону, как к особо лакомой добыче, и выигранное время и сокращение их численности только и позволяет мне одолеть тварей. Их действительно стало еще больше, группа монстров заперта в одной из камер, отделенной от соседней не стеной, а решеткой. И как назло еще один фрагмент красной бумаги лежит просто на границе двух камер, среди белесых склизких органических пленок. Меня дергает до тошноты от одной мысли о том, что придется быть так

близко к хитиновым тварям и брать в руки листок, по которому ползали их личинки. Но мне нужна эта записка. Я захожу в камеру, соседствующую с запертым «ульем», и вынимаю кинжал из ножен. Монстры ревут и кидаются на решетку. Я пронзаю бумагу лезвием кинжала и, сняв ее с острия, прикладываю к стене камеры и разглаживаю, чтобы прочитать текст:

«Они называют серию новых убийств «делом рук подражателя»! Консультант из расы киффаров был категорически не согласен с ними, но после стольких психометрических опытов со смертью они поставили под сомнение здравость его рассудка. И теперь он мертв, и почему-то я уверен, что он легко пошел на это избавление. Идиоты! Есть ли кто-то, кто мог бы имитировать такой почерк – почерк маньяка, умеющего убеждать? Подследственный, опрометчиво отпущенный ими по подписке, умел оказывать влияние на других необъяснимым образом, в этом я не сомневаюсь. Не могу понять, почему даже я не допустил сразу мысль, что можно имитировать собственную смерть, чтобы продолжить свои черные дела? Но самое ужасное, что теперь я понял – он придет за мной! Я знаю. Я стану пятнадцатым.

2 год ВрС, 20 число IV месяца».

Мое желание связать два независимых факта становится еще более упорным. Ведь, получается, в итоге было пятнадцать жертв. Однако выходит, что убийства начались более десятилетия назад, а знаки появились лишь сейчас. Я не успеваю сформулировать для себя иные аргументы за и против своей гипотезы, когда за моей спиной раздаются шаркающие шаги. При всем железном самообладании я едва не вздрагиваю, резко обернувшись. За решеткой камеры стоит человек в выцветшем синем мундире и грязных туфлях, с длинными темными волосами и седеющей бородой. Я уже видел лицо этого мужчины, так похожее на мое собственное, если бы только не омраченный и тяжелый взгляд.

- Ты... - шепчу я, не веря глазам.

- Да, джедай-предатель, - отвечает глухой низкий голос, - я твой родной брат. Жизнь которого тебе всегда была безразлична.

В иной реальности меня не слишком удивляет тот факт, что он жив. Как и его претензия, которая мне понятна. Вот только никакой реальной вины на мне нет.

- Путь джедая – отсутствие привязанностей, одиночество, - спокойно объясняюсь я, но брат меня перебивает.

- Твои оправдания меня не интересуют. Но не объяснишь ли ты мне, знаток философии и культуры, откуда взялась вообще эта убежденность, что если родители дали жизнь нескольким людям, то те непременно должны относиться друг к другу с уважением и любовью?

Я развожу руками:

- В тебе говорит обида, но беспочвенная. Ведь ты и сам не искал возможностей как-то связаться со мной.

Он, глядя мне в глаза и качая головой, со злостью цедит сквозь зубы:

- Ты ничего не понимаешь!

Я ничего не отвечаю ему, а сам ожидаю объяснений – гадать, что он имеет в виду, я не собираюсь, и он должен понимать это. Но брат также молчит, задумчиво разглядывая тюремную обстановку. Это была бы сцена в полной тишине, если бы рядом не ревели омерзительные монстры.

- Не думал, что когда-либо снова вернусь сюда, - наконец, произносит мой родственник. - Но здесь мы и разминемся.

Он протягивает руку к механизму в центре строения – старые панели управления загораются, мигая под слоем налипшей на них грязи. Введя комбинацию, брат запирает камеру, в которой я стою, а затем убирает решетку перед «ульем» тварей. И когда они нападают на меня, я даже не успеваю схватиться за меч. Только лишь кинжал в руке спасает меня. Желтая кровь брызжет на руки, я отбиваюсь от уродливых существ в таком исступлении, что уже даже не чувствую отвращения. Мне наверняка было бы не по себе, увидь я со стороны ту ярость, с какой сейчас добиваю личинок на полу. И я, вступая в очередное противоречие с самим собой, ощущаю, что доволен этой расправой.

Покончив с монстрами, я снимаю с пояса меч, но не могу разрезать решетку. Однако уничтожение «гнезда» тварей открыло другой выход – в полу камеры есть дыра, заросшая осклизлыми пленками. Если выжечь мечом следы пребывания монстров, можно спрыгнуть вниз, куда бы это ни привело.

Я не почувствовал, как упал после прыжка, но пришел в себя в лежачем положении. Открыв глаза, я снова вижу свою спальню. Голорадио за стеной молчит, но есть другие доказательства реальности того, что происходило в «Острие» - пятна желтой крови на моих руках и рваные листки красной бумаги в кармане. Я

испытываю сильную потребность вымыть руки и умыться после пребывания в том тошнотворном месте.

Несколько приведя себя в порядок и отдохнув, я спускаюсь на нижний этаж. За окном снова слышны голоса, в этот раз только мужские. Здесь снова герцог Борджин, а с ним несколько мужчин в форме сотрудников Службы Безопасности Серенно. Обложное небо низко нависает над их головами, но они, кажется, не замечают пепла, который ложится на землю. Присутствие агентов безопасности и слова Борджина повергают меня в нешуточную тревогу:

- Здесь я в последний раз говорил с Налджу. Она беспокоилась насчет Дуку, а теперь исчезла и она...

Не слушая дальше, я бегу в подвал, укоряя себя за промедление, допущенное ради недолгого отдыха. Хвала звездам, отпечатков на стене по-прежнему семнадцать. Это несколько успокаивает, хотя я ничего не могу поделать с тем, что участь графини Налджу меня волнует. Надеюсь, что ей можно помочь и что я могу сделать это. Уже нет сомнений в том, что нужно предпринимать. Очередной прыжок в дыру.

Удар моих каблучков о пол разносится эхом по некому туманному простору. Выпрямившись, я обнаруживаю себя стоящим на узкой серой спиральной лестнице, дряхлой, рассыпающейся и при этом не опирающейся ни на какие конструкции. Кажется, она просто парит в воздухе среди густого тумана. На лестнице оставлены чьи-то кровавые следы. В лицо летит пепел, обветшала конструкция может в любой момент рухнуть, но я все же начинаю осторожно идти вниз – если я здесь, то должен следовать проложенному пути. Кто-то стоит на пролете ниже – темная фигура, которую трудно разглядеть в пепельной дымке. На всякий случай кинжал ложится в ладонь. Подходя ближе, я различаю черный капюшон накидки, бросающий тень на черно-красное лицо с горящими желтыми глазами. Забрак, с которым свел меня Коррибан.

- Неожиданная встреча, - произношу я.

- Как и все, что были прежде, - отвечает Мол и идет вперед.

У нас одна дорога. Знает ли он, куда именно мы идем – это вопрос, один из многих. Сперва стоит задать другой, наиболее важный для меня, хоть я и не покажу его значимости:

- Коррибан продолжает влиять на твою жизнь?

- Смотря что считать влиянием, - задумавшись, начинает отвечать парень, когда лестница заканчивается, и мы подходим к лифту,

сделанному из ржавой решетки, движущемуся вниз по трубе из таких же железных прутьев. Мы входим в это подобие примитивной шахтной клетки.

- Я занимаюсь кое-какой работой, пытаюсь систематизировать все, что стало мне известно об этой планете, - успевает добавить забрак перед тем, как лифт резко срывается с места и практически падает вниз с огромной высоты в гущу тумана, в неизвестность.

Поток воздуха скидывает капюшон с рогатой головы Мола, и я вижу шрамы от ожогов, полностью покрывающие его шею и затылок. Что-то подсказывает мне, что он получил их на Коррибане. Тем временем клеть приближается к крыше здания, в которое входит решетчатая шахта лифта.

- После всего, что было, ты вернулся бы туда? – задаю я забраку следующий вопрос.

Он смотрит на меня с долей недоумения:

- А мы, по-твоему, где?

Лифт останавливается в непроглядно темном помещении, и я слышу знакомую скрипучую мелодию:

Увидимся на Темной Стороне,

Мы увидимся на Темной Стороне...

Выйдя из клетки и поднявшись на этаж выше, узнав выход из пустующего ныне подвала, я вспоминаю интерьер кантины «Пьяная Сторона», снова предстающий передо мною.

- Ты не планировал быть здесь? – осведомляется Мол. Видимо, мне трудно скрыть удивление.

- Отнюдь.

- А я в этот раз знал, куда направляюсь и зачем, - сообщает забрак без подробностей и торопится сесть за стол. Его хромота бросается в глаза – еще один «подарок» Коррибана.

Я также подхожу к столу и сажусь напротив Мола. На столе стоит стеклянный пузырек с мутной жидкостью молочного цвета, на крышке от руки выведена надпись: «Белый экстракт».

- А, это проклятое вещество, рецептуру которого удалось воссоздать Плэгасу, а платил за это я, - произносит Дарт Мол, заметив, как я изучаю емкость с экстрактом.

Мне неизвестно имя, которое он назвал, но мне почему-то не хочется задавать ему уточняющие вопросы. Ведь он, пусть и несколько изменившийся, более задумчивый и спокойный, но все же забрак. Дикарь по рождению и зверь по сути. Все та же людская

гордость не позволяет мне просить об услуге представителей нечеловеческих рас. Но это придется сделать, потому что мне нечего противопоставить тому факту, что сейчас Мол обладает той информацией, которой нет у меня.

- Слушай, забери белый экстракт, - неожиданно предлагает он, первым нарушив молчание. - Если верить записям Плэгаса, это средство увидеть истинную суть вещей. Для этого вещество должно попасть непосредственно в кровь. Но я ни за какие награды не стал бы повторять такой опыт.

- О каких записях речь? – нахожу я возможность задать вопрос без лишнего впечатления непросвещенности или растерянности.

- Я видел в голокроне Дарта Плэгаса описания различных ритуалов Темной Стороны. Но я побрезговал вникать – по-моему, любой, кто имеет представление о чести, не станет пользоваться чем-то таким никогда.

Ответ заставляет меня задуматься. Такие рассуждения делают забрак несколько более располагающим к себе. Хотя, стоит признать, еще на Коррибане мне понравилось в нем нечто – жажда найти ответы, задатки умения мыслить, которые непросто было разглядеть, ведь он был крайне импульсивным, но так рьяно рвался понять происходящее. Если бы я не увидел потенциала в нем, то не поступил бы так, как поступил в Долине Темных Лордов.

- Согласен, - высказываю я некоторое одобрение. - Но мне кажется, или ты хотел сказать, что в том голокроне было нечто, что могло касаться меня?

В желтых глазах мелькает шок от того, что мне известно то, что Мол еще не произнес. Я добился желаемого. Вздохнув и пряча взгляд, забрак дает ответ:

- Среди прочих был ритуал призыва Жадной Матери. В подробности я не вдавался, но там упомянут Получатель Мудрости и сказано о необходимости принесения двадцати жертв.

«Жадная Мать» - словосочетание, которое я уже слышал. И двадцать жертв. Кто-то начал проводить ритуал, на моей родной планете, несколько лет назад. И еще есть некий Получатель Мудрости.

- Какой мудрости? – хочу уточнить я. - Есть разная мудрость. Светлой стороны, Темной, та, что над ними обоими...

Парень пожимает плечами, так и не поднимая глаз:

- Светлая, Темная... Я не уверен, что мы вообще что-либо выбираем на самом деле. Скорее, выбирают нас.

Произнеся это, Дарт Мол поднимает руку без перчатки, демонстрируя рубцы от ожога, пересекающие ладонь, словно он хватался за раскаленный металлический прут.

- Плэгас говорил, что меня выбрал Коррибан, - добавляет он. - Я так и не имел возможности рассказать тебе, что случилось после того, как мы разминулись в Долине Темных Лордов. Думаю, крайне важно сейчас это сделать.

Забрак опирается на стол, подняв плечи, еще раз глубоко вздыхает, махнув головой, собравшись с мыслями, и начинает говорить, все более твердо, более эмоционально, вспоминая все, что с ним произошло. Он рассказывает вещи, в которые трудно поверить: о Дарте Бейне и Братстве Тьмы Скера Каана, о Дарте Плэгасе Мудром, его экспериментах и о судьбе Энакина Скайуокера.

- Ситх'ари находился в постоянной борьбе с Сердцем Коррибана. Пока его ярость не разорвала этот круг, когда опасность нависла над его сыном. Я говорю о Скайуокере. Он Избранный, но, конечно, не знает ничего о своей исключительности – никто не способен предсказать, на что может толкнуть его подобное знание. К чему я, собственно, вел? Фактически, Бейн его отец, а его мать... Сердце Коррибана. Ведь из него черпаются силы для всего того необъяснимого, что происходит на мертвой планете. Если бы я, скажем, захотел провести Багровую Церемонию, то не смог бы это сделать, пока ты не воссоздал Сердце Коррибана через второй ритуал ментальной бомбы. Потому я и считаю, что тебя выбрала эта планета – потому что ты смог, и потому что можешь жить с последствиями, с какими жил сам Дарт Бейн. А что касается Избранного, Сердце Коррибана – то, что породило его против собственной воли, а потому хочет забрать свое обратно, поглотить его. Это и есть Жадная Мать.

Невероятный рассказ парня проясняет некоторые моменты. Абсурдность всего, что творится на родине расы ситхов, уже давно стоит принимать как данность. Ритуал ментальной бомбы был проведен снова, и Сердце Коррибана вновь существует. Именно это было нужно Дарту Сидиусу. А теперь ему нужен Избранный, ведь принести Избранного в жертву – единственный способ вырваться для запертых в туманном мире проклятых душ. Если одна из двух составляющих отсутствует, шанса нет, и мучения будут вечными. И поскольку я твердо заявил, что не верну Избранного туда, Сидиус

решил отправить Сердце в реальный мир, призвать «Мать» чужими руками. Он не мог знать о своей участи заранее, иначе не последовал бы на Коррибан за своим учеником, так что сейчас он просто желает воспользоваться тем, что начал делать раньше некий «сереннский маньяк». Но вот откуда последний получил знания, и какие мотивы мог иметь? Не думаю, что Дарт Мол знает это, разве что он может знать больше о роли Получателя Мудрости в ритуале. Задать ему еще вопросы? Нет, этого я не могу себе позволить.

- Что-то не так, граф? – замечает забрак мои сомнения. Слишком долгая пауза в беседе.

- Не люблю быть должным, - нахожу я оправдание.

- Джеонозианский маневр стоит гораздо большего, - Мол словно настаивает на своей помощи, но не из-за долга передо мной, а потому, что в чем-то он надеется на меня. Наверняка его новый визит на Коррибан прошел совсем не тихо и гладко. - Я делаю, что могу. Если уж меня выбрал Коррибан, и моя обязанность – любой ценой позаботиться о том, чтобы никто не получил то, что не должен. Я имею в виду не тебя, граф.

- Я знаю. Ты ведь позволил мне взять «ключ к истине», - вспоминаю я о белом экстракте. - Так вот, что я хочу знать: Сидиусу могло быть известно что-то о ритуалах Плэгаса?

- Все время, что я был его учеником, он не посвящал меня в такое. Но я с уверенностью могу заявить, что Плэгас оберегал свои знания. Однако, судя по тому, что я нашел в архивах, у моего учителя были иные источники. Некий Тайный Орден, место базы которого – Дромунд Каас.

Теперь все сошлось. Сидиус узнал о ритуале уже на Коррибане от пророков Темной Стороны, ведь и они оказались в ловушке туманного мира после взрыва. А тот, кто начал ритуал, вполне мог получить от них сведения раньше. Кто же это может быть и чего он хочет? Чтобы предполагать, нужно знать больше о ритуалах ситхов.

- Голокрон Плэгаса у тебя? – задаю я последний вопрос.

- Нет, - качает рогатой головой забрак. - Я избавился от него. Так было нужно.

Наверняка у Мола были причины пойти на такой шаг. Что ж, он и так дал немало важных подробностей. Над столом вновь повисает тревожная тишина.

Дарт Мол понурит голову, потирая рукой лоб чуть ниже рогов так, словно мучается от мигрени.

- Ну что джедаи не знают Силу до конца, я всегда понимал, - вздохнув, произносит он, - но что и ситхи фактически понятия не имеют, с чем взаимодействуют, с каким огнем играют... Нет, даже мы не руководим Силой! Никто вообще не руководит Силой.

Я еще раз отмечаю изменения в нем – выработавшуюся привычку мыслить. В этот момент горестной задумчивости он почти равен человеку. Я бы сказал ему что-то, парень определенно заслужил мое слово, но вдруг меня отвлекают крики. Кто-то кричал в подвале, я слышал это совершенно отчетливо. Никакой реакции не следует со стороны Мола, и я вынужден просто уйти, ничего не говоря ему. Но в подвале нет никого живого, однако там на крюке для мяса висит человеческое тело, затянутое в черную ткань. Голова скрыта треугольным капюшоном и проткнута ржавым медицинским инструментом. И нет признаков присутствия никого живого, кто мог бы кричать. На полу с толстым слоем черной пыли лежит табличка: *«Выход там, где вход»*. Что ж, видимо, нужно вернуться к лифту, так я и поступаю. Но эта чертова клетка не движется. Никакой системы управления ею нет. Остается один путь к возвращению – лезть по опорам шахты лифта, как по лестнице. На немыслимой высоте, по гнилой конструкции, рискуя быть убитым, если лифт двинется вверх. И все же я, прорезав мечом крышу лифта, взбираюсь в темноту, ведь наверху уже нет света – наступила Тьма. Мне остается лишь надеяться, что я не столкнусь с какой-нибудь разлагающейся тварью в решетчатой шахте, но, не видя ничего впереди, я лезу вверх с растущим напряжением. Поперечные опоры заканчиваются, когда у меня уже болят мышцы рук. Собрав последние силы, я выбираюсь из шахты лифта и снова оказываюсь на спиральной лестнице. Теперь она почти вся покрыта кровью, и по растрескавшемуся дюракриту ползают крупные черные пиявки. Узкая, и без того опасная лестница местами стала скользкой, а я нахожусь на высоте птичьего полета. И все же я иду вверх, ведь выбора нет, но эта дорога приводит не к дыре, а к двери. Я отворяю ее и захожу в комнату, где нет света. Глаза привыкли к темноте еще за время подъема, и я четко могу разглядеть помещение, в котором оказался. Это моя ванная, но теперь здесь все побитое, покрытие стен пошло трещинами, а на дне проржавевшей ванны полно крови, и там валяются хирургические ножницы. О Сила, что здесь происходило? Я не могу думать, чудовищно болит голова. Взять бы хоть где-то воды...

Все прочие помещения дворца остались в нормальном состоянии, что несколько меня утешает. Под окнами снова собралась группа людей во главе с Борджином, но в этот раз герцог обращается не к агентам Службы Безопасности, а к другим графам:

- По-прежнему никаких вестей. У меня определенно плохое предчувствие...

- Не знаю, - скривив лицо в презрении, отвечает Вемек – напыщенный и пустой человек, который был мне неприятен всегда. - Он отрекся от Серенно и всю жизнь плевать хотел на дела планеты! Так пусть теперь Серенно отречется от него. По справедливости.

- А если ему плохо? – срывается на крик обычно непоколебимо сдержанный герцог. - Может, мы еще можем помочь?

Кажется, удивлен не только я. О нем говорили, что этот человек проявил железную выдержку и держал в узде эмоции даже в ситуации, когда при невыясненных обстоятельствах пропал без вести его несовершеннолетний сын Родас. Прежде это был просто факт биографии, за который я уважал герцога Борджина, но сейчас, вспомнив его, невольно задумываюсь, не был ли его наследник убит, став одним из семнадцати. Вполне могло быть и так, что те, кто расследовал дело, скрывали подробности даже от Герцога, хотя бы потому, что если бы правда вскрылась, высшая знать покинула бы Серенно. Они просто боялись потерять руку, которая их кормит, но это их не оправдывает. Какое же ужасающее, обезображенное лицо скрывает моя родная планета под маской умиротворенной тишины и нерушимого спокойствия!

- И ведь он общался с ней, а что с ней случилось?! – вновь выкрикивает Борджин с тем же негодованием.

«С ней»? Он говорит о Налджу? Надеюсь, что нет, но моя надежда мало что решает. Мне тяжело дышать, у меня болит сердце, но я не буду кричать о помощи. Уже ясно, что это бесполезно, да и во мне есть гордость, чтобы даже в полном отчаянии не обращаться к таким ничтожествам, как Вемек.

Я наведываюсь в кабинет, но голорадио молчит. Остается только снова проверить отпечатки в подвале. К счастью, ничего не изменилось и здесь, кроме того, что в центре под потолком висит кусок веревки с разрезанной петлей. Веревку разрезали теми самыми ножницами? Что это может значить? Что мой брат покончил с собой в подвале? Вполне возможно. Но что тогда означает кровь в ванне? Желание знать и понимать поразительно сильнее опасения тех

страданий, что неизбежно принесут знания. Мыслящие люди, как насекомые, летящие на ловушки со светом, пусть это и чертовски отвратное сравнение. Ведомый этой губительной жадой понять, я прыгаю в дыру. Но в этот раз меня ждет падение в пропасть.

Когда я прихожу в себя, первым чувством становится боль в теле, а затем ощущение движения. Я лежу на чем-то, что плавно движется, иногда резко дергаясь. Тут же пытаюсь встать, но мои ноги и руки привязаны. К медицинской каталке, как я обнаруживаю, открыв глаза. Ее тащат по темному больничному коридору медсестры в запятнанной кровью и грязью униформе. Перчатки на их руках также в засохших кровавых разводах, одной рукой они толкают каталку, в другой держат стойки с капельницами, в которые залит подозрительный мутный раствор. Кажется, я никогда еще не испытывал столь выраженной тревоги за свою жизнь. И не только потому, что меня уже посещали мысли, что хуже пробуждения в своих покоях с головной болью после очередного кошмара может быть только пробуждение в больнице с диагнозом «опухоль мозга». Но потому, что все, что происходит сейчас, к тому же отдает некими экспериментами над людьми. Нечто хуже этого я не смог бы даже вообразить. У медсестер нет лиц. Их вздувшиеся головы – просто скопление опухолей и темных глубоких язв. Такие же гниющие раны вместо лиц были у монстров-женщин в Долине Темных Лордов, рожденных воображением Дарта Мола. Нет времени думать, как причудливо могут переплетаться реальности. Нужно дотянуться до рукояти кинжала, разрезать ремни. Мои попытки оказываются замечены монстрами. Не удалось пронаблюдать, как в их руках появились грязные медицинские инструменты, которыми они теперь пытаются атаковать меня, но ясно одно – чем больше я буду сопротивляться, тем неистовее будут их попытки ранить меня, на что даже будучи слепыми они имеют все шансы. Руки высвободить не получится, ноги – другое дело, ведь ремни, которые меня удерживают, затянуты поверх грубых сапог. Если удастся вытащить ноги из обуви, большая свобода движений позволит дотянуться до оружия. Задуманное удастся осуществить, и я, выхватив кинжал, яростно перепиливаю ремень на правом запястье и тут же переворачиваю каталку, едва успевая укрыться за ней от сокрушительного удара стойкой с капельницей. Быстро освободив вторую руку, я отступаю, приняв оборонительную стойку. Нельзя быть уверенным, что поблизости нет еще таких тварей, так что лучше

справляться без светового меча, хотя бы по этой причине. Я не намерен повторять маневр, предпринятый в Долине Темных Лордов. Движения монстров в медицинской униформе – беспорядочные рывки, а значит, преимущество на стороне того, кто движется плавно и расчетливо. Даже с простым кинжалом я мастер своего стиля. Еще несколько раз стойка с капельницей могла обрушиться на меня, но самоконтроль и верность себе позволили одержать победу без промахов.

Бой завершен, и на смену трезвым мыслям приходит одно, почти одержимое стремление забрать свои сапоги. После кошмарных снов мне как-то стало особенно важно знать, что сапоги мои, мне спокойно, только когда они на мне, да и не ходить же без обуви по темным коридорам госпиталя с абсурдно грязным полом.

Вернувшись за сапогами, я оказываюсь напротив распахнутой двери одной из палат. Там кто-то стоит за белой ширмой. Я подхожу бесшумно и дергаю завесу, после чего лишаюсь дара речи. За ширмой стоит мой брат, склонившись над мертвым окровавленным телом женщины-врача. Увидев меня, он, как испуганный зверь, срывается с места и бросается бежать прочь. Я остаюсь стоять, не могу преодолеть шок, когда в голове крутится только один вопрос: так неужели мой брат действительно тот самый сереннский маньяк!

На доске объявлений для персонала рядом с распоряжениями о консилиумах и зачем-то оставленными здесь же снимками черепа в двух проекциях висит записка странного содержания:

«Работники второго этажа! В госпиталь проник подозрительный человек, мужчина в темно-синей одежде, имени своего не назвал. Мне показалось, он очень похож на того графа, которого видели возвращавшимся в свое поместье с сумкой, из которой капала кровь. До того, как прорваться через охрану, нарушитель хотел пройти в палату 204. Ни за что не позволяйте ему туда идти! Служба Безопасности уже выехала».

Похоже, здесь творится какой-то бардак, если нечто подобное допустили. Но речь идет о том, о ком думаю я? Не хочется верить в это. Пусть я и практически не знаю этого человека, но мы одна кровь, и позор одного – позор всего рода.

Я обыскиваю карманы врача, что брат сделать не успел, но явно пытался – на одежде женщины отпечатки его окровавленных пальцев. И единственной находкой оказывается ключ от палаты 204. Тот случай, когда не удается не верить в совпадения. То, что я теперь

наверняка знаю: мне нужно найти палату раньше, чем это сделает он. Но, проклятье, на ржавых дверях не видно номерных табличек. Мне придется искать наугад и действовать по обстановке.

Несколько дверей я напрасно пытаюсь открыть – ключ не подходит к замкам, которые, возможно, к тому же сломаны. Но следующее помещение не заперто. Это не палата, а пустая белая комната с грязными серо-коричневыми потеками на стенах, идущими от вмонтированных в них широких труб. Из труб исходит тошнотворный запах разложения. И там что-то лежит... фрагменты тел? В одной вполне четко можно было увидеть побледневшие ступни. Во имя звезд, лучше уйти отсюда и не думать о том, что в этой больнице могли делать с людьми!

Следующее незапертое помещение оказывается палатой интенсивной терапии, пол которой залит алой кровью, вытекшей из пакетов и разорванных трубок. На койке среди систем жизнеобеспечения лежит половина тела некого представителя нечеловеческой расы, перетянутое грязными, покрытыми желто-коричневыми пятнами, бинтами. Похоже, этому пациенту пытались вливать людскую кровь. Почему-то я снова вспоминаю о замороженном трупe Сайфо-Диаса. В планах ведь было некое использование его крови... до чего вульгарные были планы! И перебинтованный кусок тела на койке так мерзок. Хорошо, хоть из него не проросла плесень.

Эту палату я покидаю так же спешно, как и предыдущее помещение. В коридоре появилось старое инвалидное кресло, которого раньше здесь не было. Это, разумеется, не такая вещь, появление которой в госпитале можно назвать странным, но мне не по себе. Головная боль снова становится невыносимой, перед глазами появляются пятна, на лбу выступает холодная испарина. Меня не могут не беспокоить подобные участвовавшие приступы, ведь я давно немолод. Хочется пройти мимо, даже не глядя лишний раз на инвалидное кресло, но его колеса поскрипывают, а потом вдруг оно начинает само двигаться в мою сторону, набирая скорость. Я сворачиваю в ближайшую ко мне комнату и захлопываю дверь. Хотелось бы думать, что происходящее лишь привиделось мне из-за спазма сосудов или по иной причине, но я продолжаю слышать за дверью скрип колес.

В помещении, в которое я вошел, стоят столы с грязными хирургическими инструментами и вешалка с медицинскими

костюмами, испачканными кровью. В мойке перед огромным позеленевшим зеркалом лежит скальпель. Может, холодная вода ослабила бы головную боль. В надежде умыться, я убираю скальпель из мойки и открываю кран, однако вместо воды оттуда истекает вязкая черно-красная жижа. Я поднимаю глаза к зеркалу, и мне видится, что порез на моей щеке, давно зарубцевавшийся, снова вскрылся и начал кровоточить, но при этом я ничего не чувствую. Шрам на шее тоже начинает кровить. Я вижу в отражении, как вновь открываются все старые раны на моем теле, на белой рубашке проступает темная кровь. Я слабею, у меня подкашиваются ноги, но я не могу оторвать взгляд от ужасающего зрелища в зеркале! Этим оно не кончается. Я наблюдаю, как сереет и высыхает, обтягивая кости, моя кожа, как в глазницы проваливаются глаза, пока падающая тень не превращает их просто в черные дыры на лице, оскаленном из-за натяжения высохшей кожи губ. На меня пустотой глазниц глядит фактически череп, только все еще с седыми волосами на обтягивающей его коже. Я чувствую сильную боль в сердце, отдающую во всю левую половину тела, жар разливается под кожей, что-то сдавливает горло. Может, остается лишь миг до смерти! Только страх смерти заставляет меня собрать всю волю, преодолеть сковавшее меня наваждение и выскочить за дверь. И тогда, когда образ мертвого меня остается там, за закрытыми дверями, ко мне возвращается дыхание. И боль отступает.

Инвалидное кресло стоит в том же месте, где я видел его, заскочив за дверь. Но теперь дальше по коридору появилось еще одно. Скрип колес – и то из них, что находится ближе ко мне, едва не сбивает меня с ног. От боли я припадаю на колено, и, пока снова встаю на ноги, второе кресло также начинает двигаться. Я перехожу на бег, хоть при этом каждый шаг отдается болью в затылке и висках. Забежав за угол и припав спиной к стене, я перевожу дыхание и не сразу замечаю, что в коридоре стоит ребенок – тот самый мальчик, которого я встретил в доме в лесу.

- Я знаю, кто ты, - даже не успев обдумать фразу, говорю я, встретившись с ним взглядом. Почему-то это невыносимо – видеть гнев в детских глазах.

Мальчик ничего не отвечает. Он отворачивается и пытается убежать, я следую за ним. Возле открытой двери очередной палаты он останавливается и поднимает на меня глаза с беззвучной просьбой.

- Ты хочешь, чтобы я что-то сделал для тебя? – спрашиваю я. Ребенок кивает несколько раз и указывает рукой в палату.

- Что-то забрать? – уточняю я, и снова получаю лишь молчаливый кивок в ответ.

На одной из прикроватных тумб лежит детский рисунок. Контуры нечеткие, но, видимо, на нем изображены животные, деревья и цветы, а на обратной стороне есть подпись: «*Для тибя, мама*». Это наводит на мысли, что в больнице лежала мать мальчика, если только она не умерла здесь, а значит, я неверно думал о нем. Что ж, мои выводы насчет ребенка были абсурдны изначально, продиктованные эмоциями и воспоминаниями. И, к тому же, я вынужден признавать, что ни одна философская концепция не работает на практике.

За моей спиной закрывается дверь и автоматически щелкает ее замок. Я оборачиваюсь и вижу монстра в инвалидном кресле, изуродованного разросшимися опухольями, выдыхающего яд в приступах скрипучего кашля. Плохие ассоциации. Некоторое время назад я был в больнице на обследовании по поводу головной боли. Я опасался, конечно, внезапных необратимых последствий из-за кровоизлияний или новообразований. И даже заключение, что мое состояние объективно даже лучше возрастной нормы, не смогло меня полностью успокоить. Может, страх был и раньше. Я не хочу быть беспомощным, не хочу умереть в своей постели, но разве не многим свойственны те же опасения? Нет, дело здесь не в моих годах, а в моей системе ценностей. Самый большой страх не в том, что ослабеет тело, а том, что может померкнуть разум. В этом коварство лет. За дверью слышен удаляющийся смех ребенка.

Что касается монстра, то я уже встречал такую тварь на Коррибане. Главное, не приближаться и прикончить ее быстрее, чтобы не дышать отравой в закрытом помещении. Оставшаяся обойма «Гарпунера» служит этому делу, и я не задерживаюсь в палате. Дверь вышибаю ногой, чего не делал никогда прежде. Я сам поражаюсь тому, как все сильнее вскипают во мне эмоции, и я перестаю иметь власть над ними. После столкновения с кашляющим монстром я еще какое-то время чувствую тошноту. Отвлечься удастся, когда я вижу дверь с нетронутым ржавчиной четким номером 204.

Мне не сразу удастся открыть замок – кажется, появилась дрожь в руках, что невыразимо мне не нравится. Отперев дверь, я вижу обычную одноместную палату, и здесь лежит юная графиня. Она

оборачивается и встревожено глядит на меня широко распахнутыми глазами. Ее голова перевязана, на правой половине лица свежие кровоподтеки – похоже, имело место покушение на ее жизнь, и волновался я не зря.

- Налджу! – едва не выкрикиваю я, бросившись к ней. - Вы в порядке?

Как только я сажусь на ее постель, девушка прижимается к моему плечу и с трудом удерживает себя от того, чтобы не зарыдать.

- Я видела... такие ужасы... - шепчет она.

О Сила, неужели это юное чистое создание – тоже жертва испорченной реальности? Это причиняет мне боль. Пусть иной мир собирает другие жертвы, пусть истязает меня добрый десяток лет, но только не трогает ее. Я думаю об этом, как будто не знаю, что торговаться не с кем.

- Тихо, - пытаюсь я утешить Налджу, приобнимая ее. - Тихо. Вы можете все рассказать мне.

- Нет! – категорически возражает девушка, поджав губы. - Вы подумаете, что я сумасшедшая.

Я беру ее за плечи и добиваюсь взгляда в мои глаза, чтобы заверить ее:

- Не подумаю, графиня. Я вижу это не один год.

- Что?! – с ее распахнутых глаз срываются слезы. – Святые звезды, почему, за что?!

И хотя я не могу поверить, что она, попав в беду, будучи раненой и испуганной, так переживает за меня, я должен сохранять самообладание. Но подкрадываются мысли, что Налджу всегда знала обо мне больше, чем я говорил, обладала неким интуитивным знанием.

- Теперь Вы понимаете, почему я ни разу не пригласил Вас к себе? – объясняюсь я. - Как живет бывший джедай? Как в плену – вот мой ответ. Мой дворец полон кошмаров. Но я не мог говорить об этом прямо. Графы Серенно не жалуются и не плачут.

- Да, знаю, - графиня кладет руки мне на плечи с непривычной для меня заботой и теплотой. - И не нужно было. И без того я чувствовала это в Вас – желание вырваться.

- Верно, - опустив взгляд, сознаюсь я. - Но я не мог. Только Вы спасали меня.

Надеюсь, это нелегкое для меня признание заменит жест благодарности. То, что она делала для меня, не выразить словами.

- Мы сереннцы, - продолжает Налджу, сильнее прижимаясь к моему плечу, - мы рождаемся, чтобы заботиться о других, не думая о себе. Я знала, что Вы не терпите тишины. Наверняка в тишине Вас тревожили мысли об одиночестве. Джедаи ведь одиноки, но Вы – нет. Не на Серенно.

Я чувствую, что мои брови поднимаются от удивления. Мне становится не по себе, словно я дал слабину и показал чувства, о которых никто не должен был знать. Юная графиня озвучивает ту суть жизни джедая, к которой я приходил так неизбежно, еще без малого шестьдесят лет назад. Мы одинокие, одинокие, одинокие!

Как она могла знать? Как научилась без Силы так чувствовать другого? Неужели у двух людей, знавших столь разные пути, могут оказаться родственные души? За всю долгую жизнь я такого не встречал и не верил в подобное. Может, не верю и сейчас. Вполне возможно, что девушка тянется ко мне лишь потому, что не знает правды.

- Вы так добры, - произношу я, чувствуя, что у меня пересохло во рту. – Но Вы не все знаете насчет меня. Это нечестно. Нечто изменилось в моей жизни, в чем, возможно, и причина всего кошмара. Я перешел на Темную Сторону.

Я пытаюсь отвести взгляд, но ее ладонь касается моей щеки, мягко запрещаая мне это сделать.

- Я думаю, что это не имеет значения, на какой Вы стороне, - уверяет Налджу. – Граф Дуку, Вы сереннец, этого у Вас не отнять.

Я умолкаю. Пожалуй, меня впервые настолько правдиво не осуждают и настолько искренне верят мне, верят в меня, и в этом есть некая мудрость чистой души, истина, известная небитым жизнью детям. То, чего часто не хватает людям с таким грузом прошлого за плечами, как у меня. Я прижимаю графиню к себе и коротко, потечески целую ее побитый висок. Думаю, так родители целуют детей, пытаюсь уверить их, что сейчас перестанет болеть. Со мной не было так, как не было так и с другими детьми, воспитанными в традиционных графских семьях. Но с ней – пусть так будет.

Однако и теперь покой не приходит в мое сердце. Подступает тяжелое чувство вины за то, что не уберег Налджу. Мог ли я? Кажется, я стал переоценивать свои силы и взваливать на себя непомерный груз ответственности, способный меня сломать. Но мне нельзя. Прежде, чем винить себя, необходимо знать, что же произошло.

- Вы видели мужчину, одетого в старый синий мундир? – сразу озвучиваю я основное предположение. - Длинноволосого, с бородой, несколько похожего на меня?

Девушка смахивает слезы с лица. Ей нелегко говорить, но она начинает отвечать:

- Он говорил, что Вы в опасности, и просил пойти с ним. А потом... я не помню ничего.

Она обхватывает руками свои плечи, ее трясет.

- Вам холодно? – осведомляюсь я, и она кивает в ответ. – Здесь нет Вашей одежды?

- Они ее выкинули, - нетвердым голосом отвечает графиня, видимо, имея в виду сотрудников госпиталя. – Она была грязная... и в крови. Не в моей – там, куда он меня привел, была кровь...

- Вы помните что-то еще о том, где были? – должен спросить я, даже понимая, что ей нелегко говорить о случившемся.

- Нет. Все было... в темноте. Просто ужас... - она запинается на полуслове.

Уже ясно, что эти темы не стоит трогать. Может, не сейчас. Я встаю, снимаю мундир и накидываю на плечи Налджу:

- Так будет лучше. И еще, - подумав о том, что нельзя знать, куда нас заведут пути иной реальности, я отдаю ей свой кинжал в ножнах. Графиня берет его, но с такой растерянностью во взгляде. Сумеет ли она при необходимости применить оружие? Надеюсь, что все же сможет.

- Осталось только это, - вновь обретя дар речи, добавляет Налджу, указывая на вещи на столике у кровати – все, что было при ней, когда ее нашли. Это датапад, кулон на черной шелковой ленте в виде розы с белыми лепестками, обрамленными кроваво-красным цветом, и смятая записка тревожного содержания:

«Я больше не могу выносить того, что за мной наблюдают. Эта комната наполнена насекомыми. Все заперто, но они проникают внутрь, словно хотят досаждать мне. Все вокруг знают, что я боюсь. Даже стены.

Я хочу домой. Вот бы вернуться в тот идеальный день... Яркое солнце в безоблачном небе, запах цветущих роз в нашем саду, смешная хохлатая птичка в зоомагазине... Откуда ее привезли? Кажется, с Неймодии...

Мне так плохо! Кажется, мне нужна та гадость, которую они мне дали выпить. Сколько дней назад? Такая слабость... С рвотой

выходит вязкая горькая желчь. Кровь и гной текут из крана умывальника. Я пытаюсь его закрыть, но ничего не получается.

Простите меня! Помогите мне!

Дуку».

Что стоит в конце – подпись или обращение? Почему мне так упорно кажется, что это слова моего брата? Если же догадки верны, то где он переживал такое? В тюрьме «Острие» или же в каком-то ином, куда более ужасном месте? Возможно, конечно, записка является просто подделкой, которая понадобилась ему, чтобы заманить Налджу, но как бы я ни хотел принять такую простую и рациональную версию, некое внутреннее ощущение не позволяет мне это сделать. Может, я уже привык, что в искаженной реальности ничто не бывает просто. Но слишком уж вычурное содержание и при этом странная стилистика высказываний, словно писал не взрослый человек.

- Кто это написал? – решаю все же поинтересоваться я, поскольку нельзя оставить без внимания подобный текст.

В ответ графиня качает головой. Не знает она или же не помнит – это не меняет итога. Вероятнее всего, она нашла записку в том неизвестном месте, куда ее привел мой брат. Но те, кто доставил Налджу в госпиталь, явно обнаружили ее не в его убежище, которое в данный момент остается тайным. Пока я не могу выяснить ничего больше.

- Я не хочу оставаться здесь, - просит девушка.

- Я выведу Вас, - обещаю я. И собираюсь сделать все, чтобы сдержать слово, чего бы мне это ни стоило.

Мы выходим из палаты и идем к лестнице. На стене пролета висит карта госпиталя. Ход на первый этаж перекрыт решеткой, установленной посередине лестницы для непонятных целей. Стоит ли рисковать и пытаться добраться до противоположного крыла по коридору, где может ожидать что угодно, как мог убедиться я? Если бы здесь был другой выход... Последний раз я вышел из иного мира в свою ванную, может ли этот факт что-то значить сейчас? Логика в этом мало, но, поверив интуиции, я все же решаю, что нужно обследовать больничную душевую.

Комната дезинфекции столь же неуютная, как и прочие. Грибок и ржавчина на стенах, слущившаяся краска, невыносимый дух сырости в воздухе. На вешалке для одежды один чистый хирургический костюм светло-зеленого цвета, а на полу под ним белая обувь

медработника. Налджу выказывает желание надеть эту униформу, ведь ей по-прежнему холодно и неудобно в одной лишь тонкой госпитальной одежде. Я отворачиваюсь и только теперь вижу дыру в полу. Не думаю, что дело в моей невнимательности, дыра могла появиться лишь сейчас, ведь и девушка тоже прежде ее не заметила. Одевшись, графиня подходит ко мне и протягивает мне мои вещи, но я настаиваю на том, чтобы они оставались у нее. Разумеется, она пыталась отказаться только лишь из вежливости.

- Вы сможете прыгнуть вниз? – пытаюсь смягчить тон голоса, осведомляюсь я, ожидая, что мое предложение все равно напугает Налджу, что и случается.

- Туда? – ее дрожащий палец указывает на дыру. Конечно, темная пропасть выглядит весьма зловеще, даже если девушка не слышит в ней голосов.

- Доверьтесь мне, - советую я.

Убедившись, что уверенность и твердость в моем голосе несколько успокаивает ее, я прыгаю первым. И снова во тьму.

Мне тяжело открыть глаза, зрение мое затуманено. Неужели я снова в своей спальне? Но чем здесь все покрылось? Встав и протерев глаза, я осматриваюсь снова. Мне не показалось – это мое поместье, и оно теперь выглядит так, как в моих кошмарах. Стены поросли рыжим корковым лишайником, кое-где открывающим темно-красные округлые ложа спор, похожие на пятна крови. Старые сапоги у кровати выглядят не так, как моя джедайская обувь. Кроме того, за ними оставлены кровавые следы. Да, я много с чем столкнулся в темной больнице, там была кровь, разлитая на полу, но здесь, в моей спальне это не отпечатки подошвы сапог из кожи ранкора, которые все это время были на мне.

Завесы упали с зеркал. И теперь меня снова преследует чувство, что кто-то ходит за мной, бесшумно и поразительно точно держась одной дистанции, словно ожила моя тень. Голорадио включилось, но из него исходят только помехи, жужжащие и истошно вопящие, вызывающие болезненное ощущение, будто мозг пытаются разрезать тупым ножом. И ни выключить его, ни сделать тише не выходит – оно живет своей жизнью, как и все это проклятое поместье. Пятно на стене кабинета стало отчетливее. Это череп... мандалорский символ, череп мифозавра. Снова головная боль резко усиливается, доводя до полубморочного состояния.

Мои вещи в кабинете покрылись белой плесенью. С ослепительной ясностью приходит мысль, блуждавшая на задворках сознания еще тогда, когда во дворце были завешены все зеркала: мое поместье выглядит так, будто в нем никто не живет уже очень много лет. Будто я умер. Так оно будет после падения дома Дуку. Нет, я ни за что не зайду теперь в тронный зал.

Спустившись на первый этаж и уже по привычке взглянув в окно, я обнаруживаю свои сады мертвыми. Все растения погибли – розовые кусты свернули листья, темно-алые лепестки осыпались, деревья тоже обростили всю листву на землю, густо покрытую золой. Под окном стоит герцог Борджин. Он смотрит в мою сторону остекленевшими глазами, неподвижно, словно он видит меня. Застывший серый взгляд седого герцога устремлен прямо мне в глаза необъяснимым образом. С таким лицом не блуждают в своих мыслях в ожидании чего-то, с таким лицом следят, наблюдают. Борджин словно хочет мне сказать: «Мы прекрасно все видели и слышали. Но мы тебе не поможем. Это твой путь и только твой, Дуку». Я молча отхожу от окна, продолжая чувствовать на себе его взгляд.

Подвал тоже изменился. Покрытие помещения поросло чем-то красным, шевелящимся, словно водоросли под водой, отчего кажется, что стены кровоточат. Разрезанная петля выглядит так, словно сделана из внутренностей. Точнее, из пуповины. Отпечатки рук чернеют на стене, и их стало восемнадцать. Что случилось с Налджу? У меня осталась ее подвеска в виде розы, которую я спрятал в сундук. Зря я заставил юную графиню поверить мне, когда сам не знал, что из этого выйдет! Однако есть повод думать, что она хотя бы жива. Была ведь еще одна смерть – женщины-врача. Но я не должен ни за что оставаться здесь, я должен действовать. Пройти уготовленный мне путь до конца и покончить с кошмаром. Но дыра в подвале завалена.

Предвосхищая, какой результат получу, я все же снова пытаюсь открыть двери. Нет, ничего не изменилось, они не поддаются. И остается лишь одно помещение, которое я не осмотрел.

По спине пробегает холод, когда я поднимаюсь в тронный зал, еще и с вездесущим ощущением того, что кто-то преследует меня. Воображение уже рисует гигантского хищного червя, бросающегося на меня, как только я открою дверь, и все же я иду вперед.

И в тронном зале стены заросли влажным лишайником цвета темной ржавчины. Витражные стекла испачканы и побиты, разводы чего-то засохли на полу, но более нет никаких следов черного

таозина. Однако трон завален грудой камней, а в потолке над ним появилась дыра. Я поднимаюсь к ней по шаткой куче битого камня и вижу, что за один из ее краев можно ухватиться, так как образовавшийся лаз уходит в сторону. Забраться туда стоит больших усилий и содранной о шершавый каменный пол кожи пальцев. Руки приходится напрягать до боли и дрожи. Оказавшись в отходящем в сторону от дыры туннеле, я могу встать в полный рост. Ход ведет по спирали вверх, переходя в винтовую лестницу. Я очень долго поднимаюсь по ней, мое дыхание начинает сбиваться. Камень стен сменяется металлическими решетками. За них можно иногда держаться, и так проще продолжать идти. Не могу и вообразить, на какую высоту поднимаюсь, если только это не подъем из глубины.

Наконец, открыв железную дверь, я выхожу на свет, сперва кажущийся ярким из-за контраста с кромешным мраком, но когда глаза несколько привыкают, я осознаю, что меня вновь окружает полный серый туман, и небо сыплет золу. Я стою на дюракритовой площадке разрушающейся, обнажившей прутья арматуры башни. Всмотревшись лучше, я понимаю, что это балкон центрального шпиля Храма Джедаев. Другие четыре башни скрыты в тумане, или их уже нет, учитывая запустение, в которое погрузился храм. Перила балкона местами обрушились, в исчерченном трещинами полу зияют дыры. Кое-где набросаны крупные и мелкие куски дюракрита, ссыпавшегося с вершины шпиля. Что-то темное лежит в грудке битых камней. Как оказывается, мандалорский шлем. Взяв его в руки и смахнув дюракритовую пыль, я вижу надпись: *«Смерть магистру-джедаю!»*. Мифозавр, теперь этот шлем... Они возвращают к воспоминаниям. Почему я решился уйти так поздно? Зачем ждал катастрофы в сражении при Галидраане? Зачем было выполнять ту миссию, не задав даже вопросов? Я ведь и раньше знал, и мыслил... Я упустил так много времени.

Наиболее страшное в сложившейся ситуации – отсутствие ясности в вопросе, не зря ли я вообще на склоне лет решил все менять. Не отдавая полного отчета своим действиям, я достаю скальпель, машинально забранный из госпиталя, и опускаю его острие в откупоренный пузырек с белым экстрактом. Но на этом останавливаюсь. Неужели я дошел до того отчаяния в ситуации неопределенности, что готов ради истины резать себе руку сомнительным инструментом, обмазанным еще более сомнительным веществом?! Разве оно того стоит?

Неожиданно до слуха доносится хриплый протяжный стонущий вздох. Я не один на балконе храма. Место скальпеля в руке занимает меч. И из-за поворота является монстр. Ко мне движется человекоподобная фигура высокого роста, но вся голова существа покрыта крупными бледными червями, измазанными кровью. Между их копошащейся массой едва заметна половина лица с ослепшими глазами. Вся полость черепа и проточенная трахея заполнены червями, они кишат и в позвоночном столбе. На монстре лохмотья, смутно похожие на робу джедая – видимо, главным образом из-за характерного кожаного пояса – и лоскуты его собственной слезшей кожи. Его вид – съдаемого заживо человека – шокирует меня настолько, что я мешкаю, а он быстро бросается в атаку, толкая меня к неогражденному краю балкона. Я оступаюсь, лишь в последний момент успев вцепиться в арматуру разрушающегося пола. Никогда еще мне не приходилось вот так в буквальном смысле висеть на краю, и я сам не до конца верю в свою удачу и силу, которые позволили подтянуться и запрыгнуть обратно на балкон до очередной атаки монстра. Я солгу, если скажу, что мое сердце при этом оставалось спокойным, что на коже не выступил холодный пот, что некий отвратительный спазм внутренностей не лишал меня дыхания, что я не чувствовал страх. Страх дает силы для борьбы, благодаря этой эмоции я вновь стою на ногах. Вот только уже не успеваю поднять выпавший из рук меч. Очередной быстрый выпад безоружного червеголового чудовища опережает любые мои действия. Оно толкает меня так сильно, что блокирование удара не дает ничего. Я вновь оказываюсь на краю пропасти, одной рукой с трудом удерживаясь за шаткий кусок ржавых перил. Под каблуками моих сапог крошится дюракрит. Меня вновь бросает в холод, и что-то сжимается внутри, в области диафрагмы. Какая ирония, что я так любил предупреждать других о падении с высоты, пусть и в переносном смысле. Монстр приближается, готовый сбросить меня с балкона, но в последний момент я собираю силу, отталкиваюсь от рассыпающегося под ногами края балкона одними лишь пальцами ног, но, тем не менее, набрасываюсь на противника и пытаюсь уложить его на лопатки, как ни противна мне такая полноконтактная борьба с червеголовой тварью. Несмотря на все усилия, усталость дает знать о себе, и монстр валит меня с ног. Я падаю опасно близко к краю, а под моей спиной дыра в разваливающемся дюракрите. Червеголового стоит только посильнее ударить ногой в пол – и

балкон обрушится с высоты птичьего полета вместе с нами двоими, и вряд ли не имеющее мозга существо думает о смерти, если оно вообще способно думать. Я пытаюсь дотянуться до рукояти светового меча, не совершая резких движений, ведь пол подо мной легко дает новые трещины. Тварь приближается, согнувшись, словно пытается смотреть в мое лицо, притом, что она не может смотреть вообще. Но, к счастью, в этот раз мой клинок оказывается быстрее. Я пронзаю монстра, стоящего надо мной, и умерщвленное мерзкое существо едва не валится на меня. Я вовремя успеваю вскочить и уйти подальше от опасного участка.

Еще один взгляд вниз с высокой башни рождает прозрение. Сомнения были единственной ошибкой. Гложащие подобно червям, превращающие жизнь в тление. Верный выбор я сделал или нет – это способен решить лишь я, а ничего объективного нет.

Если уж дорога привела меня в до боли знакомое место из прошлого, здесь также нужно что-то выяснить. Я встретил упоминание о магистрах, так что стоит наведаться в Зал Высшего Совета.

Ничего из того, что помнил я, уже не осталось в Храме Ордена. Зал принял вид заброшенного помещения, пострадавшего от погромов. В его центре возник огромный провал, оставив лишь узкую полосу мозаичного пола по-над стенами. Высокие окна лишились стекол, от стен местами остались одни голые каркасы. Дверь в зал резко зарывается – и помещение погружается во Тьму. С оставшихся фрагментов стен осыпается краска, всюду проступает ржавчина, а из черноты вверху со скрипом спускаются клетки с однорукими слепыми монстрами с зашитыми ртами – коррибанскими аллегориями на джедаев. Этих тварей оказывается ровно двадцать, как Потерянных – рыцарей, добровольно покинувших Орден, последним из которых стал я.

С такими монстрами уже приходилось биться, и стратегия сохранилась в памяти. Но первая же попытка провести маневр проваливается – пронзенное световым клинком существо остается живым, только лишь дернувшись синхронно с остальными. Я пробую атаковать еще раз, уже иного монстра, но с тем же результатом, вдобавок к чему тварь рядом ранит меня в плечо. Боль оказывается столь сильной, что у меня темнеет в глазах, и вдруг в сознании проносится мысль: «Они не настоящие». Похоже, что внезапное

озарение действительно имеет смысл. Они не настоящие – все, кроме одного, и если я убью его, умрут все.

Нельзя стоять на месте, нельзя терять время, но как понять, где моя цель? Пробовать бить всех наугад я не могу себе позволить – я вымотан, выжат едва ли не до последней капли, у меня нет сил выстоять долго в столь непредсказуемой и напряженной борьбе. Уворачиваясь от хаотичных непрогнозируемых атак, я замечаю, что у одного из монстров конечность облита кровью. Если это «Потерянные», и мое плечо сейчас в крови, стоит проверить такую гипотезу. Пригибаясь и рискованно отступая к самому краю провала, я добираюсь до твари с окровавленной рукой и совершаю точный выпад. Беззвучная агония – и все замирает. Сработало. Я не успеваю отдышаться, когда вновь слышу металлический скрежет, на этот раз снизу. Взглянув в провал, я обнаруживаю, что оттуда поднимается платформа, в центре которой лежит свиток. Как только она останавливается на уровне с полом, я разворачиваю древнюю рукопись и читаю ее:

«Абсолютная мудрость только одна. Утроба есть закрытое пространство. Ритуал призыва Жадной Матери есть рождение. Сила, существовавшая в закрытом измерении одного мира, получит возможность ходить по Галактике. Но Жадная Мать не может разродиться, не насытившись. Ей нужно двадцать добровольных жертв, предпоследней из которых будет Мать Возрождение, и если последней жертвой ее не будет Получатель Мудрости, то именно он и остановит ее. Тот, кто назовется ее пасынком, поднесет ей кровь из десяти сердец и белый экстракт в черном кубке. И она освободит его от оков плоти, когда он сам перережет пуповину. Только его кровник будет обладать силой вернуть его в лоно матери. Великий червь отчаяния послужит этому. Получатель Мудрости поймет эти слова».

Конечно, двадцать – число жертв, а не число Потерянных. Правда, и в одном и в другом случае последним должен быть я. Ритуал, о котором говорил Дарт Мол, уже скоро может завершиться. Но теперь мне ясно на этот счет почти все. Истинный смысл ритуала – выпустить Тьму, ввергнуть в бесконечный кошмар всю Галактику. Чтобы пойти на такое, нужно быть либо идиотом, либо сумасшедшим. Что ж, я был на Дромунд Каасе и насмотрелся там на такое, что вполне могу заявлять – тот, кто попадает к Пророкам Темной Стороны, неизбежно становится и тем и другим.

Свиток – примитивный носитель информации. Информация – то, за чем я шел все время. И если где-то может быть возможно прояснить оставшиеся вопросы, то только в архивах Ордена. Я отправляюсь туда. Путь вниз, к архивам, поначалу проходит по темным помещениям, коридорам и лестницам, пострадавшим от разрушений, и иногда невозможно избежать того, чтобы не перецепиться через что-то во мраке. Но уже ближе к архивам я попадаю на лестницу, где есть слабый свет. На ее ступенях под стеной стоят свечи. «Свечу зажгу я, чтобы нашел ты дорогу домой», – молвил однажды один из моих учителей. В последнее время меня посещали мысли, что он предвидел мое обращение к Темной Стороне. Словно было предрешено все, что происходит сейчас, так должно было сложиться, чтобы я стоял на грани. Может, меня действительно выбрал Коррибан, уже тогда. Мои осторожные шаги заставляют огни свеч дрожать. Обстановка не становится менее напряженной, а к тревоге присоединяется некое ощущение траура. Почти у конца спуска я замечаю на стене черную надпись, сделанную чей-то нетвердой рукой:

«Правду можно узнать, лишь двигаясь вперед. Но правда обычно предает нас. Как долго не стихает боль предательства? Я знаю твою. Нод, Церулиан, Иридиан».

Не могу понять, чей это может быть почерк. И к чему сейчас будить воспоминания о предательстве Лориана Нода и более позднем сговоре с Иро Иридианом? Иная реальность нередко предлагает вспомнить все прошлое, чтобы наконец-то расстаться с ним. Причем только здесь еще и Тейм Церулиан, мой учитель? Он ведь не предавал, просто не мог обучать меня дальше... Но нельзя сказать, что меня это не расстроило. В конечном счете мы снова остаемся с тем, что все мы одинокие. Так или иначе, с роковым одиночеством я давно примирился и шел дальше. Что стоит делать и сейчас. Дойдя до конца лестницы, я вхожу в архивы.

Потухшие, покрытые пылью терминалы вдоль стен освещаются трепещущими огнями свечей, расставленных по периметру помещения. Они едва могут рассеять плотный мрак, скрывающий разлом в потолке, в котором находится перевернутое вниз головой скрытое по грудь тело Сайфо-Диаса. Перевернутое и абсолютно однотонно черное, словно матовое каменное изваяние. Теперь я поминаю – мой выбор в пользу Темной Стороны был абсолютно верным решением. Губы Сайфо-Диаса, неподвижно смотрящего на

меня пустыми темными глазами, начинают шевелиться, и я слышу забытый голос:

- Поздравляю, друг. Ты прошел. Твоя награда – истина. Люди ничем не лучше других рас. А, может, даже хуже их. Высокомерные, подлые корусантские обезьяны. Я имею право говорить это как человек без гордыни. Гордыня всегда была проклятием твоего рода.

- Я не горжусь собой, - прямо, без единой доли лукавства теперь могу ответить я. - Я знаю, в чем был недостаточно силен. И что мне столько лет мешали сомнения.

- Сомнения – признак истинной мудрости, - возвещает перевернутый джедай. - Ты не боялся Темной Стороны. Ты использовал обе. Поэтому тебя выбрал Коррибан как Получателя Мудрости. Ты можешь остановить предателя Сидиуса. Ты можешь остановить истечение Тьмы в этот мир. Остановив брата, как ты понимаешь, хоть и до сих пор не можешь поверить, что именно он задумал это. И в этом неверии ты абсолютно прав. Его замысел был иным – исказив реальность, вернуть прошлое и переписать собственную биографию. Занять твое место в жизни. Почему он убежден, что был более достоин этой судьбы, ты узнаешь у него сам.

Я видел и слышал много чего, но намерение сделать что-то такое – это верх абсурда даже по меркам человека, познавшего реальность Коррибана. Кем надо быть, чтобы действительно пытаться такое совершить?

- Я прекрасно понимаю, то, что он хочет этого добиться, не означает, что это возможно. Но неужели...

- Он безумен настолько и так давно, - твердо подтверждает мои мысли Сайфо-Диас. – Хотя, назвав его несчастным ребенком, которого обманули, ты также будешь прав. Он был обречен на страдания с рождения, когда, физически отделившись от матери, остался на самом деле ее собственностью. Избавление от этой жизни, возвращение в лоно матери – то, чего он хочет на самом деле и что в твоих силах дать ему. Убить... Убить... Убить... Убить... Убить... Убить... Убить... Убить... Убить... Убить...

Я не считал, сколько раз он повторил мрачный призыв, но мог бы поклясться, что ровно двадцать. На полу под головой мертвого джедая лежит его световой меч. Я забираю это оружие. За спиной Сайфо-Диаса, в дальнем конце помещения архива стоит старинный хронометр со стрелками. Дорогостоящий антиквариат, которому нечего делать у джедаев, ведущих скромную жизнь практически безо

всякой собственности. Подойдя ближе к предмету старины, я вижу под пыльным циферблатом с застывшими фигурными стрелками табличку из бронзиума с выгравированной надписью: «*Шрамы из прошлого уберут гвоздь, что держит время*».

Есть предчувствие, что фраза на хронометре имеет некий скрытый смысл. Да и само появление антикварного предмета здесь не случайно. Попытки сдвинуть его с места оказались тщетны – я пытался сделать это до тех пор, пока боль в раненом плече не стала невыносимой. И тогда приходится только снова задуматься над гравировкой. Речь о неких шрамах их прошлого, а прежде я видел на стене запись о предательстве. Как долго не стихает боль предательства? В разных случаях срок переменчив. И если надпись на стене связана с этим хронометром, может ли в ней быть указание на то, что нужно выставить время? От боли, которая не оставляла дольше всего, до незначительного разочарования – часы, минуты, секунды. И ведь там не случайно были написаны лишь фамилии. Нод, Иридиан, Церулиан, в порядке значимости их поступков, которые можно назвать изменой. Три, семь и восемь букв. Можно попробовать такой вариант решения. Я открываю стекло циферблата и перевожу часовую стрелку на значение три, минутную на семь, а секундную на восемь, и когда яставляю последнюю из них, раздается громкий щелчок в механизме хронометра. Я пытаюсь сдвинуть его с места еще раз, и теперь он легко поддается.

На задней стенке хронометра прикреплена еще одна табличка из бронзиума с гравировкой: «*Каждый ранит, последний приканчивает*». Только прожив жизнь, можно сполна понять смысл этих слов, как и сущность времени.

За хронометром обнажилась стена, покрытая грязной паутиной. Кажется, когда-то здесь была дверь, но теперь такое впечатление, что на стене остался только отпечаток двери. И если нужно следовать туда, куда могла бы вести несуществующая дверь, то необходимо разрушить стену. Я беру в руки мечи – свой и Сайфо-Диаса - и активирую два клинка одновременно. Небесно-синий и рубиново-красный. Обе стороны Силы. Абсолютная истина всегда была выше их, выше любых делений и классификаций. Не могу объяснить это, но откуда-то мне известно, как именно я могу сделать то, что должен. Я подхожу к пыльной стене и одновременно вгоняю в нее оба меча. И черный каменный заслон рассыпается.

Моему взору предстает большое помещение со сводом-куполом. В центре в полу находится резервуар, заполненный жидкостью цвета крови, и в нем ритмично вращается некий циклопический часовой механизм. Снова аллегория времени, которое, вопреки пошлому афоризму, не лечит, а убивает. На краю кровавого бассейна стоит Налджу в том самом зеленом костюме и моем мундире. Ее держит за плечо мой брат, в его руке мой кинжал в ножнах, а на его ногах мои старые сапоги. Я не мог не заметить это изменение, я ведь четко запомнил, что раньше на нем были туфли.

- Иди вперед, - пытается убедить он растерянную и встревоженную девушку. – Один шаг – и его жизнь будет навсегда в безопасности. Для тебя ведь это важно – жизнь старого графа, мундир которого ты так благоговейно носишь.

- Налджу! – выкрикиваю я, и, к счастью, она оборачивается. Обреченный лик сменяется выражением надежды. - Не верьте ни единому слову этого человека. Он сам не понимает, что творит.

Брат тоже оборачивает в мою сторону, впиваясь в меня тяжелым взглядом:

- Надо же. И что же я творю, мудрец?

- Ты ведешь в этот мир Тьму, - отвечаю я твердо и без лишних эмоций. - Хотя вряд ли понимаешь, что это значит.

Я думаю лишь об одном. Как же я похож на него в своей убежденности, что иду служить высшим целям – и плевать, что по трупам! Если бы я строил Империю Человека... я был бы сереннским маньяком в масштабах Галактики, куда более ужасным чудовищем, чем он! Я бы приносил в жертву целые миры и расы! В планах было развязать масштабную межзвездную войну – по сути превратить спираль Галактики в кровавый круговорот, не прибегая к помощи Тьмы. Какое великое благо, что этого не случилось!

Что-то меняется в глазах брата, взгляд становится отсутствующим, отрешенным, но не перестает от этого быть тяжелым:

- Я видел ее. Когда обрел новую жизнь через свою смерть. Но это ничто в сравнении с жизнью в тени брата-героя!

Больше нет никаких сомнений в том, что он изначально стоял за ритуалом. Восемнадцать следов его окровавленных рук, веревка в подвале, текст свитка – все это долго казалось чем-то эфемерным, метафорическим, но сейчас он сам подтвердил буквальное значение всех знаков. Мотив частично можно понять. Мой брат – ребенок, не

называвший своего имени, бывавший в детстве в тех же местах, где и я, пытавшийся делать что-то приятное для родителей, но, видимо, не получавший ничего взамен. В отличие от меня, кем они гордились, когда я всегда был от них далеко и даже не вспоминал отчий дом. В таких случаях и вырастают взрослые, которые ведут себя, как дети. Его не любили, им не восхищались, что бы он ни делал, и это упущение наших родителей, но редкий ребенок способен прямо винить тех, кто дал ему жизнь. Родители для ребенка – боги. Потому он скорее винит себя за то, что они его не любят – в его сознании это плата за его грехи. И некоторые идут на все, чтобы исправить это. Я помню, как ловил себя на подобных мыслях, что каждый джедай по сути ребенок родителей, которые решили, что смогут обойтись без него. Оставленные своими богами, они всю жизнь пытаются доказать свою праведность в надежде, что уйдя в Силу, узнают, что искупили. Сейчас, глядя на брата и думая о его действиях, я могу делать вывод, что меня всегда помнили и любили, но это не утешение в сложившейся ситуации. Быть недолюбленным на расстоянии – ожидаемо и объяснимо, быть недолюбленным рядом с родителями – ненормально и, наверняка, невыносимо. Предательство друзей можно пережить, предательство наставников тоже – ведь все они в сущности чужие нам люди, но вот предательство семьи – никогда.

- Так дело в зависти? – все равно не могу до конца поверить я в то, что все это привело к такой степени сумасшествия.

- В зависти?! – брат взбешенно срывается на выкрик. - Моя боль не имеет ничего общего с завистью – знать, что я был создан лишь для продолжения рода! Зачатый для размножения. Как животное для случки!

Он не мог смириться с тем, что был рожден лишь потому, что древнему знатному роду был нужен наследник. Возможно, и его брак был заключен в угоду родителям, и семейная жизнь в итоге не сложилась – не без причины же Костанза стала одной из жертв.

- Проблема в том, что ты так на это смотришь, - спокойно отвечаю я, хоть и понимаю, как бессмысленно пытаться усмирить несчастного безумца. - Не думаю, что твоя жизнь была какой-то ущербной из-за этого.

Его блестящие глаза краснеют, он смеется с выражением боли на лице:

- Да что ты знаешь обо мне? Даже не знаешь имени! Не хочешь знать. Они дали нам одинаковые имена, представь себе! Я суррогат,

вторичная продукция, твой заменитель, копия «шедевра», потому что «бесценный оригинал» захотели забрать себе джедаи!

Его заявления начинают выводить меня из равновесия – я терпеть не могу, когда кто-либо бросается такими патетичными фразами.

- Тебе самому не противно то, как ты рассуждаешь о людях? – интересуюсь я.

- А ты что, рассуждал иначе? Обо всех – о людях и особенно о не-людях?

Неплохая попытка подловить, но я уже давно знаю, в чем был не совсем прав. После всего, через что я прошел, слова меня не заденут. Я могу сохранить самообладание и не прекращать попытки понять человека, который, судя по всему, не до конца утратил способность мыслить:

- Если тебе есть, за что так сильно меня ненавиждать, почему же ты просто не убьешь меня?

- А что я получу? – разведя руками, отвечает брат так, словно я спросил нечто, само собой разумеющееся. - Жизнь прошла! Если я проведу ритуал, все начнется с начала! Но без тебя, брат! Без тебя!

- И кем ты будешь в этой новой жизни?

- Тобой.

- Но разве ты владеешь Силой?

- Да! – отрешенность и безумие возвращаются во взгляд блестящих темных глаз. – Иначе как бы я провел ритуал Успения и все прочее! И с чего бы тогда я настолько тебя призрали!

- И кто же дал понять это тебе? Кто учил азам? Я уверен, это был не джедай.

- Да, но это был благосклонный человек, предложивший помощь, несмотря на мой возраст. Он согласился с несправедливостью моей судьбы!

Пророки Темной Стороны вербуют к себе новых членов. Для них не имеет разницы, кого они посвящают в свои тайны – все равно реальное положение дел знают только двенадцать верховных. На Дромунд Каасе для приобщения неофитов к секте используют особый багряный спайс. Кажется, они делают его из грибов, растущих на кладбищах. Поколения спустя после смерти основателя Миленниала, не добиваясь ничего, а только теряя имевшееся влияние, Пророки искали новые средства влияния – и нашли это. Все, что они делают там теперь, сводится к некому подавлению воли и обучению отчаянию. Я видел там нескольких новоприбывших – фактически еще

детей. Их выводили из цилиндрического здания без окон, каменного мешка, который мог быть тюрьмой или чем-то в том же роде. Ночью оттуда были слышны странные бормотания, бывшие, по-видимому, их молитвами, и плач – как мне показалось, детский. У Пророков были и «лаборатории» для алхимических экспериментов, где они занимались неким «созданием монстров». Но могли они быть уверены, что сформируют у всех своих неофитов пресловутую выученную беспомощность? Могли предполагать, что однажды найдется монстр, который вырвется? Все это такая ирония... словно вся Вселенная была слепа.

- Я знал одного человека, который тоже умел мягко стелить, - невольно улыбнувшись, сообщаю я. - Но, знаешь ли, нет никакой чести в том, чтобы быть джедаем, поверь. Я не просто так отрекся от этой жизни.

Снова смех, тихий, похожий на кашель, исполненный горечи:

- И сам доказал, что не был достойным быть джедаем! Прожил жизнь – и зачем? Зря! Ты вернешься в утробу матери, а я приму твою судьбу. И проживу жизнь, как должно!

- Даже если так, на твоей совести будет двадцать трупов! – не выдерживаю я абсурдности его слепой убежденности, что все так просто поправимо. - Твои руки уже в крови восемнадцати жертв. Разве так поступают джедаи?

Мои слова ни на йоту не пошатнули веру брата в то, что он затеял:

- Исказив ход времени, я изменю все это. И для меня все начнется с начала, а значит, этой вины не будет на мне. Рожденный заново, я буду чист.

- Ты настолько обезумел, что действительно не понимаешь, что все это время использовал Темную Сторону? – не столько последняя попытка достучаться, сколько еще одна проверка наличия здравого смысла. И если бы здравомыслие осталось в нем, мои слова стали бы для него таким же потрясением, каким стал однажды для меня тот факт, что Каданн некогда был джедаем. И бывший воин света, показывая мне все запредельное мракобесие Дромунд Кааса, рассказывал, что навел в своей богомерзкой секте порядок, достойный идеалов Миленниала. Не будь я несколько подготовленным морально после Коррибана, допустил бы шальную мысль, что Орден Джедаев был не так уж плох.

- Этого не может быть, - мотает брат длинноволосой головой. - Глупость. Твои навыки дипломатии и красноречие ослабели, да?

- Ты, видимо, слышишь только себя? Я лично знаю того, кто тебя использует. Бедный, несчастный, тебя обманули. Заставили поверить, что то, о чем ты гредишь, можно осуществить, только чтобы ты пошел за ними. И ты примкнул к ним. Мне жаль.

Недальновидные прорицатели – столь острый оксюморон. В первую очередь Пророки обманулись сами. Не ведая знаний, открытых Бейном, которые он сам охранял на Коррибане, они были лишь игрушкой в руках Темной Стороны. Не так уж удивительно узнавать это после того, как Каданн не сумел понять, что я предлагаю ему стать смертником, и принял от меня схемы ментальной бомбы. Так называемые «пророки» годами, веками сидели на своем грозовом Дромунд Каасе среди могильников и болот и не знали истины о ритуалах ситхов и возможностях Темной Стороны, которая играет по своим правилам и преследует свои цели. Как поразительно, что первым это сказал Дарт Мол, простой забрак, вышедший из Братьев Ночи – они все не имеют представления, с каким огнем играют!

- Ты врешь! – обозлено бросает мне в ответ брат.

Он уже заметно разнервничался из-за разговоров, которые затянули время перед столь долгожданным для него финалом ритуала. Он приближается к Налджу, которая в оцепенении наблюдала за нами все это время, наверняка не понимая, что тут творится и зачем все это. Блаженная нетронутая горечью знания Мать Возрождение. Безумец хочет столкнуть ее в бассейн с кровью, где продолжают ритмично вращаться циклопические шестеренки, ведь раньше он уже получил ее бессловесное согласие, манипулируя ее привязанностями. Больше нечего выяснять, нечего искать объяснения и оправдания, нечего думать - пришло время остановить его. Я по-прежнему держу в руках два световых меча, но, кажется, сейчас мне нужно нечто другое. Нельзя убить обычным способом того, кто уже мертв. Все, что происходило в иных измерениях, дало некое понимание того, что есть интуитивное знание, даже без Силы. Я деактивирую мечи, убираю их на пояс и бегу вперед. Я встаю между графией и братом и отталкиваю его от нее, незаметно и быстро выхватив скальпель, на лезвие которого нанесен белый экстракт, и успеваю ударить безумца в живот, оставив неглубокий порез. Брат вновь хрипло посмеивается, увидев полученное ранение:

- Это все, на что ты годеи, мастер светового меча?

- В твоём случае этого достаточно, - кивнув, уверяю я и отступаю, наблюдая наступление Тьмы. Стены покрываются ржаво-красной растительностью, а затем из центра купола начинают расползаться красно-коричневые корни-сосуды, которые я уже видел в своих снах. Брат падает на колени, схватившись за горло.

- Мама, нет! – с хрипом вырывается из его груди отчаянный крик.

Сосуды опутывают механизм посреди резервуара с кровью и останавливают его. В центре под потолком раздувается огромное пульсирующее сплетение, которое лопаётся. И чёрный таозин вползает в зал. Я хватаю Налджу на руки и спешу покинуть помещение, уже предвосхищая, чем всё закончится. Умиравший от удушья брат, хрипя, кричит мне вслед:

- Они все равно доберутся до Избранного! Думаешь, Красный Зверь сможет им помешать? Нет!

Позднее прозрение. Но это лучше, чем ежели оно не наступает вообще. Ещё недавно не понимавший ничего, живущий за ширмой тумана, теперь он кидает мне в спину пророчество. Настанет время, когда его слова обретут смысл, но сейчас они не имеют значения. Я покидаю зал тем же путем, откуда пришел, и хотя попадаю не в архив джедаев, а в темный туннель, я знаю, что это верный путь. Последнее, что я слышу за спиной – чавканье рвущейся плоти. Видимо, червь получил свою добычу. Успев за короткую беседу понять, какой была жизнь моего брата, я не чувствую жалости. Порой высшей милостью становится избавление от страданий даже самым радикальным способом.

Туннель выводит меня на берег Белсалльского моря. Над водой стелется белый туман с соленым запахом безмятежного прошлого. Я стою на пирсе, под которым в воду уходят трубы, и вижу, как в море сливается, бесследно растворяясь, вся кровь. Всё кончено?

Как бы то ни было, я ухожу. Галька скрипит под сапогами. Место богомерзкого ритуала остается позади за мглистой завесой. Измученная Налжду поднимает на меня блестящие глаза.

- Граф? – в одном ее слове и взгляде сразу много вопросов и эмоций. Я понимаю все их, но нужно постараться, чтобы ответить так же емко, если только не хватит одного короткого слова.

- Да, - говорю я, отвечая не на обращение, а на все неозвученные вопросы, заданные ее подсознанием моему подсознанию с упованиями на благостный исход событий. И в светлых глазах вижу

понимание моего утвердительного ответа о том, что на этот момент все закончилось.

- А Ваше поместье? – она все еще переживает за меня, словно родная дочь, и хочет узнать, изменится ли теперь много лет мучивший меня дворец.

Но я вынужден ответить иное:

- Я больше туда не вернусь.

- Куда же Вы теперь?

- Пока не знаю, - приходится слукавить мне, хотя я прекрасно знаю. Коррибан.

Мне не хочется бросать ее, не хочется и покидать Серенно. Налджу подарила мне время, которое стало лучшим в моей жизни, несмотря на лежавшее на мне проклятие мертвой планеты. Она дала мне время без одиночества. Я хотел бы его продлить, но у меня есть долг. И я обязан его исполнить, не думая о себе.

Что бы это ни был за Красный Зверь, который не сможет помешать зловещему замыслу, я сделаю все, чтобы защитить Избранного и покончить навсегда с предателем Сидиусом. Даже если придется снова погрузиться в тот крошечный ад – игра стоит свеч. Таково решение Получателя Мудрости.

ЧАСТЬ 3

Энакин Скайуокер:

Кантина «КрасныйРом» на корусантском дне – не лучшее убежище. Хотя все здесь пьяны настолько, что им плевать на все, даже на тот факт, что название заведения написано с ошибкой. И уж точно им всем плевать на меня и на голограмму, на которую я смотрю как зачарованный.

Она выворачивает мне душу, гипнотизирует меня, уносит меня далеко отсюда. Это сильнее любого спайса. В какой-то момент я не просто впадаю в ступор, а вовсе отключаюсь и начинаю видеть сон наяву. Я иду по пустующему зданию с грязными черными стенами, на которых в ряд, словно картины в галерее, крепятся зеркала, завешенные выпачканным полиэтиленом – полупрозрачным, в черно-красно-коричневых разводах. Петляющий коридор приводит меня в круглый зал, в центре которого установлено нечто вроде ступенчатого алтаря. С потолка свисают рваные куски полиэтилена, только черного, в какой заворачивают трупы, и с темных грязных лоскутов даже что-то капает. Мерзкое место. А в центре зала на алтаре стоит массивное черное существо столь же отталкивающей наружности. Оно заковано в тяжелые доспехи, а голову его скрывает шлем, отдаленно похожий очертаниями на почерневший человеческий череп. Все его обмундирование сделано из старого выщербленного металла цвета копоти. Между фрагментами доспехов кое-где видна его кожа, точнее то, что когда-то ею было, а сейчас представляет собой сплошной черный ожог четвертой степени. За плечами его висит подобие плаща из помятого и местами прожженного полиэтилена для трупов. Я подхожу к массивному существу – и нас окружает огонь. «Ты не одолеешь меня! Не возвращайся на Коррибан!»- громко хрипло дыша, произносит черный монстр, и по жесту его руки пламя вокруг нас разгорается сильнее. Велением руки он просто швыряет огонь мне в лицо. Пламя обжигает, но не так, как обычно, а начиная изнутри, словно я вдохнул его, вобрав весь огонь в себя через ноздри. Первыми сгорают легкие, прожженной пленкой прилипая к ребрам, затем чернеют кости, изжариваются органы, выгоревшее нутро пустеет. Я вижу, как чернеет моя живая рука, и до чего же она печет внутри. Руки и ноги еще тлеют в сердцевине, а в брюшной полости, в груди и в голове

осталась выжженная пустота, и ощущения вселяют неподдельный ужас, заставляющий меня пробудиться.

Снова кошмарные видения и сны. Сколько лет они уже преследуют меня?! И что виной тому? Алкоголь? Усталость? Или моя ярость? В моей жизни за последнее время произошло много изменений, к которым трудно привыкнуть. Я потерял правую руку на задании учителя. Но это незначительная потеря, которую тут же заменили. Я не могу смириться с другим.

Голограмма, на которую я смотрю, изображает Падме. Я не должен был любить ее, но не смог ничего с собой поделать! Я любил Падме почти всю жизнь. Я обещал, что обращу страсть к ней в свою силу, но это было выше моих сил.

Мой учитель сам спровоцировал наш роман и одобрил наш брак. Это должен был быть политический ход, чтобы я получил власть. Ведь у меня была возможность под прикрытием заниматься политикой, в отличие от татуированного забрака, еще и сильно изуродованного ожогами. Именно поэтому Мол убил мою жену именно сейчас – когда точно понял, что я не справлюсь с собой. Он должен был сделать меня сильнее, я понимаю это. Но ее больше нет!

Я ненавижу его. Моя боль постепенно утихает, но ненависть крепчает. Я убью его! Каждый ученик должен убить учителя, когда превзойдет его. В бою на световых мечах я уже превзошел Дарта Мола, как и во владении Силой. Так, может, мне больше нечего ждать?

Мне, правда, стоит дать ему возможность завершить создание голокрона, над которым он трудится уже не первый год. Я даже не знаю, что в нем такого значимого, но учитель поглощен этой затеей полностью. Мол уверен, что его работа очень важна для Ордена Ситхов. Зато ему плевать на меня, и я могу безнаказанно выпивать в кантине «КрасныйРом» на корусантском дне. Иногда я, конечно, вспоминаю, что, возможно, еще не всех джедаев мы выследили и уничтожили, но пока значимой угрозы от них не исходит, могу себе позволить. Когда тебя год за годом преследуют кошмары, приходится искать допинги, способные заглушить боль.

Я ненавижу его. Еще и за то, что он постоянно устраивал мне расспросы о моих кошмарах. Ковырял раны. Заставлял в деталях вспоминать то, что я так хожу забыть, утопить в алкоголе, и все равно эта дрянь всплывает. Как сейчас.

Кто-то кладет руку мне на плечо, от чего я дергаюсь. Смахнув длинные мокрые от пота волосы, прилипшие к лицу, я вижу перед собой седого мужчину в мундире и плаще.

- Примите мои соболезнования, Энакин Скайуокер, - произносит незнакомец с выражением сдержанного сочувствия на уверенном мужественном лице. Его взгляд просто не позволяет сомневаться в том, что он прекрасно знает и понимает, что мне пришлось пережить, и его молчаливая поддержка является чем-то, от чего трудно отказываться.

- Эм, спасибо, - несколько растерянно и невнятно отвечаю я. - Хотя я и понятия не имею, кто ты.

- Мое имя Дуку, - приложив ладонь к груди, представляется мужчина. - Я граф Серенно.

- Поздравляю, - небрежно бросаю я и отвожу взгляд. Не только потому, что в его темные пронизательные глаза тяжело смотреть, но и потому, что любые высокие титулы способны напомнить мне о свежей боли.

- Я вижу, в каком Вы состоянии, - мягко, понимающе произносит Дуку, - но мне нужно поговорить с Вами. Это касается Вашего рождения.

- Мне это неинтересно, - тут же спешу заявить я.

Не могу сказать, что поднятая им тема меня не тревожила. Мол учил меня, что происхождение, раса и прочие категории принадлежности не имеют значения для ситха, но я не смог вычеркнуть прошлое из своей жизни. Момент, когда я покинул Татуин и стал учеником Темного Лорда – черный провал в моей памяти. Уже будучи взрослым человеком, я пытался втайне от учителя разыскать свою мать и узнать об этом у нее, как, возможно, и о моем отце, но возвращение на планету-пустыню принесло мне только боль потери.

Граф Дуку, услышав мой отказ, не собирается уходить. Он продолжает пристально смотреть на меня. В такие моменты возникает паршивое чувство, что тебя видят насквозь.

- Все переменчиво, Энакин Скайуокер, - произносит граф. - Или у тебя уже есть другое имя? И титул?

- Откуда... - сам вырывается у меня вопрос, когда я вскидываю голову в удивлении. Неужели этот человек действительно читает меня, как книгу?

И Дуку продолжает шокировать меня своими ответами:

- Я знаком с Дартом Молом. Много лет назад мы встретились с ним случайно, на одной особенной планете. Ты ведь помнишь Коррибан?

Ну это уже перебор. Одно лишь упоминание этого названия бросает меня в жар. Кажется, черные одеяния липнут к телу от пота, а пальцы живой руки предательски дрожат. Не надо это ворошить! Я ничего не хочу знать! Напряжение достигает пика, я вскакиваю из-за стола и собираюсь уходить.

- Приятно было пообщаться, - бросаю я, уже развернувшись спиной к графу.

- Ты передумаешь, Энакин, - звучит позади меня его голос, звучный и неколебимо твердый. - Я буду ждать неподалеку отсюда, на заброшенной станции метро.

Мне плевать, я уже решил, что говорить нам не о чем. Черт подери, отчего так печет в груди и по лицу градом катится пот? Прежде, чем покинуть низкопробную кантину, стоит хотя бы зайти в уборную и умыться. Я открываю кран и зачерпываю ладонями ледяную воду, но, подняв глаза к зеркалу, вздрагиваю как от грома среди ясного неба. Из отражения на меня глядит окруженный пламенем черный монстр в тяжелом шлеме! Из жара меня бросает в холод, по телу проходит дрожь. Я, едва не поскользнувшись на мокром полу, пытаюсь бежать, не замечая, куда меня несет, когда перед глазами продолжает стоять увиденный в зеркале образ. Слегка опомнившись, я начинаю видеть хоть что-то вокруг и понимаю, что случайно попал на кухню. Темнокожий лысый забрак в грязном фартуке орудует тесаком – видимо, готовит мясо. Но, подойдя чуть ближе, я вижу, что на столе перед ним лежат отрубленные руки различных гуманоидов. Я даже не успеваю поразиться шокирующему зрелищу, когда рогатый мясник поднимает на меня глаза и, с озлоблением шумно втянув ноздрями воздух, бросается на меня с тесаком. Я пытаюсь быстро бежать прочь, однако ноги не слушаются меня, и кажется, что он вот-вот меня настигнет. Выбежав из кантины, я тут же ныряю за угол, в темный проулок, полный разбросанного мусора, продолжая слышать за спиной шаги и шумное дыхание. Надеюсь все же затеряться и оторваться от преследователя, я быстро, как могу, спускаюсь в подземку.

В метро царит крошечный мрак. Зловещая тишина то и дело нарушается каким-то шуршанием или скрипом. Когда глаза начинают привыкать к темноте, я вижу обшарпанные стены под брошенными

строительными лесами, застывший на рельсах ржавый вагон ховер-поезда и полужасохшие лужи какой-то влаги на полу. Где-то рядом раздается рычание. Мало ли, что может обитать в заброшенных подземках нижних уровней столицы. Я активирую меч и еще раз пытаюсь осмотреться. Внезапно мой комлинк начинает фонить. Все прочие звуки заглушает его громкий треск и вой, но выключить его я не могу. Что это значит? Кто-то пытается связаться со мной, но не может? Дуку сказал, что будет ждать меня здесь, так куда же он делся? Я медленно поворачиваюсь и обнаруживаю, что кто-то бесшумно появился за моей спиной. Это не человек. Обмотанное грязным тряпьем тело, стальные штыри, вбитые в маску, скрывающую лицо, двулезвийный топор с крюком на рукояти в руках. «Тускен!», - спешу определить я и взмахиваю клинком. Я умерщвляю врага, даже не успев задуматься, откуда тускен мог взяться на Корусанте. Однако более детальное рассмотрение убитого противника показывает, что мое первое определение было не совсем верным. Маска на лице выглядит, как ржавый капкан, разорвавший рот существа, тряпки, обматывающие его шею и грудь, покрыты сухими и свежими потеками крови, а вместо рук у него блестящая бесформенная бугристая масса трупного коричневого цвета, приплавленная к гадерффаяу. Что же это может быть? Шуршащие шаги и глухое рычание слышится отовсюду – из темноты появляются новые «тускены». Безликие уроды, махая приросшими к конечностям гадерффаями, пытаются окружить меня. Я в ярости рублю их с плеча, как когда-то на Татуине, но за убитыми приходят новые. Они теснят меня к вагону, я заскакиваю в него – теперь они хотя бы не могут нападать одновременно группой. Но пока я продолжаю отбиваться, кто-то начинает ломиться в сломанную заевшую дверь между вагонами. Если оттуда придут еще твари, я не выстою один. И едва я успеваю подумать об этом, за спинами лезущих в ховер-поезд «тускенов» загорается чей-то красный клинок. Вглядевшись в темноту, я узнаю седого графа, назначившего мне встречу. Как он работает световым мечом, в свои-то годы! Восхищение едва не стоит мне пропущенного удара гадерффая, но я вовремя беру себя в руки. Покончив вместе с группой странных врагов, мы покидаем подземку до того, как что-то еще успеет вырваться из закрытых вагонов. Истошные вои и хрипы комлинка стихают.

- Ты все же передумал, - удовлетворенно усмехнувшись, произносит Дуку.

И тут меня словно осеняет! Он ведь хотел, чтобы я пришел сюда!

- Кого ты натравил на меня?! – требую объяснений я, приставив меч к его шее. Но ничто не дрогнуло в его уверенном надменном лице, словно передо мной было вовсе не лицо, а изваяние.

- Никого, - хладнокровно отвечает он, ни на миг не разрывая зрительного контакта со мной. - Я ведь и сам сражался с ними.

- С тускенами? – переспрашиваю я.

На лице графа, в одних его глазах, мелькает что-то загадочное, похожее на ликующую ухмылку:

- Так тебе они напоминают тускенов?

- Они напоминают мне монстров! – неожиданно для самого себя выдаю я мысль, только сейчас полностью оформившуюся в голове. - А тебе что, кого-то другого?

- Не... не важно, - как-то нетвердо и с паузой отрезает Дуку, словно передумал говорить что-то, что уже начал произносить. - Важно то, что ты убедился: нам есть, что обсудить.

Я убираю меч от чужого горла и деактивирую его. Как же поступить теперь? Не беседовать же прямо здесь, но вести ли тогда на базу этого невесть откуда взявшегося человека, который почему-то знает обо мне почти все, и при этом сам чего-то темнит? Но если он знает Дарта Мола... Точно! Связаться с учителем, спросить его. Я тут же пытаюсь вызвать Мола, но он не отвечает. Может, конечно, мой комлинк просто сдох, но у меня дурное предчувствие.

Мне кажется, что выбора у меня не остается. Если кругом начала твориться какая-то необъяснимая ересь, и этот Дуку может что-то знать, я должен его выслушать. Я принимаю решение позволить ему визит на нашу базу.

По дороге у меня начинает противно ныть голова, и меня знобит. Я уже думаю, что перепил сегодня в кантине, но выясняется, что дело вовсе не в этом. Чем ближе к базе, тем крепче сосущее под ложечкой чувство тревоги. Я первым вхожу в темное просторное помещение с экранами связи и компьютерными консолями и как вкопанный застываю на пороге.

- У меня проблемы, - сухим шепотом, не узнавая свой голос, говорю я.

Мой учитель мертв! Грубо, зверски и нелепо зарезан ножом. Исполосован, залит кровью, которой на стене выведена надпись: «*Дарт Вейдер*». Я знаю историю ситхов! Знаю всех, кто носил титул Дарт! Но не знаю никакого Вейдера!

Я чувствую резкую боль. Чем дольше я смотрю на кровавую надпись, тем сильнее раскалывается голова. И странный нож на полу возле мертвого тела... с тремя камнями на резной рукояти из куска кости или панциря, словно какой-то ритуальный атрибут. Все это какой-то сюр!

- Похоже, я знаю, что это за кинжал, - предполагает граф Дуку, глядя на оружие убийства. – Мол привез эту вещь с Коррибана. Она спасла ему жизнь и позволила совершить то, что он должен был сделать. В этом наши пути были несколько схожи. Возможно, он предчувствовал, что его ждет нечто плохое – судя по тому, как он выглядел во время нашей последней встречи, его жизнь после Коррибана тоже была далеко не безмятежной.

Я не нахожу в себе сил что-либо ему ответить. Да, я столько раз в последнее время говорил себе, что ненавижу Мола – и все равно я не был готов ни к чему такому. Дело даже не в том, что это я должен был убить учителя. В чем-то другом. Что-то пошло совсем не так, как надо, и этому ощущению у меня нет объяснений.

Дуку сбрасывает с широких плеч плащ из переливчатой армированной ткани и накрывает им изувеченное мертвое тело забрака. И все равно я не могу опомниться. Мне нужно выпить. Я достаю бутылку блоссомского вина с Набу – хуже все равно уже не будет, а я буду держать бокал протезной рукой, чтобы не пролить. Но я не притрагиваюсь к выпивке, вспомнив, что здесь сейчас присутствует еще один человек. Я оборачиваюсь и даже не успеваю предложить вино ему.

- Я не пью, - категорично заявляет Дуку.

- Ух ты, это прозвучало, как упрек, - теряюсь я, чувствуя на себе его взгляд.

- Это была констатация факта, но если ты расслышал в этом упрек, значит, в душе винишь себя, - тут же раскладывает он по полочкам все мои противоречивые чувства, задумчиво добавив напоследок: - И все равно пьешь.

- У меня нет с этим проблем... - спешу пояснить я, но граф останавливает меня:

- Заметь, и об этом я тоже ни слова не говорил.

Моя рука с бокалом опускается, когда я даже губами не коснулся напитка. Думаю, после такого разбора по косточкам кому угодно расхочется пить.

Я молча сажусь в кресло, пытаюсь настроиться на беседу, к которой я все равно не готов. Напротив меня сидит Дуку, и больше никого здесь не может быть, даже дроидов, но меня не хочет покидать навязчивое ощущение, что здесь присутствует кто-то третий. Нет, это даже не потому, что я вижу сапоги Мола, не прикрытые плащом графа. В прочем, черт с этим! Я сегодня определенно не в себе.

Дуку задумчиво вздыхает, видимо, определяя, с чего лучше начать. Я невольно нетерпеливо ерзаю в кресле. Тишина нервирует меня как никогда.

- Судя по тому, как ты меня встретил, Дарт Мол ничего не говорил обо мне, - начинает свой рассказ граф Серенно. – Может, дело в том, что я был джедаем, но определенно не только в этом. Я покинул Орден десятков лет назад и принял свой родовой титул. Это был не просто добровольный уход, как понимаешь, а переход на Темную Сторону. Со мной на связь вышел Дарт Сидиус, он был заинтересован моим видением политики в Галактике и идеей построения Империи Человека. Он предложил мне стать его учеником, но для этого я должен был найти и убить Мола...

- На Коррибана? – предполагаю я. Должна же быть причина, по которой мне является в кошмарах название именно этой мертвой планеты.

- Как ни странно, мы все оказались там случайно, - отвечает Дуку. Но почему не «мы оба»? Кто был там еще? Неужели...

- Все? – недоуменно вопрошаю я.

Граф кивает, непрерывно и строго глядя мне в глаза:

- Ты был там. Иногда ты явно видишь во снах или в мысленных видениях ту планету. Ее иную реальность. Ты знаешь о ее существовании.

Иную реальность? Так он хочет назвать все то странное, что виделось мне сегодня? Это какое-то уж слишком фантастическое объяснение. Собеседник наверняка видит неверие, написанное на моем лице, потому что решает предъявить мне доказательства.

- Мы оба – я и Мол – сражались с монстрами, подобными тем, которых сегодня увидел ты. И у каждого из нас остались свои шрамы, - он указывает на рубцы на своем лице и шее, а, отодвинув воротник, показывает, что такие же шрамы есть и на его груди. - Не помогла даже бакта. Как и ему. Иногда я видел то же, что и Мол, иногда

другое. Коррибан заставил меня многое переосмыслить. Именно тогда я и решил помочь Молу выйти живым.

Он на полном серьезе рассказывает о монстрах, о приходах Тьмы и о запертых в иной реальности душах, и по какой-то причине я чувствую, что не могу ему не верить. То ли это убедительность в уверенном лице и твердых словах графа, то ли события сегодняшнего дня не оставляют мне выбора. В какой-то момент из-за слишком большого потока информации и нестихающей головной боли я начинаю путаться в событиях и времени их происшествия – за историей двух воинов Темной Стороны открываются судьбы сотен. Дарт Бейн, Братство Тьмы, ритуалы Плэгаса, Сердце Коррибана... Что-то мне удастся понять, но остается и множество белых пятен, потому что Дуку далеко не всегда вдается в подробности. Его сообщение о том, что было после стычки с огромной группой монстров в Долине Темных Лордов, становится особенно скомканным:

- Мол рассказал, как уничтожил Сердце Коррибана. Я даже видел ожог на его ладони, в форме следа от рукояти того самого кинжала.

- Как именно он это сделал? – пытаюсь узнать я, но граф качает головой, словно у него нет ответа.

После паузы он возобновляет повествование. На сей раз речь о том, как встретивший на Коррибане свою смерть учитель Мола предпринимал попытки выбраться из своей тюрьмы. Конечно, и Дуку, и мой учитель не были заинтересованы дать любую, даже эфемерную возможность Сидиусу для освобождения. Но последний оказался упорным. Как и Тьма. Граф сообщает поразительную вещь: он провел десяток лет в сплошном кошмаре, происходившем прямо в его дворце! Жуткие сны, эфемерные видения, чужие отражения зеркалах... Если все это правда, то этот человек пережил все то, с чем сегодня я впервые так плотно столкнулся! И сходство наших переживаний точно не просто ход ради доверия – ведь я ему о пережитом не рассказывал!

- В итоге все в моем поместье выглядело так, словно я уже умер...

- подытоживает Дуку, и тут мне становится нехорошо, словно мои внутренности сжимаются.

- Из-за завешенных зеркал? – я всеми силами заставляю свой голос не дрожать. - Да, много где у людей сохранилась такая традиция. На Набу тоже...

Мои руки сжимаются в кулаки, напрягаются все мышцы тела. Держать себя в руках, не показывать эмоций! Так говорит одна часть моего сознания, когда вторая упорно и все громче повторяет: «Ее больше нет, ее больше нет, ее больше нет!». Каждое повторение – как мощный удар в темя.

- Ну так что, Эни, ты припоминаешь что-нибудь? – осведомляется Дуку – и я чуть не подпрыгиваю в кресле, услышав его голос. – Ты ведь тоже был там, - напоминает он еще раз.

Так меня давно никто не называл. Очень давно. Кажется, что-то слабо шевельнулось в подсознании, или как еще это назвать. Я пытаюсь напрячь свою память, потирая мокрый лоб твердыми пальцами протезной руки. Но это дохлый номер. Черный провал.

- И Дарт Мол не говорил ничего? – уточняет граф. – Что ж, может, он тебя берег...

В подобную версию невозможно поверить, когда речь идет о ситхах. Мы не знаем жалости. И все равно я спрашиваю:

- От чего?

- Твоя жизнь, - медленно говорит Дуку, выбирая слова, - представляет особую ценность. То, что делал Плэгас Мудрый, имеет самое прямое отношение к твоему рождению. Подробности здесь не имеют большого значения, но главное, чтобы ты знал: на Коррибане сейчас есть те, кому нужна твоя смерть. Но если вокруг тебя стали твориться необъяснимые и пугающие вещи, значит, туманная реальность тебя зовет.

«Не возвращайся на Коррибан!». Совпадение или знак от Силы? И учитель не просто так выпытывал все о моих кошмарах? Но почему он молчал?

Нет сомнений в том, что Дарт Мол знал о чем-то, что могло мне грозить. Связано ли с Коррибаном его доминирующее над всеми прочими делами стремление довести до конца создание своего голокрона? Здесь нечего гадать, нужно открыть его незавершенный носитель информации и узнать, над чем он работал!

Мне нужно спуститься вниз, в мастерскую Мола. Я встаю с кресла и замираю, открыв рот, понимая, что я должен что-то сказать графу Дуку, но я не знаю, что ему сказать. Он кивает, словно хочет показать, что ему не нужны мои объяснения, и я могу идти, но чувствую, что он не перестает следить за мною взглядом, отчего мне чертовски не по себе. Граф явно знает больше, чем рассказал. Знал и

Мол. Но что это за бессмысленная ересь, что они берегут меня? На меня давит чувство приниженности.

Спустившись в мастерскую, где, несмотря на то, что здесь постоянно кипела работа и велись опыты по совершенствованию темной механики, всегда царил порядок, я обнаруживаю все вещи и инструменты учителя нетронутыми. В центре комнаты на подставке стоит пирамидальный трехгранный носитель информации. Кто бы ни стоял за убийством Дарта Мола, его целью был не голокрон. На базе вообще не заметно следов проникновения, так неужели за убийством учителя стоит кто-то, кто был сюда вхож? Был ли кто-то такой, о ком не знаю я? И еще мне следовало бы держать под подозрением Дуку. Но если бы он был убийцей, неужели я не почувствовал бы ничего в Силе? Обычно в таких случаях мысли выдают человека достаточно ясно для меня.

Пока у меня нет ответов, все, что я могу решить – просмотреть содержимое голокрона здесь, в одиночку. Я подхожу к небольшой трехгранной пирамиде и окружаю ее ладонями, направив идущую сквозь меня Силу в центр. По граням голокрона пробегают крохотные молнии, он, испуская темно-красное свечение, поднимается в воздух на уровень моих плеч. Над вершиной пирамиды появляется трехмерный образ моего учителя. Он держит руки скрещенными на груди, черный капюшон плаща покрывает его рогатую голову, скрывая ожоги, его горящие желтые глаза смеряют меня взглядом. Объемный портрет хранителя голокрона выглядит таким настоящим, таким живым, что накатывает чувство ирреальности смерти Мола.

- Кто передо мной? – тихим, но сильным голосом вопрошает хранитель.

Я опускаю голову и делаю приветственный поклон:

- Энакин Скайуокер.

- Мой ученик, - произносит иллюзорный Мол, как будто ожидал встречи, и следующие его слова это только подтверждают: - Если моя смерть наступила не от твоей руки и связана с некими странными обстоятельствами, изучи в первую очередь раздел о Коррибане.

Граф Дуку был прав – учитель предчувствовал. Он готовился к чему-то нехорошему, что могло настигнуть его в любой момент, потому так спешил с завершением голокрона. Если бы я знал... Мог ли я что-то сделать?

Я выбираю указанный раздел и слушаю информацию о Коррибане:

- Сила этой планеты поглощает то, что мы таим в своих сердцах, и материализует наши заблуждения и фрагменты подсознания. Коррибан подстраивается под каждого, создавая лучший индивидуальный кошмар. Главное, что должен понимать ты, если когда-либо окажешься там – все это игры твоей психики. Не все, что ты увидишь, будет реально.

Его слова описывают те же явления, о которых несколько минут назад мне рассказал граф Дуку. Такое совпадение сведений из двух разных источников начинает меня напрягать. Почему от меня утаивали информацию о чем-то таком? Почему, если я должен был с этим столкнуться, меня не готовили?

- Монстры привлекает свет, также они реагируют на звук или на движение, - продолжает призрачный учитель свой «ускоренный курс». - Их реакции не зависят от наличия органов чувств. Большинство из них можно убить, но не всех. Иногда лучше не вступать в бой, а избегать столкновения, а если нужно, то и бежать, наступив на горло своей гордости.

А дальше пошли изображения уродливых разлагающихся тварей, которым он дал условные названия – «TD-D9», «Заключенный», «Джедай», «Сестра Ночи», «Черная Пирамида»... Их сопровождает описание возможного символического значения, сильных и слабых сторон, тактики противостояния угрозе. Я до сих пор не могу собраться и принять то, что это происходит наяву. И что все это имело реальное место в жизни Дарта Мола.

- То, что описал я, было отражением моего подсознания, - тем временем подводит он итог. - Для тебя, ученик, оно не повторится. Кроме черной фигуры в доспехах, которую я видел в кошмарах среди огня. Если ты попадешь на Коррибан, ты узнаешь, кто он. Ты поймешь, что единственный...

На этом все оборвалось. Он ведь так и не успел закончить голокрон. Ясно одно – Мол видел в кошмаре то же существо в доспехах, что и я, как раз перед тем, как Коррибан его позвал. Во мне крепчает предвосхищение беды.

Безмолвный, почти не видящий ничего перед собой, я возвращаюсь в комнату, где беседовал с графом. Он все так же сидит за столом и тоже ничего не говорит. Похоже, за мной теперь решение, что предпринимать, но я совершенно не готов его вынести.

- Я не пойму одного, - говорю я сам себе с растущим возмущением сложившейся ситуацией, - мне теперь что, нужно тихо сидеть на Корусанте и не высовываться без надобности?

- Прятаться от Коррибана? – Дуку безрадостно усмехается. - Это невозможно.

Мне стоило бы обернуться, но я не могу. Хочется увильнуть от разговора, уйти, но это мне не поможет. Как бы я ни представлял себе избавление... Такое чувство, что мой собеседник знает, как в своих мыслях я уже сломя голову бегу подальше отсюда.

- Тебя он выбрал, - чеканя слова, повторяет граф, - и ты окажешься там, даже если не захочешь этого. Так не лучше ли идти подготовленным и не ждать милости от судьбы? Я предлагаю отправиться на Коррибан и положить всему конец. Желательно, без лишних промедлений, если, разумеется, ты готов.

- Возможно, ты прав, - приходится согласиться мне в отсутствии аргументов против его заключения, но заявление о моей неготовности, пусть оно отчасти и правдиво, задевает мою гордость: - Но я справлюсь сам!

В ответ Дуку вновь сухо смеется:

- Чувствуется влияние Дарта Мола. Кстати, неужели у тебя нет никаких вопросов насчет его смерти? Я единственный, кому известно то, что было известно ему, смею напомнить.

Железно неоспоримая правота. Ну, это ладно. Есть и более впечатляющие вещи. В голове не укладывается, что граф Дуку собирается на Коррибан в третий раз! Из чего, чтоб его черти взяли, сделан этот несокрушимый мужик?

Что ж, раз уж решение принято, нужно собраться, сразу взять с собой то, что может понадобится. Вода, вибронож, аптечка... Даже если бакта не помогает при ранениях, полученных там, хотя бы обезболивающее стоит носить при себе. Что особенно важно, там нужно иметь оружие помимо светового, и бластерное тоже нежелательно. Я решаю взять жабоку учителя – традиционный забракский двухклинковый меч, который можно разделить на два. Это подходит мне, мастеру Джар'Кай и Джуйо. Но все же для перестраховки необходимо еще оружие дальнего боя... Нет, я не возьму тускенскую винтовку, даже несмотря на то, что ее магазин больше, чем у пулевого оружия дресселиан. К тому же дресселианские винтовки славятся дальностью стрельбы, так что у

меня есть альтернативный аргумент. Не могу только понять, перед кем собрался оправдываться.

Пока я проверяю оружие, приходит идея также взять с собой кинжал, оборвавший жизнь моего учителя. Если уж эта вещь привезена с Коррибана, может, там она поможет мне понять что-то касательно смерти лорда ситхов. И пока я рассуждаю об этом, меня посещает еще одна мысль:

- Мола было бы уместно похоронить в Долине Темных Лордов. Если будет возможность...

Я озвучиваю это, и в помещении повисает звенящая тишина. Я смотрю на лицо Дуку, надеясь на согласие, но ожидая неодобрение, однако не вижу ни того, ни другого, лишь глубокую напряженную задумчивость.

- Трудно будет поверить, что человек моего статуса может сказать такое, - вздохнув, неспешно произносит он, - но, знаешь ли, всю жизнь я искал свой дом. Люди говорят разные вещи о том, где настоящий дом – там, где ты родился, или там, где, увидев тебя на пороге, тебе всегда откроют дверь... Сейчас я могу сказать вот что: дом – он там, где хочешь быть погребенным.

- Так что, Коррибан – дом всех истинных ситхов? – не вполне понимаю я ход его мыслей.

Граф пожимает плечами:

- Ответишь, когда побываешь там.

Такое чувство, словно меня испытывают. Только на что? На выдержку? Я терпеть не могу подобную недосказанность, и лучшим решением станет больше не задавать ему вопросов.

Мой новый союзник помогает мне перенести тело учителя на борт ситхского звездолета. Я сажусь в пилотское кресло. Это место мое, как ни одно другое, в полетах я всегда был совершенно уверенным, совершенно свободным, был абсолютно собой. Но сейчас, вводя координаты, я чувствую нечто необъяснимое, словно не мои пальцы касаются панели управления, задавая курс. Я будто не имею полной власти над «Ситхским Лазутчиком». Может, дело в том, что я вспомнил, что это по факту не мой личный корабль. Нет, он принадлежал Молу, и на нем лорд ситхов уже посещал Коррибан.

Я встряхиваю головой, пытаюсь выкинуть из нее все чуждые мысли и ощущения. Влажные волосы снова цепляются к лицу. Я чувствую себя грязным.

Звездолет движется среди холодной темноты и вскоре входит в гиперпрыжок. У меня вновь появляется нехорошее предчувствие. Мне кажется, я начинаю ощущать зов мертвой планеты, во мне просыпается нетерпение до дрожи в напряженных конечностях. Сила словно окутывает меня, мягко толкая вперед, а потом внезапно, в один момент все чувства меркнут, и я будто остаюсь голым. Сила покинула меня. Об этом меня предупреждали, но я не думал, что отрезанность почувствуется столь болезненно. Сила была со мной всегда, словно была мной самим, и без нее остается пугающая пустота.

Мы выходим из гиперпрыжка так резко, словно это происходит не под моим управлением. Планета красноватого, глинистого цвета ждет впереди, и я всматриваюсь в нее, пытаюсь заметить хоть что-то странное, ненормальное, но не нахожу ничего. Это просто планета, покрытая горами и пустынями, подобная многим другим. Чертовски хочется верить, что все обстоит именно так.

Пока я захожу на посадку, туман с мгновение ока собирается над рыжей почвой, и на посадочной станции в Дрешде нас встречает уже нулевая видимость. Мы выходим из звездолета и ступаем на землю, присыпанную пеплом. Полная тишина, сковывающая, кладбищенская, царит здесь, и даже заговорить я поначалу не решаюсь. Осматриваюсь, но мне не удастся различить ничего вокруг, кроме разве что силуэтов пары низких зданий неподалеку – должно быть, части заправочного комплекса. Вдруг я замечаю черную надпись на корпусе «Ситхского Лазутчика». Я переглядываюсь с графом – он кивает мне. Нет, ее здесь не было, когда мы отбыли с Корусанта. Но, видимо, на Коррибане подобные явления в порядке вещей.

«Я тот, кого не касался Получатель Мудрости. Страж Тишины, чтобы подготовиться к Избранному, разрезал мое тело на пять частей.

Твое прошлое – жар.

Твое настоящее – стыд.

Твое будущее – ошибка.

Твоя ложь – беспаямство.

Твоя истина – могила.

Когда мое тело станет опять единым, кубок, наполненный белейшим из вин, и кровавый нож должны быть готовы».

Так гласит появившаяся надпись, и я ничего в ней не могу понять. А ниже изображен небольшой черный треугольник.

- Мне... нужна помощь, - решаюсь произнести я нетвердым шепотом.

Дуку подходит ко мне и, приглаживая пальцами бороду, читает текст еще раз.

- Получатель Мудрости – это я, - сообщает он. – Так распорядился Коррибан. Если речь о вещи, которую я не держал в руках, но о существовании которой прекрасно знал, и которая имела важное знание в происходящем, то такая была лишь одна – голокрон Дарта Плэгаса. Мол говорил, что заботился о том, чтобы никто не получил то, что не должен, и потому избавился от этого носителя информации. Тебя устоит такое объяснение?

Он называет это объяснением? Ясности почти не прибавилось.

- А все остальное? – вынужден ответить я вопросом на вопрос.

Граф качает головой:

- Это твой поиск истины, Скайуокер, тебе это выяснять. Я только берег, от которого ты можешь оттолкнуться, а уж доплывешь до другого или нет, зависит только от тебя.

Как мне понимать это? Просто упрямство, потому что он и Мол вынуждены были разбираться во всем с абсолютного нуля, а я, выходит, прошу преподнести мне все на подносе? Или хорошо завуалированное отсутствие ответа как такового?

- Ты не знаешь или просто не хочешь мне говорить? – резко требую я объяснения, но Дуку идет в контратаку:

- А ты о Коррибане забыл или не хочешь помнить?

Станный вопрос – разве есть какая-то разница? Но я не успеваю ничего ответить, когда граф добавляет:

- Иди за мной! – и жестом приглашает меня следовать мимо заправочного пункта в город.

Дрежде выглядит достаточно нетипично как для города, опустошенного тысячелетие назад. Серые постройки заметно обветшали, местами полностью разрушилось больше половины здания, но разбитые, оголившиеся, покрытые трещинами стены скрыты за строительными лесами. Старые, проржавевшие металлоконструкции уходят ввысь в низко нависший туман.

- Куда мы направляемся? – интересуюсь я.

- Туда, где все началось для нас, - отвечает Дуку, не сбавляя уверенного шага. - Может, что-то всплывет в памяти.

Свинцовое обложное небо на горизонте становится ржаво-красным, а затем начинает стремительно темнеть. И когда мрак падает на постройки за лесами, с их стен слущивается покрытие, на голом сером дюракрите проступает ржавчина. Наступает Тьма. Но и когда полоса алого мрака доползает до нас, граф не замедляет темпа ходьбы. Мы уходим с главной дороги в переулок, где ничего нельзя различить в темноте. Мне кажется, на Коррибане нет смысла использовать фонари – свет в любом случае привлекает порожденных им тварей, а в таком случае лучше сразу держать в руках оружие. Я активирую световой меч. Впереди среди металлоконструкций ничего не видно, но под ногами на дороге различимы пятна зеленой жидкости.

- Пойдем иным путем, - решает Дуку, но я не соглашаюсь с ним.

Подав ему знак рукой, я не спеша тихо двигаюсь вперед, по следу зеленых капель, которых становится все больше. Я дохожу до расплывшейся лужи зеленой жидкости около сетки забора. Что-то продолжает капать на землю, откуда-то сверху. Я медленно поднимаю голову, держа перед собой клинок, служащий источником света, и внезапно вздрагиваю. На меня смотрит голова неймодианца! Именно голова, потому что практически ничего не осталось от остального расчлененного тела, развернутого и разобранного на фрагменты, висящие на растянутой по забору и над ним колючей проволоки. Все вокруг забрызгано зеленой кровью. И все равно на миг мне показалось, что на стеклянных глазах освежеванного неймодианца вздрогнули мигательные перепонки.

Я по неподдающим логике причинам не могу оторвать взгляд от шокирующего своей жутью и омерзительностью зрелища. Вдруг кто-то касается моей ноги, и я едва не вскрикиваю. Резко обернувшись, я вижу серый скрюченный комок плоти у своих ног, который, медленно разворачиваясь, поднимает на меня желтые глаза и тянет ко мне тонкие деформированные конечности. Когда бледное существо запрокидывает назад крупную раздутую голову, изуродованную скоплениями черных струпьев, оно едва достает мне до пояса, но почему-то уродец маленького роста вызывает у меня усиление тревоги. Пытаясь схватиться за меня тощими кривыми руками, дергая кривой раздувшейся головой, он издает такой громкий высокий крик, словно ребенок, зашедшийся истерическим плачем. Я взмахиваю клинком, разрубив тварь пополам, но алый свет выхватывает из мрака темные силуэты еще целой оравы таких низкорослых

монстров. Они обступают меня, хватаются цепкими искривленными пальцами за накидку и сапоги и оглушительно вопят. И пока я пытаюсь расправиться с ними, они едва не валят меня с ног. Упав на одно колено, стиснув зубы от головной боли, которую усилил их визгливый ор, я наугад тычу клинком в синюшно-серую массу их уродливых тел. Я практически ничего не вижу и не чувствую, когда истошные крики, наконец, стихают. Поднявшись на ноги, я ловлю себя на мысли обернуться назад, но, вовремя вспомнив, что там видел, сдерживаю себя. И все равно мне не по себе, словно чей-то взгляд сверлит мою спину, когда я ухожу прочь от забора, на котором распят расчлененный неймодианец. Граф Дуку стоит в темноте и молча наблюдает за мной. Я очень хотел бы узнать, видел ли он в точности все то же, что и я, но еще больше – почему иная реальность выкинула против меня именно таких низкорослых тварей.

- Это что, призраки убитых мной юнлингов преследуют меня? – шепчу я, словно говорю это только самому себе.

- Это тебе виднее, Скайуокер, - невозмутимо изрекает граф.

Я все понимаю... кроме его неуместного спокойствия! Это неправильно, чертовски неправильно, будь оно неладно!

- Но ты же видел их тоже! – срываюсь я.

- Реальности могут пересекаться, наслаиваться друг на друга, - отвечает он, не меняясь в лице. - Странно, что у тебя такая слабая память в столь юном возрасте – что же ты будешь делать, дожив до моих лет?

Я опускаю голову, в горечи кусая губы.

- Я бы умер молодым.

Дуку вздыхает. Его лицо красноречивее любых слов говорит о том, какой глупостью он считает мой ответ. Наверняка от молодых он слышал нечто подобное сотни раз и ему не очень-то интересно, почему я тоже сказал так. А ведь у меня есть причина. Но правильно сейчас будет молчать о ней и просто следовать за графом. Пока я еще могу верить, что он знает, куда идет.

Вскоре мы подходим к одноэтажной постройке. Это некогда была забегаловка – я вижу несколько столов через мутные битые окна. Большая часть стекол заколочена досками или заклеена бумагой. Поверх широких плоских досок и клочьев старой бумаги сделана неаккуратная надпись красной краской: *«Здесь была дыра. Но ее больше нет»*.

Не желая дольше оставаться на темных улицах, я спешу открыть двери и войти в помещение. На затянутой грязной и пыльной пленкой барной стойке я нахожу листовку какой-то другой кантины. На ней изображен неймодианец, держащий в руках бутылку неизвестного мне напитка. *«Грошик угощает кортигским бренди! Хотя бы раз в жизни Вы обязаны попробовать, что пьют вуки!»*. Я ощущаю странное дежавю. Да, если быть честным, в последнее время я часто прикладывался к стакану, но упомянутого бренди не пил никогда. Откуда же мне знакомо что-то такое?

- Тьфу, ты! И здесь неймодианец... - с долей отвращения произносит Дуку, взглянув на мою находку. – Никчемная раса. Напыщенные, жадные, гордые собой, они уверены, что имеют власть, а по факту... жалкие. Пустые. Глупые. Все могут использовать их, как хотят... У тебя нет никаких воспоминаний, связанных с ними?

- Нет, я никогда их не встречал, - если, конечно, не считать труп на заборе, но эту мысль я уже не озвучиваю, продолжая осмотр помещения.

На столах разложены притрушенные пылью карты для сабакка. Над дальними столами висит старый поблекший плакат. Подойдя к стене, я вижу, что на нем изображена целующаяся пара. Но почему сперва мне показалось, что это Дарт Бейн целует мою мать?

В моих мыслях что-то шевелится, словно проснувшийся зверь скребет когтями стену, пытаюсь выбраться. Я что-то припоминаю. Я знаю это место. Здесь было что-то еще. Я подхожу к старому музыкальному автомату, который нет надежды включить, но все же касаюсь пальцами панели управления и, к своему удивлению, слышу скрипучую старую запись:

*Увидимся на Темной Стороне,
Мы увидимся на Темной Стороне...*

Я точно слышал эту мелодию раньше! И видел потухшую вывеску на стене за барной стойкой. Она гласила то же самое?

- «Пьяная сторона», - читаю я нетвердым от неясного волнения голосом. - Ирония?

- Нет, кантина действительно носит это название уже тысячу лет, - сообщает Дуку. - Ты вспоминаешь?

Он указывает пальцем в конец барной стойки, где под стенкой стоит старинная бутылка вина.

- Я не всегда решительно отказывался от спиртного – прежде я ценил хорошие вина, - добавляет граф, словно хочет подтолкнуть

меня к некому осознанию. И почему мне вновь кажется, что его слова - укор мне за мою слабость?

- Я не хочу говорить о спиртном! – восклицаю я, раздраженно толкнув бутылку рукой.

Темное зеленоватое стекло разбивается о пол, покрыв его бордовыми брызгами. Какой-то предмет поблескивает среди осколков в луже красного вина. Подойдя и присев на корточки, я вижу небольшую черную пирамидку, на треугольном основании которой выгравирована мелкая золотая надпись: *«Настоящее»*. Теперь я вспомнил, но не далекое прошлое, а слова, появившиеся на корпусе ситхского звездолета.

- Это действительно голокрон, - осознаю я. - Кто-то разделил его.

- Кто же? – хмыкнув, бросает граф.

Иногда мне кажется, что он надо мной откровенно смеется. Как будто я пацан, не понимающий каких-то элементарных вещей. В другие моменты мне кажется, что Дуку играет заодно с Коррибаном. Некий его дипломатический представитель, возможно, самопровозглашенный. Почему именно мне оказана честь быть на этой планете в такой компании?

- Какого черта ты всегда говоришь долбаными загадками? – потеряв остатки самообладания, огрызаюсь я.

- Берегу твою гордость, - отвечает граф Серенно. - Ты вообще надеялся справиться сам, если ты не забыл еще и это.

Я в бешенстве. А он, похоже, в мыслях празднует свою победу. Верно, он умеет ударить в больное место не хуже, чем Коррибан.

- Ты не сможешь признаться, что тебе нужна помощь, - продолжает Дуку с той же твердой уверенностью в голосе. - Не удивительно. Так что это только лишь моя личная заинтересованность скорее разобраться в происходящем. Бутылки хранились в подвале. Ты спускался туда за ними.

- Нужно проверить, что еще есть там сейчас, - несколько успокоившись, заканчиваю я фразу за него.

Признаваться в необходимости помощи – расписываться в своей слабости. Это непозволительно для ситха. И если мне известно, что из-за боли свежей душевной раны я не вполне способен проявлять рассудительность, знать об этом должен только я. Пора взять себя в руки!

Спуск в подвал завален всяким металлическим хламом. Расчищая себе проход, я пытаюсь понять, как ржавые запчасти различной

техники могли оказаться в кантине. Не думаю, что здесь кто-то приторговывал таким старьем. Что-то шумит внизу – кажется, там работает какой-то механизм, что, впрочем, не значит, что ничто живое или полуживое не могло притаиться там. Отворив дверь подвального помещения, я застываю как вкопанный на пороге. Шум оказывается ритмичным хлопанием крыльев тойдарианца. Хорошо знакомого мне грязного тойдарианца. Проходимец Уотто, каким-то образом оказавшийся здесь, разместил в подвале свою лавку. Правда, все, что он мог продавать, имеет ныне совершенно нетоварный вид – проржавевшие механизмы и инструменты валяются среди сырой пыли, некоторые из них завернуты в пленку, но и упаковка не помогла их сохранить.

- Какого черта? – недоумеваю я, увидев старого знакомого.

Уотто пялится на меня помутневшими воспаленными глазами:

- У меня есть то, за что ты выложишь любую сумму, Эни! – восклицает он, паря над чем-то, что лежит на железном столе под куском грязной ткани.

Руки тойдарианца трясутся от напряжения, вязкая слюна ползет от угла рта по рыжей щетине на него подбородке. Он срывает покров – и я вижу на столе изувеченное тело моей матери! Непроизвольно я вцепляюсь пальцами в свои взмокшие волосы. Старые раны вскрываются. Но ведь тускены убили ее... несколько лет назад!

- Ты должен, должен, должен дать мне деньги! – как одержимый, бормочет Уотто, его нездоровые глаза блестят.

- За что?! – кричу я в отчаянии.

- Оставь. Уходи, - слышу я голос графа за спиной.

Но я не могу пошевелиться. Я смотрю на окровавленное тело матери. Похоже, я схожу с ума, а тойдарианская мразь мерзко смеется, пустив очередную слюну на невымытый подбородок:

- За все в жизни нужно платить, Эни! Никаких исключений! Есть только ситуации, в которых неуместен торг. И смерть – главная из них!

Я чувствую, как ярость вскипает во мне, подогретая старой болью.

- Просто уходи отсюда! – настойчиво советует Дуку, но я едва его слышу, словно голос звучит откуда-то издалека, из-за нескольких каменных стен. Ему не достучаться до меня.

Я снимаю с плеча дресселианскую винтовку. Уотто продолжает фанатично требовать деньги, даже когда я передергиваю затвор. Он

не видит опасности. Я одним выстрелом пристреливаю его, для верности тут же выстрелив еще раз, когда короткое толстое тело рухнуло на пол, и лишь тогда в мои мысли возвращается ясность. Я смотрю на графа, невольно признаваясь себе в том, что ищу в этом нестигаемом мужественном человеке некую моральную поддержку, но вижу в его темных глазах лишь разочарование.

- Какая была в том необходимость? – ставит мне вопрос Дуку. - Ты думаешь, тойдарианец с Татуина в действительности прибыл бы сюда? Ты совсем забыл о том, что не все, что ты здесь увидишь, будет реальным?

Я не забыл. Но и не смог вовремя вспомнить. Отпираться тут уже нечего.

- Хорошо, - отвечаю я. - Что это значит?

- То, что ты не умеешь принимать смерть как естественную часть жизни, - слова графа Дуку выводят меня из себя.

- Моя жена умерла буквально вчера! – вновь срываюсь я на крик. - Я не могу!

- Будь сильнее своих страстей! – мой прежде невозмутимый союзник вынужден также повысить голос. Наверняка его нервирует то, что я не могу его понять. Но ведь и он не понимает меня!

- Никто не может быть сильнее смерти!

Дуку чуть склоняет голову набок – едва уловимый жест несогласия.

- А Дарт Плэгас Мудрый? – звучит его сдержанный риторический вопрос.

Мне приходится задуматься, но и в раздумьях я беспокоен. Что за знания открыл Плэгас! Как можно было избавиться от его голокрона? Что может оправдать такое кощунство? Я нашел часть. Но где искать остальные? Найду ли я их вообще? Проклятье. Лучше бы Уотто предлагал, чем промочить горло – за это я бы сейчас выложился.

Звуки наверху прерывают ход моих буйных мыслей. Звучавшая там все это время музыка превращается в помехи, в стонущий и скрипящий шум. Похожие звуки издавал мой неисправный комлинк. Обменявшись настороженными взглядами, мы тихо поднимаемся в зал кантины. Не торопясь заходить, я медленно приоткрываю дверь и заглядываю внутрь. За барной стойкой что-то происходит. Там стоит кто-то, крупный и высокий, весь в черном, а перед ним дергается, словно в конвульсиях, нечто трупного цвета. Постепенно я бесшумно распахиваю дверь полностью, и мы пытаемся тихо приблизиться на

достаточное расстояние, чтобы рассмотреть происходящее, но при этом остаться под покровом тени.

- Теперь я понимаю, о чем он говорил... - шепотом произносит Дуку.

Вглядевшись лучше, я осознаю, что перед нами существо в шлеме и доспехах, которое я видел в кошмаре стоящим в круге пламени! Черный опаленный монстр терзает другое чудовище, представляющее собой две сросшиеся нижние половины женских тел. Он прижимает этот нелепый силуэт к стойке. Я так и не пойму, что делает монстр, но ассоциации, возникающие у меня, неприятные и даже постыдные.

Я чувствую, что нам лучше убраться отсюда. Мы едва начинаем медленно отходить, когда черный монстр резко разворачивается и замахивается тонким длинным мечом из раскаленной добела стали. Дуку первым активирует световой меч и парирует удар, пока я передергиваю затвор винтовки и прицеливаюсь. Монстр в тяжелых доспехах никак не реагирует на выстрел, хотя я точно попал в незащищенный участок обугленной кожи. Если не всех существ Коррибана можно убить, то, кажется, огромная тварь в шлеме как раз из разряда неуязвимых. Все же я собираюсь выстрелить снова, но граф Серенно отталкивает меня назад. Он прикрывает мое отступление, сражаясь в одиночку с обгоревшей тварью. Я выбегаю за дверь и, стоя у стены, поглядываю на то, что происходит в зале кантины. Проклятый монстр сыплет удары так, словно обучен владению мечом! Он долго теснит Дуку к дверному проему, и в последний момент, уже переступив порог, тот падает навзничь. Я быстро захлопываю дверь и, приложив все силы, запираю старый заедающий замок. И только оказавшись в безопасности, я вижу, что существо отрубило моему союзнику кисти обеих рук!

Боль приходит к нему не сразу. Я вижу, как искажается лицо графа, как трудно ему становится не кричать. Тем не менее, он держит себя в руках, не издавая ни звука, только хрипло часто дыша. Внезапно дверь сотрясается, словно кто-то по другую сторону дернул ее на себя, пытаясь открыть. Монстр намерен продолжить преследование.

Пока я пребываю в ошеломленном состоянии, Дуку, опершись на локоть, встает на ноги. Он припадает спиной к стене и ничего не говорит. А черное закопченное нечто продолжает дергать дверь с другой стороны. Дуку со вздохом кивает в сторону, указывая на что-

то. У двери лежит отключенный меч графа. Я, наконец, беру себя в руки и подбираю с пола оружие с элегантной изогнутой рукоятью.

Выход из кантины был лишь один – через зал. Что делать, если оставаться здесь дольше нельзя? Есть еще одна дверь на лестничном пролете, ведущая, вероятнее всего, в уборную. Подойдя к ней, я слышу рычаще-булькающие звуки, которые наводят на не лучшие ассоциации. Но, может, затаившуюся там тварь будет проще одолеть – и тогда у нас будет укрытие. Я отворяю дверь ударом ноги, ожидая увидеть за ней очередное чудовище. Но вижу лишь неймодианца, которого рвет. Он дергается всем телом от звука удара но, увидев меня, уже не спешит паниковать. Облокотившись на край грязного унитаза, дрожа, как в ознобе, неймодианец ждет моих дальнейших действий, вперив в меня полный тревоги взгляд.

- Кто ты? – задаю я закономерный вопрос.

- Рун Хаако, - дрожащим голосом едва может ответить он, когда у него от озноба не попадает зуб на зуб. - Ганрей... притащил меня сюда, будь он проклят...

Значит, сюда прибыли высшие представители Торговой Федерации? Зачем? И что здесь с ними случилось?

- Это Ганрея растянули на заборе? – предполагаю я, вспомнив про увиденный в переулке труп. - Кто это сделал?

Руна снова выворачивает.

- Нье надо об этом, - просит он, сплевывая излишки слюны с остатками вырванной пищи.

Очевидно, мое предположение верно – наместник был убит столь жестоким и омерзительным способом. Но какое дело могло вообще привести этих трусливых существ на столь опасную даже по одним лишь слухам планету? Нет никаких предположений.

Тяжелое дыхание неймодианца и непрекращающиеся попытки черного монстра открыть дверь не позволяют мне услышать звук шагов графа Дуку, и я не сразу замечаю, что он стоит возле меня. Пот блестит на его напряженном лице, но лишь по этому признаку никто не смог бы догадаться, что он ранен, настолько он способен терпеть боль. Я знаю, какая это боль, когда тебе отсекают конечность! И я поражен и озадачен.

- Я прислал их сюда, - неожиданно сознается Дуку, кивнув в сторону Хаако.

Рун вскидывает голову в неоднозначном выражении.

- Ах, ты! – восклицает он, в голосе его гнев смешивается с трепетом, отчаяние с надеждой на спасение. - Ты сказал нам привезти оружие, чтобы зачистить местность, но не сказал, от чего!

Что ж, граф готовился к возвращению на Коррибан куда основательнее меня. Естественно, что уже знакомый с планетой человек перестраховывался, пытаясь учесть различные возможности и варианты событий. Правда, не все идет по плану, но и это не пошатнуло его хладнокровия.

- Для меня полнейшая неожиданность, что вы сами решили сопровождать груз, - совершенно спокойно говорит Дуку. – Откуда же вдруг такая смелость?

Рун Хаако опускает голову, видимо, изображая покорность и стыд за свою дерзость:

- Потому что такие люди, как Вы, не обращаются из-за мелочи. И я убедился...

- Так вы привезли оружие? – перебивает его граф строгим вопросом.

- Нет... ни оружия, ни корабля нет! – дрожь возвращается в запинающуюся речь неймодианца. – Мы планировали сопровождать до орбиты, без посадки, но высадка десантных барж не успела начаться, когда... Я не знаю, что...

Стоя на коленях, опустив взгляд, он разводит руками. Ясное дело, он не может объяснить ничего насчет того, что здесь случилось. Видимо, совершилась аварийная посадка спасательной капсулы погибшего грузового корабля.

- Вставай, нам нельзя здесь оставаться, - вмешиваюсь я, прикрикнув на Руна.

Хаако медленно поднимается на ноги, его по-прежнему трясет и пошатывает. Когда он все же встает, подобрав испачканные полы бархатистой мантии, я вижу за ним у стены клетку с пилат-птицей. Я, конечно, слышал, что эти хохлатые певчие птицы – символ богатства и статуса в неймодианском обществе, но насколько же абсурден тот факт, что, эвакуируясь, Рун взял с собой клетку.

- Очень любишь свою птичку? – не удерживаюсь я от комментария.

- Это странно... - смутившись, отвечает Хаако, - но он оказался полезным. Пилат, кажется, предчувствовал, что плохое должно

случиться. И здесь он первый чувствует, когда начинается... как объяснить?

- Когда наступает Тьма, - помогает ему с разъяснением Дуку.

Я смотрю на пилат-птицу. Она спокойно сидит в клетке, не издавая ни звука. Неймодианец, очевидно, замечает, куда направлен мой взгляд:

- Он спокоен, да. Тогда мы можем уйти. Там есть пролом в стене.

- Тогда подбирай свою клетку и веди нас, - распоряжаюсь я, и Рункивает, соглашаясь показать путь.

Если пройти мимо разбитых умывальников и незакрытых кабинок к маленькому отгороженному помещению, служившему, по всей видимости, подсобкой, можно увидеть разрушенную стену. Когда-то в уборной было окно, но сейчас оно закрыто досками. И только сейчас, проходя мимо, я заметил, что грязные тряпки скрывают все позеленевшие зеркала. Что ж, может, оно и к лучшему.

Узкий проулок между кантиной и другими строениями остается темным, за углом едва видно, что улицы Дрежде вновь укрыты туманом. Мы уходим в ближайшее здание, фактически примыкающее к кантине. Его дверь оказывается незапертой. Темно-красные тусклые стены помещения, в которое мы вошли, испещрены дырами, возможно, от бластерного или иного оружия. В комнате есть пара шатающихся стульев, перевернутый стол и рассыпанные по полу бумаги, столь старые и грязные, что их невозможно прочитать. Раздвижная дверь в соседнее помещение наполовину выломана, но теперь она заржавела и больше не сдвигается с места. Я заглядываю в щель, образованную отогнувшимся металлом, и едва различаю в темноте, что там стоит каменная плита с неким древним барельефом. Сквозь пыль и завесу паутины различить изображение очень трудно. Я активирую меч, чтобы лучше его рассмотреть, и увиденное заставляет меня отпрянуть назад. Каменный барельеф схематично изображает черного монстра в шлеме, похожем на череп!

- Каковы будут наши дальнейшие действия? – начинаю говорить я, пытаюсь скрыть свою взволнованность.

- Твои действия, - уточняет граф, устало садясь на стул возле стены. – Дальше ты пойдешь искать ответы в одиночку. Разумеется, если не захочешь потащить с собой Хаако, но я бы настоятельно не рекомендовал.

- Я думал, будет лучше не оставлять тебя в одиночестве, - полагаю я, но Дуку резко возражает:

- Ты не унижай меня своей заботой. Может, у тебя, конечно, благие намерения, но, знаешь ли, даже в этом случае от неймодианца никакого толку. Ему помощь понадобится быстрее, а это уж избавьте...

Услышав его слова, Рун меняется в лице.

- Ты думаешь, я ни на что не годьен?! – восклицает он, явно задетый таким пренебрежением. – Мнье что, доказать тебе, чертов ксьенофоб?!

Граф устало усмехается, совершенно безразличный к чужому уязвленному самолюбию. Хаако вновь начинает дрожать, но это уже не просто дрожь страха. Боязливость в нем соседствует с напряжением и гневом. Он готовится к некому решительному действию, осторожно ставя клетку с пилат-птицей на пол. Рун прячет ладонь под толстые складки темной мантии, а потом выхватывает вибронож.

- Знаешь, на что я способьен?! – выкрикивает неймодианец, угрожая так оскорбившему его Дуку. - Я зарьежу тебя, ксьенофоб! Я смогу! Так же, как я выпустил кишки этому тупому нытыку Ганрею!

Я открываю рот, но у меня нет слов. Такого поворота я не ожидал никак. На лице графа тоже появляется тень удивления. Не исключено, что Рун терпеть не мог того, с кем вынужден был работать, страдал от того, что приходится подчиняться столь гнилой личности, притом, что у него были свои амбиции. Но чтобы все могло пойти так далеко, чтобы для Хаако актом самоутверждения стало убийство Ганрея! Такого никто не мог ожидать, я уверен.

- Я видьел его истьинную суть, - оскалив неровные зубы, произносит Рун. – Такую омьерзительную, разросшуюся, как раковая опухоль! Но отвратительнее было то, что я увидьел, когда его вскрыл! Сколько было в нем дьерьма!

Его слова, отдающие безумием, несколько проясняют картину. Без вмешательства сил Коррибана не обошлось, но все же такая запредельная жестокость! Что сидело в нем все это время и вылезло лишь сейчас и здесь!

- Тут я с тобой согласен, - ехидно улыбаясь, отвечает Дуку. - Меня смущает лишь то, что это говорит неймодианец.

Хрипящий от напряжения, покрывшийся пятнами Рун заносит вибронож, но я успеваю выстрелить ему в плечо.

- Ксьенофоб... - сквозь зубы цедит он, выронив нож, а я стреляю второй раз, в живот, после чего он падает. И уже тогда я приканчиваю безумца выстрелом в голову.

Граф смотрит на меня с укором. Да и ко мне приходит осознание, как бездарно я потратил заряды. Уже давно пора было собраться и действовать с умом! Тем более что дальше я буду идти в одиночестве, оставив здесь раненого союзника. Сейчас я ничем не могу помочь Дуку, кроме как пожертвовать ему предназначенное для себя обезболивающее. Он, разумеется, прекрасно держится и без него, но и его выдержка не безгранична. Однако куда хуже его мучений то, что он теперь практически беспомощен.

- Отвести тебя к звездолету? – предлагаю я.

- Нет необходимости, - отказывается граф.

- Но руки...

- Успокойся, - отрезает он. - Мне ничего не угрожает – Коррибану от меня больше ничего не нужно! Оставь себе мой меч – мне ведь он больше не понадобится. И еще поверь карманы моих брюк.

Решительно никогда я не видел такой стойкости. Даже если бы я был уверен, что здесь ничто не угрожает мне, все равно не рискнул бы остаться один, без оружия, потеряв даже руки! Я покоряюсь решению волевого человека, молча выполняя то, что он сказал – забираю все, что есть в его карманах. Первой мне в руки попадает сложенная бумажная карта города Дрежде и близлежащих окраин.

- Я нашел ее здесь во время первого визита, - поясняет Дуку, - там есть пометки, которые могут пригодиться.

Но кроме карты он взял с собой еще кое-что.

- «Белый экстракт»? – недоуменно произношу я, рассматривая какую-то мутную жидкость в склянке. Граф понимает, что стоит кратко поведать историю этой вещи:

- Я сталкивался с одним человеком, который пытался выпустить Тьму за пределы Коррибана. Полномасштабный всеобъемлющий ужас, а не те мелкие попытки просочиться, что увидел ты. И это вещество позволило мне его остановить. Держи при себе. Как и кинжал Мола.

Я по какой-то причине жду дальнейших наставлений, вроде: «Будь предельно осторожен, ничего не принимай на веру, думай, прежде чем действовать». Но он не говорит больше ничего. Может, снова бережет мою гордость, а, может, просто все дальнейшие решения за мной. Куда же мне стоит идти?

- Где может быть что-то, связанное с Плэгасом Мудрым? – осведомляюсь я.

- Иди в госпиталь Дрешде, – советует Дуку. – Мол рассказывал, что Плэгас проводил некие эксперименты там. Но помни главную цель, зачем мы летели сюда!

Я изучаю карту, определив наше нынешнее местоположение и маршрут отсюда до госпиталя. Теперь мне придется полагаться только на оружие ближнего боя, потому нужно усилить осмотрительность. Я беру с собой клетку с пилат-птицей – кто знает, может, она убережет меня от особо крупных неприятностей, какие начинаются с приходом Тьмы. Чувствуется потребность, или даже необходимость сказать что-то графу, уходя, но я не нахожу слов. Просто тихо удаляюсь и выхожу на затуманенные улицы.

С планом местности, где отмечены перекрытые проходы и потенциально опасные участки, я без проблем добираюсь до госпиталя Дрешде – серого здания в ржавых разводах, с мутными битыми окнами. Часть его фасада окружена старыми строительными лесами, как и другие постройки. Внутри также словно идет ремонт – покрытие снято с неровного серого пола, краска соскоблена со стен и оставлена мусором под ногами, мебель и оборудование затянуты полиэтиленом, как обычно делается во избежание загрязнений. Воздух очень сухой и пыльный, от него даже дерет в глотке. Я захожу в ближайшее помещение, где вижу оставленные в беспорядке вещи и рабочую документацию. Большая часть ее так пострадала от пыли, что ее невозможно разобрать. В сохранности осталась только одна запись под стеклом на столе:

«Многие вещества, активно применявшиеся в различных ритуалах ситхов, являются на самом деле сильнейшими токсинами. В некоторых смесях используется яд животных, одной капли которого хватило бы для смерти любого индивида, не являющегося адептом Темной Стороны. Ядовитые растения и грибы также получали широкое применение. Известно о том, что высоко ценился цветок беспамятства – вьющееся растение, цветы которого выглядят, как желтые рога для питья. Цветок беспамятства, однако, представлял и большую сложность в плане обнаружения мест его произрастания и правильного сбора. У Пророков Темной Стороны также получили особое значение грибы-сапротрофы «белые руки». Их плодовые тела действительно напоминают бледные усохшие кисти мертвых человеческих рук. Изначально

данные грибы, произрастающие на могильниках, были известны ведьмам как «средство утолить голод похоти». Пророки же готовят из «белых рук» багряный спайс, рецептура которого век за веком держится в тайне, как и особенности его воздействия на психику. По весьма скудным и не вполне научным свидетельствам, полученный наркотик вызывает вовсе не оргазмические ощущения, а, скорее, панику и пугающие видения, но, несмотря на это, к багряному спайсу формируется сильная зависимость, от которой уже невозможно избавиться по собственной воле».

Совершенно бесполезная информация. Я надеялся найти в здесь карту госпиталя, но не могу ее обнаружить. Осмотр всего, что есть в запыленной комнате, не принес никаких результатов. Придется продолжать поиски чего-то, связанного с Дартом Плэгасом, полностью наугад – мало того, что я не знаю, что именно ищу, так я еще и не могу знать, где придется искать.

Во мраке пустых коридоров эхом разносится шорох строительного мусора под моими сапогами. Видимо, эти звуки несколько тревожат птицу, которая начала суетливо бегать по клетке. Но моя надежда на то, что ее поведение ничего не значит, рушится, когда пилат начинает испуганно кричать, совсем не мелодичным резким голосом, а в следующий миг я вижу, что нечто движется на меня из темноты. В проходе появляется огромная бесформенная масса бледной плоти, которую невозможно обойти. Я дергаю одну за другой двери ближайших палат, но они не поддаются. Приходится браться за оружие. Я стараюсь проявить осторожность и не рискую воспользоваться световыми мечами, предпочтя жабоку. Может, такой выбор стоил мне некоторых сохраненных нервов, когда я увидел приблизившееся ко мне нечто. Практически весь проход загромождает омерзительный тучный монстр с распухшим телом. Его зеленоватая кожа, через которую проступают сосуды, покрыта сочащимися нарывами и язвами. Головы нет – вместо нее свернувшаяся, втянутая внутрь сгнившая и засохшая кожа шеи. Я успеваю отскочить назад, когда меня пытаются схватить его плоские мясистые руки. Эта омерзительная туша – словно одна огромная ходячая опухоль. Быстрым резким ударом с расстояния я вспарываю раздувшийся живот монстра, и меня едва не выворачивает. Его внутренности разят чем-то кислым, забродившим, с примесью запаха спирта. Даже задержав дыхание, обходя труп твари, я чувствую

отвратительное напряжение внутренностей. Ком встал в горле, но я теперь совсем не хочу пить.

Двигаясь дальше по коридору, я пробую открыть все имеющиеся двери, но ни одна из них не отворяется. Ход на лестницу завален — здесь обрушилась потолочная плита. Попробовать подняться на этаж выше можно только через шахту лифта. Может, кабина лифта была демонтирована, или же здесь случилось еще что-то, но сейчас шахта пустует, а ее обнажившиеся ржавые опоры можно использовать для подъема. Такой подъем почти равносильно покорению отвесной скалы с ничтожно маленькими уступами. Приходится напрягать мускулы до предела. Я чувствую боль в пальцах ног и рук... точнее, руки. Несколько этажей оказываются закрытыми за плотно сомкнутыми дверями лифта, но выше я вижу просвет. Если я ничего не обнаружу на доступном этаже, надеюсь спуститься ниже уже по лестнице или найти иной путь. Добравшись до уровня приоткрытых дверей, я начинаю двигаться к ним вдоль узкой шатающейся балки, когда вдруг расплывшаяся плоская конечность протискивается между дверных створок. Я едва могу удержаться от того, чтобы не сорваться вниз. Мне приходится держаться за прутья арматуры одной рукой, чтобы взять во вторую световой меч, но даже столь легкое оружие способно нарушить равновесие. В таком положении я не могу рассчитывать удар — я просто машу клинком, нанося беспорядочные порезы, как мне кажется, бесчувственной мясистой конечности, пока, наконец, не отсекаю ее. Я вижу, как свет из проема дверей перекрывает массивная безголовая туша. Возможно, если я приближусь, она будет пытаться атаковать меня оставшейся рукой. Но у меня нет вариантов действия. Продолжая держаться одной рукой — к счастью, не живой, не знающей усталости — я двигаюсь к выходу, держа меч наизготовку. Сбрав силы, глубоко вздохнув, я перепрыгиваю с шаткой балки на край проема, схватившись правой рукой за дверь, а левой совершая быстрый выпад. Еще несколько секунд, пока раздутый безголовый монстр, пошатываясь, не рухнул на пол, мне приходится висеть на краю, но затем я выхожу из шахты лифта, перелезая через зловонный рыхлый труп.

Этаж, на котором я оказался, мало чем отличается от первого. Но мне кажется, что здесь в темноте я слышу чье-то неровное, прерывистое дыхание. Я начинаю проверять двери, и после нескольких неудачных попыток одна из них все же распахивается передо мной.

Я оказываюсь в комнате без окон, с высоким потолком и белыми стенами, находящимися в почти идеальном состоянии, особенно в контрасте с остальной частью здания. Здесь только и удастся вспомнить, что я нахожусь на территории бывшей больницы. В белой палате нет ничего, кроме ничем не покрытой металлической койки с решеткой вместо изголовья. На койке, вперив взгляд в пол, сидит муун, облаченный в старые боевые сапоги, черные штаны и грязную смирительную рубашку. Его едва заметно бьет дрожь, и он тяжело учащенно дышит. С опаской подойдя чуть ближе, я замечаю, что у мууна нет глаз – на их месте только глубокие пересекающиеся кровавые рубцы и гниющие раны. Кровь стекает по плоскому носу, скулам и подбородку, несколько темных капель срывается на белый пол палаты.

- Кто ты? – спрашиваю я, но муун не шевелится. – Как твое имя? – повторяю я громче.

- Не спрашивай того, что и так тебе известно, - все же отвечает он тихим осипшим гнусавым голосом. – Или же на самом деле ты не хочешь найти то, что ищешь?

На моем лице наверняка появляется выражение шока, которое, к счастью, мой собеседник не может увидеть. Мало того, что я, собираясь отыскать информацию о Дарте Плэгасе Мудром, никак не рассчитывал встретить здесь его самого, так еще и в таком состоянии – ужасающем и жалком! Мне требуется время, чтобы свыкнуться с реальностью происходящего и заговорить о том, что привело меня сюда.

- Я ищу Ваш голокрон, - обращаюсь я к мууну.

- Мой голокрон? – удивленно переспрашивает Плэгас, не поднимая головы. - Я отдал его твоему учителю. Но тот вернул его сюда. Не скажешь, почему?

- Так голокрон здесь, на Коррибане? – наконец-то получаю возможность уточнить то, что предполагал до этого, я. - Весь?

Муун сипло посмеивается, качая головой:

- Как знать. Есть много Коррибанов.

Все его слова настолько мутные, что это начинает меня раздражать. Я хочу ясности, но почему все оказываются мне ее дать?

- Голокрон был у Дарта Мола? – пытаюсь прояснить я хоть что-то.

- Да, - на этот раз прямо дает ответ Плэгас. - Я должен был отплатить ему за участие в моих опытах.

Мой учитель участвовал в темных делах этого ситха? Какова была роль Дарта Мола в них, что еще он от меня скрывал? Я не успеваю задать вопросы, когда следующие слова Дарта Плэгаса ошеломляют меня настолько, что я теряю дар речи, и у меня едва не подкашиваются ноги.

- Мои исследования... Мои эксперименты... Сколько их было, но ты! Несомненно, ты величайший в их числе! Моя гордость – моя боль. Багровая Церемония, красный кинжал, белый экстракт, черный кубок! До чего же сложно было добывать, синтезировать, подбирать пропорции. Но я сделал это!

По всему телу расходится какое-то мерзкое ощущение онемения. Словно все силы покидают меня. Что это может значить – я величайший в числе его экспериментов?! Конечно, Дуку уже говорил мне, что то, чем занимался Плэгас, имеет прямое отношение к моему рождению, но... Я не эксперимент! Я человек, сын моей матери! По какой бы причине у меня не было отца, я не желаю более ничего знать!

- Багровая Церемония? – с усилием выдавливаю я из себя два слова.

Муун резко вскидывает голову. Мне кажется, что он смотрит на меня, хоть это и объективно невозможно.

- Мое величайшее достижение! – восклицает он. - Тебе стало интересно, да? Конечно, стало. Я чувствую твои страсти, знаю, что ты хочешь сделать! Ты получишь желаемое только через мой труп!

О чем, черт его подери, он заговорил? О каких еще моих страстях?!

Повисшую в белой палате тишину нарушает тревожный птичий клекот. Напуганный пилат кричит и бьется в клетке. И тут же чистые белые стены палаты начинают темнеть, покрываться ржавчиной и размытыми потеками чего-то, похожего на густую кровь. И когда наступает Тьма, с мууном, сидевшим на койке, тоже происходит нечто. Вновь обернувшись в его сторону, я вижу монстра, уставившегося на меня желто-белыми водянистыми незрячими глазами. Все его бледное тело, покрывшееся трупными пятнами и кровавыми волдырями, перетянато множеством ремней, которые по-прежнему держат его руки в том положении, в каком их фиксировала смирительная рубашка. Его вытянутый голый череп изъязвлен так, что в нем просто зияют темные дыры. Высокий и тощий муун поднимается на ноги и, с трудом переставляя ноги в тяжелых сапогах

с ремнями, приближается ко мне. Я активирую меч, но не успеваю атаковать, когда он открывает рот и выдыхает облако едкой отравы. В носоглотке появляется такая резь, словно я вдохнул стеклянную крошку. Меня начинает душить приступ кашля, во рту чувствуется вкус крови. Тем временем монстр делает подсечку и валит меня с ног. Меч выпадает из моей ладони. Задыхаясь, я пытаюсь встать, но тварь, в которую обратился муун, склоняется надо мной и выдыхает еще порцию яда. У меня начинают болеть и слезиться глаза, струйка выкашлянной крови стекает по моему подбородку. Я не могу дотянуться до меча, даже не вижу, где он. Хвала звездам, что в данный момент у меня есть второй. Я снимаю с пояса меч графа и активирую клинок. Надо мной уже нависает массивная подошва сапога Плэгаса. Его монструозная версия готова со всей силы опустить стопу мне на грудь, но я моментально отсекаю ему ногу. Теперь падает он, в то время как я встаю. И немедленно пронзаю алым клинком грудь противника.

Недолгая агония – и тело монстра расслабляется. Я замечаю, что нечто небольшое зажато между его рук, рассекаю ремни, стягивавшие болезненное бледное тело, и беру в руки черную пирамидку – почти такую же, какую нашел в кантине в бутылке с вином. Золотая гравировка на основании гласит: «*Ложь*». Что ж, вот и еще одна часть. Если мне не изменяет память, всего их должно быть пять. А еще, исходя из слов Плэгаса, белый экстракт был частью некой Багровой Церемонии. Как и кинжал, которым был убит Дарт Мол. Красный кинжал. Вместе с ними муун-ситх упомянул некий черный кубок. Должен ли я найти и его тоже?

Пока мне стоит осмотреть другие помещения на этом этаже госпиталя. Покинув палату, я вижу, что от стен теперь остались одни ржавые каркасы, полностью затянутые полупрозрачной пленкой, покрытой грязными разводами. Пол составлен из черно-коричневых влажных металлических листов, из-за чего звук моих шагов разносится по всему этажу. Мне больше не быть незамеченным. Большинство дверей заперто, а пилат-птица продолжает вопить и метаться по клетке.

Очередная дверь, ведущая в пустующий кабинет, оказывается открытой, и я вижу, что в помещении у окна кто-то стоит. Это не монстр. Через мутное стекло на темные улицы Дрешде глядит молодая женщина в черно-красном платье с украшениями из белого металла. Ее темные волосы уложены в сложную прическу, какие

являются частью набуанских традиций. Я не могу поверить своим глазам! Кто она? Я делаю несколько шагов в сторону и вижу лицо женщины. Меня бросает в жар, мое сердце словно подпрыгивает вверх и начинает биться уже где-то под горлом.

- Падме! – не своим голосом роняю я.

Она тревожно оборачивается, но успокаивается, узнав меня. Узнав меня! Это она, действительно она!

- Вы ошиблись, - вдруг развенчивают слова женщины охватившую меня иллюзию, - я Корде, ее служанка.

Конечно. Одна из двойников Падме. Все они были готовы защищать ее ценой собственной жизни. Но и они ее не уберегли. Ее больше нет!

Головная боль возвращается, а сердце никак не хочет успокоиться.

- Что ты делаешь здесь? – наконец-то, у меня получается спросить Корде об этом. Голос остается не моим, что, впрочем, не удивительно после кровохарканья.

Она очень напугана и ей тяжело говорить. Голос ее дрожит, когда она пытается объяснить:

- Падме... просила меня найти Вас... любой ценой.

Жена искала меня? Когда? Мы ведь виделись с ней в тот роковой день. Может, Корде просто исполняет поручение, полученное еще тогда, когда Падме была жива? Знает ли она о смерти своей госпожи? Даже если нет, сейчас мне лучше не ошарашивать ее страшной новостью.

- Что у тебя в руках? – интересуюсь я, увидев, как ее пальцы нервно что-то ощупывают.

Корде показывает мне на ладони еще одну черную пирамидку:

- Я нашла это... там... где письмо Падме... - снова пытается она говорить, но запинаясь, закрыв глаза ладонью – видимо, она вспомнила какое-то нехорошее место.

- Можешь дать мне это? – прошу я у женщины ее находку. - А взамен я дам тебе эту птицу, - я показываю ей пилата в клетке. – Она убережет тебя здесь. Она предчувствует плохое.

Корде кивает и смахивает слезы. Я беру из ее руки пирамидку с надписью «*Будущее*» и вручаю ей клетку. Но женщина не успевает поблагодарить меня.

Не могу понять, как я не заметил, что в помещении появилась очередная тварь! Монстр, находящийся теперь в одной комнате с

нами, довольно крупный и имеет развитое тело. Он вооружен копьем. С его оголенного торса, рук и лица симметричными фрагментами срезана мертвая кожа, и обнаженная алая плоть постоянно кровоточит, словно существо потеет кровью. Его гнилые зубы обнажены в постоянном оскале, глаз не видно – их скрывает тяжелый «венец» из толстых заостренных ржавых штырей, перекрещенных и всаженных в голову, чудовищной черно-коричневой короной опоясывая голый череп. Я тут же активирую световой клинок. Но монстр так быстро перебрасывает копье в руках, что я даже не успеваю отследить его движения, однако меч оказывается выбитым из моей руки, а когда я пытаюсь вооружиться вторым, меня отталкивают к стене. Сильный удар приходится на спину и затылок, и пока я поднимаюсь на ноги, тварь хватается Корде за горло и поднимает ее над полом. Женщина пытается кричать, но не может, а монстр одним рывком лишает ее одежды. Я поднимаю меч, выбитый из моих рук, но не успеваю ничего сделать – сильные пальцы чудовища впиваются в грудь женщины и в один миг сдирают ее кожу! В ужасе я, не помня себя, выбегаю за двери и захлопываю их. Последнее, что предстает моему взору в покинутом кабинете – монстр, продолжая держать в руке освежеванное тело, швыряет кожу в мою сторону, и брызги крови летят мне в лицо между смыкающихся дверей. Меня еще долго трясет как в лихорадке.

За углом коридора я вижу железную лестницу, ведущую, по всей видимости, на крышу госпиталя. Уж лучше покинуть здание таким способом – я уже насмотрелся здесь достаточно. Я спешно взбираюсь по лестнице и действительно выхожу на крышу, устланную плотным черным покрытием, огороженную лесами. Кругом мрак, только на горизонте едва горит темно-красное зарево. Я могу спуститься по старым лесам, пусть в темноте это и особенно рискованно. Только бы выждать еще немного, чтобы дрожь окончательно покинула тело. Я нервно хожу по крыше туда-сюда. Корде. Святые звезды, как она была похожа на Падме!

Выровняв дыхание и успокоившись, проверив всю экипировку, я подхожу к краю крыши и ступаю на ржавую металлическую конструкцию. Она несколько дрожит, но должна меня выдержать. Осторожно я начинаю спуск, проверяя стопой каждую перекладину, прежде чем наступить на нее. Левая ладонь немного скользит, и капли пота иногда скатываются в глаза, но подобные мелочи можно

стерпеть. Все же лезть здесь гораздо проще, чем в шахте лифта. Надеюсь, здесь ничто не может напасть на меня.

Я прохожу расстояние, равное двум этажам. На этом уровне находится крыша смежной постройки. Там на шершавом черном покрытии лежит что-то. Скорее всего, небольшой листок бумаги. Я добираюсь до края лесов, ставлю ногу на крышу смежного строения и перебираюсь на нее. Здесь действительно лежит обрывок какой-то записи, частично размокший и испачканный, но слова еще можно разобрать. Не касаясь листка, я присаживаюсь на корточки, чтобы прочесть:

«Эта абсолютная истина, абсолютная мудрость... Лучшие бы я умер. Я ведь все сделал, что было в моих силах, и мне уже нечего бояться. Но, затянув ремень на плече, глядя на иглу, разве я не колебался? Разве не разрывались от сомнений мои сердца?! Я знал, что это отравы, а не ключ. Я заслужил это. Но какую боль причинит правда ему, когда он ее узнает? Последствия теперь беспокоят меня».

Кто мог писать это? Муун? Забрак? Цереанин? И что же его беспокоило, чье обретение правды? Наверное, мне уже не узнать.

Стоя у края крыши и собираясь продолжать спуск, я вдруг вижу черный силуэт, скрывавшийся в тени. Он выставляет руку вперед – и я вижу раскаленный добела железный прут. Сражаться с обгоревшим существом или отступить? Мне все равно не одолеть его. Я пытаюсь уйти тем же путем, каким пришел, но черный монстр на крыше смежной постройки ударяет горячим оружием по лесам, рассекая их, после чего они обрушиваются. Я с вскриком срываюсь вниз.

Чей-то голос во мраке произносит: «Лорд Вейдер, ты слышишь меня? Встань, Дарт Вейдер!». Через все мое тело проходит болезненная судорога. Я прихожу в сознание, лежа на усыпанной пеплом земле. Тьма отступила. В спине, шее и голове чувствуется ноющая боль. Медленно встав на ноги, я осматриваюсь. Никого поблизости нет. На улицах вновь что-то изменилось. В серых стенах заброшенных построек зияют округлые дыры, в них виднеются дрожащие губы трупного коричневого цвета. Иногда они открываются и снова смыкаются. До чего вульгарная мерзость.

У меня есть карта Дрешде, но я не знаю, куда мне стоит идти. Может, в Великий Храм? Мне кажется, так будет разумно. К нему есть две дороги. Несколько проще мне будет идти через площадь –

там уменьшаются шансы столкновения с монстрами в тумане. К тому же, я не хочу видеть мерзостные дыры в стенах.

Оказавшись на площади, едва различая смутные очертания зданий во мгле, я начинаю опасаться, что заплутаю здесь. Стоит невыносимая тишина, и только зола шелестит под сапогами. Как же я невольно дергаюсь, услышав за своей спиной голос:

- Глазам своим не верю. Это действительно ты, о Избранный. Значит, Верховный Пророк Каданн еще не пропал...

Обернувшись, я вижу, что позади меня стоит немолодой бородатый мужчина в мерцающем переливчатом плаще. Такие накидки, символизирующие переменчивый свет звезд в вечном темном космосе, носили Пророки Темной Стороны. Верховный Пророк, должно быть, их лидер. Чего же он от меня хочет? И почему так меня назвал?

- Я... что? – замямвшись, переспрашиваю я. - Меня выбрал Коррибан, про это ты?

- Нет, - с благоговейной полуулыбкой отвечает Каданн, - само твоё рождение – воля здешних сил. В тебе живет Ситх'ари, создавший этот мир, благодаря Багровой Церемонии Мудрого! Ты его часть, чистая, нетронутая Тьмой.

Будь я проклят! Сказанное им не может уложиться в моей голове. Я был рожден из-за Багровой Церемонии, проведенной Дартом Плэгасом? Пусть будет так. Но как возможно то, что я являюсь частью Ситх'ари, жившего тысячу лет назад? Сначала Дуку заявлял, что моя жизнь представляет особую ценность, теперь этот пророк зовет меня Избранным... Еще и нетронутым Тьмой.

- Мне кажется, ты ошибаешься, - полагаю я, желая поставить под сомнение слова Каданна. - Я выбрал Темную Сторону и служу ей, осознанно и непоколебимо. Сколько на моем счету убитых джедаев, уже после джеонозианской трагедии! Даже юнлингов.

- Все это я знаю, - остается непоколебимым человек в мерцающем темном плаще. - Как и ты знаешь все, но не все хочешь признавать. Ты лишь один из многих, кто боится истины. Все они хотят твоей смерти, но пророчество знаю лишь я, не отравленный алой ртутью.

- Какое пророчество? – нетерпеливо интересуюсь я.

Каданн поднимает глаза к затуманенному небу, видимо, по некой сектантской привычке:

- Красным был первый, второй есть белый, и черным третий станет, - повысив голос, вещает он и вновь переводит взгляд на меня:

- И если ты, о Избранный, здесь, то скоро наступит конец тишины, наступит конец молчания.

Такая театральность, разумеется, не может на меня подействовать. Но отчего же мне так не по себе?

- Я не люблю аллегории, - заявляю я. - Мне нужно знание. Четкое и ясное.

- Что ж, может, у Вечного Костра ты его найдешь, - тут же предлагает Каданн.

Это уже возможность зацепиться хоть за что-то. Я достаю карту и раскладываю ее перед пророком:

- Покажи маршрут.

Каданн указывает мне путь, который лежит через Долину Темных Лордов и уходит дальше древней Академии Ситхов, на территории, которых на карте уже нет. Я стараюсь запомнить все его слова. Надеюсь, что смогу сориентироваться там. Я уже готов продолжить путь, распрощавшись с пророком, но вдруг окровавленная рука вырывается из-за мгlistой завесы и хватает его за плечо. Из пепельной дымки выступает монстр в ржавом венце, с частично срезанной кожей. Его свободная ладонь ложится на голову Каданна, пальцы резко сжимаются, и череп человека с хрустом размозжается, словно скорлупа раздавленного яйца. Я бросаюсь бежать, даже не разбирая дороги, ныряю за ближайший угол, петляю по узким неровным улицам. Я бегу долго, пока не оказываюсь у железного забора, за которым уже нет строений, а впереди лежат только рыжеватые скалы. Я на окраине. Можно ли отсюда добраться до Вечного Костра? Свериться с картой сложно – я не вполне понимаю, куда зашел и как вернуться. Уже собираясь перелезть через забор, я замечаю, что, как мне кажется, одинокая скала-останец посреди расщелин несколько раз меняет угол наклона. Всмотревшись лучше, я не лишаюсь иллюзии, что скала шевелится. И тут же, когда туман несколько расступается, словно намеренно открывая это зрелище, я понимаю, что передо мной не скала, а вставший на дыбы, дергающийся всем телом таозин! Гигантский, даже в рамках своего вида, плотоядный червь ритмично раскачивается, приподнявшись над землей. А все его внутренности, которые видны через полупрозрачную чешую, имеют черный цвет. Похоже, таозин способен заметить меня и напасть с расстояния, выбросив шелковую паутинную нить, а, значит, нужно убираться отсюда.

Уже без спешки, петляя улицами, на которых я чудом не заблудился, прибежав к окраине, я вновь оказываюсь на площади. Красного монстра здесь больше нет, есть только его следы – капли крови и кровавые отпечатки обуви. Судя по всему, он ушел не в том направлении, в каком нужно идти мне. Сверяясь с картой, я добираюсь сначала до Великого Храма, представляющего собой наполовину разрушенную постройку в форме усеченной пирамиды с безголовыми статуями лежащих животных у входа. Я решаю не тратить время на его обследование, ведь не он моя цель, да и неизвестно, насколько это может быть рискованно. Обойдя храм, я спускаюсь в Долину Темных Лордов. Площадь ее огромна, и практически весь ландшафт тонет в тумане, только лишь наверху еще видно шесть статуй склонивших головы гуманоидов и побитый обелиск Аджанты Полла. Стены расщелины, где располагаются ситхские захоронения, пострадали от многочисленных обвалов, и временами дорога через Долину завалена острыми камнями. Их даже нельзя обойти, когда во мгле не видно, есть ли где-то проход вообще. Мой путь оказывается нелегким еще и по той причине, что время от времени среди камней оказываются затаившиеся нелепые существа, составленные из двух пар ног. Впервые я видел такую тварь в «Пьяной Стороне», но тогда мне и в голову не пришло, что это нечто может атаковать. Оно бьет верхней парой конечностей, упорно пытаюсь преградить дорогу. Я, конечно, прибыл сюда уже со знанием, что способность видеть есть у разлагающихся монстров, даже если у них нет видимых органов чувств. Но в случае с подобными тварями я не могу примириться с этой мыслью. Иногда монстры вполне могут не реагировать на меня, если удастся пройти на приличном расстоянии от них и не шуметь, но подобное удастся редко. Мне кажется, что я схожу с ума. Я бы в навверняка поверил в собственное безумие, если бы ощущения, что я иду через каньон, не были настолько отчетливыми. У меня сбивается дыхание, я обливаюсь потом, периодически боль в спине после двух сильных ударов дает о себе знать. Такое чувство, что здесь я постарел минимум на десяток лет.

В конце концов, мне удастся пересечь Долину Темных Лордов и увидеть Академию Ситхов, черной пирамидой нависающую над расщелиной. Вечный Костер находится за ней, среди скал. Собрал силы для последнего рывка вверх, я поднимаюсь к зданию Академии. Приходится идти по живым камням, оступаясь и рискуя

травмировать ноги. Меня учили не избегать травм, не смягчать падений – ведь если ты поступаешь так, значит, ты морально готов к поражению. Сейчас я морально не готов ни к чему, но я твердо знаю, что вопреки учению нужно беречь себя. Не я буду решать, когда я уйду отсюда. Не буду знать, что мне предстоит. Впереди полнейшая неизвестность.

Поднявшись из Долины, обойдя мрачную пирамиду Академии, я вижу тропу, ведущую в гористую местность. Впереди должен быть крутой перевал. Так и есть, я сориентировался верно. Стоя внизу, я устремляю взгляд вверх, впав в оцепенение, долго неподвижно глядя в небо, пока глаза не засыпает проклятый пепел. Видимо, берет верх усталость. Голова кружится. И до чего же разнылась спина. Припав к скале, я пытаюсь перевести дух. Так хочется сейчас закрыть глаза, но здесь нельзя. Однако разве я не смогу преодолеть чертов перевал? После всего, что я уже прошел? К черту все, я просто должен! Прочистив горло и сплюнув вязкий комок запекшейся коричневой крови на усыпанную золой почву, я продолжаю путь.

Перебравшись через каменистый перевал, я оказываюсь в ущелье, где первым вижу Сердце Коррибана. Уже его изображение, запечатленное в голокроне Мола, произвело на меня то еще впечатление, но и оно не сравнимо с реальностью, представшей передо мной. Мои внутренности сжимаются в комок, когда я гляжу на пульсирующую водянистую массу с кровавыми сгустками внутри и на блестящие желтые волдыри на поверхности тонкой сгнившей кожи. Все это перетекает и сокращается над огнем того самого Вечного Костра, горящего в круге каменного алтаря, накрытого закопченной решеткой. Мою голову пронзает острая боль. И снова чувство дежавю, пополам с тревогой. Я уже бывал здесь? Я не могу вспомнить.

Среди огня Вечного Костра на решетке стоит небольшой черный предмет, который не сгорает. Я достаю неизвестный, но наверняка раскаленный объект протезной рукой и осматриваю его. Находка оказывается чашей, покрытой слоем копоти. Наверное, это и есть черный кубок, упомянутый Дартом Плэгасом. В чаше лежит черная пирамидка с гравировкой: «*Прошлое*». Мне осталось обнаружить всего одну часть. Если меня направил сюда Каданн, знал ли он, что я здесь ищу? В любом случае у него я уже не смогу ничего спросить.

Возле Вечного Костра, греющего Сердце Коррибана, есть большой разлом в земле, фактически темная яма, словно где-то здесь

провалился потолок пещеры. Куда может вести эта дыра? Может, существовала некая система тайных ходов, которой нет на картах? Я могу проверить это, невзирая на риск. С отчаянным решением я прыгаю вниз.

Стены пещеры, в которой я оказался, черны, будто опалены огнем. Это и не совсем пещера, а скорее туннель, ровный и не имеющий ответвлений. Активировав меч, я начинаю идти вперед. Какое-то время спустя черные каменные стены, пол и потолок становятся ровными, на них появляются разводы грязи и ржавчины. А спустя еще один значительный промежуток пути на стенах появляется ряд зеркал, завешенных испачканным полиэтиленом. Я узнаю место из моих кошмаров! Нет, ни за что, ни за что не смотреть по сторонам!

Коридор с зеркалами приводит меня в круглый зал с темными грязными стенами, в центре которого, как и в моих видениях, есть алтарь, завешенный черным полиэтиленом для трупов, и в его центре шевелится нечто. Здесь я снова столкнусь с черным монстром? Здесь я должен одолеть его? Но из-за черных пленок появляется тощая бледная рука иного чудовища. Ладонь упирается в пол и за ней из-за грязной завесы показывается вторая, а затем и все тело монстра, лишенное нижней половины, завернутое в черные лохмотья и имеющее две головы. Две детские головы с закрытыми глазами и ртами, застывшими в подобии улыбки. Что, черт возьми, еще может значить жуткая пара сросшихся младенцев?! Монстр подбегает ко мне, перебирая по полу ладонями несоразмерно крупных рук. Он уворачивается от моих ударов и сам пытается сбить меня с ног конечностью с длинными пальцами, похожей оттого на огромную птичью лапу. Он гоняет меня по темному залу, пока я все же не изловчаюсь, чтобы зарезать его. Мертвые лица младенцев продолжают улыбаться, от чего мне по-прежнему жутко.

Я встряхиваю головой, чтобы отбросить назад взмокшие волосы, упавшие на глаза, и в то же время как бы пытаюсь выкинуть из головы тревогу. Что-то лежит на алтаре в том месте, где стоял монстр. Пятигранник, по размерам более крупный, чем найденные прежде пирамидки. На его основании написано: «*Истина*». Я присаживаюсь на алтаре и достаю все части, найденные до этого. Пирамидки крепятся к пятиграннику, складываясь в одну трехгранную черную пирамиду, которая, став единой, начинает испускать слабое красное свечение. Голокрон в моих руках, но смогу ли я открыть его? Я

касаюсь пальцами пирамиды, ее свечение усиливается, и мне является хранитель – муун, каким он был до обезображивания, неприметный представитель своей расы в ситхский одеяниях. Без раздумий я выбираю раздел, посвященных ритуалам адептов Темной Стороны, а среди них Багровую Церемонию. И первым, что предстает перед моим взором, оказывается текст, практически без изменений скопированный из древних свитков:

«Багровая Церемония. Она позволит тебе вернуть умершего или сделать вечной твою собственную жизнь. Вернуть к жизни можно лишь того, чьи останки сохранились. Также невозможно возвратить несколько жизней в одночасье. Будь внимателен, следуй инструкции точно! Правильно созданные атрибуты – залог твоего успеха.

Красный кинжал. Возьми традиционное оружие ситха – ланварок, непременно бывавший в сражении. Перекуй его на лезвие, сворачивая не менее двенадцати раз. На луне Ваарта, покрытой джунглями, не устраишься найти кольчатого червя, что ловит добычу шелковой паутиной и чья оболочная броня выстоит перед твоим световым мечом. Если не станешь его добычей и сумеешь его умертвить, сними его чешую. Из нее ты сделаешь рукоять кинжала. Возвращайся тогда к колыбели ситхов, отыщи на этой планете месторождения редчайших темных рубинов, добудь три совершенно прозрачных камня размером не менее фаланги людского пальца и поставь их на рукоять. Если ты все сделал верно, с этим кинжалом ты не будешь видим в Силе, и никто из чувствительных к Силе не сумеет узнать твоих помыслов.

Белый экстракт. Отыщи цветок беспамятства, похожий на пустотелый желтый рог. Сей цветок растет лишь на Охотничьей Луне. Собирай его тогда, когда ни солнца, ни планеты, ни иные светила небесные не могут видеть тебя. И ни в коем разе ты при этом не должен обидеть растение. Приготовь из цветка беспамятства сок, смешай его с ситхским ядом, что рождает необузданную ярость, прибавь несколько капель отравы хссиссов. Испробуй то, что получил, позволив экстракту попасть в кровяное русло. И если ты все сделал верно, Сила позволит тебе узреть истинную суть вещей. Но коли ты ошибся с долями, ты получишь страдания.

Черный кубок. Найди металл, который еще неизвестен никому, на планете, название которой связано с загадками и поисками.

Очисти руду, расплавь ее и отлей кубок, после возьми минерал, что испускает сияние невидимое глазу и оставь рядом с чашею на время. Если кубок станет в разы тяжелее, чем был до соприкосновения с минералом, значит ты произвел все действия верно.

И тогда будь мудрым в своем выборе! Не берись, если не уверен или не осознаешь сполна, что собираешься сделать».

Информации на данный момент мне достаточно. Теперь ясно, что и Мол, и Дуку смогли справиться с тем, что бросил против них Коррибан, благодаря атрибутам Багровой Церемонии, попавшим в их руки. Так и убить Дарта Мола красным кинжалом мог кто угодно – если уж этот кинжал скрывает помыслы того, кто его держит. Но что может дать мне черный кубок? Чем он может быть полезен, кроме того, что из него можно пить? Если смысл в этом, так что именно придется выпить?

Из полученной информации также ясно, что Багровая Церемония позволяет воскрешать умерших. Дарт Плэгас вполне мог провести ее здесь с целью возвращения к жизни самого Дарта Бейна. Но неужели все могло пойти каким-то таким странным образом, что результатом стало мое появление на свет? Пророк утверждал, что такова была воля здешних сил. Я не могу это ни понять, ни принять! Это слишком для меня.

Около моей ладони проползает орбалиск. Я тут же одергиваю руку и вскакиваю на ноги, увидев, что в подземном зале их сотни – все стены и пол покрыты блестящими панцирями паразитов. На одном участке они так плотно облепили стену, что даже нагромодились друг на друга. Что могло их привлечь? Аккуратно переступая между орбаликами, ползающими по полу, я подхожу к стене и пытаюсь сбросить с нее паразитов клинками жабоки. На смену упавшим приползают новые, но я успеваю фрагментами прочесть скрытую ими надпись:

«Я острое, ложь и завеса.

Мой путь – кровь.

Я вино, отравленное истиной.

Мой путь – туман.

Я сосуд, отрицающий отчаяние.

Мой путь – копоть.

Когда все слова Мудрого будут найдены, мы дадим начало.

А ТЫ

сделай верный выбор из четырех!».

Боль пронзает мне сердце, словно кинжал. Я раздвигаю темную ткань накидки, смотрю на свою грудь и с ужасом до дрожи в руках вижу огромного орбалиска, впившегося в мою кожу. Когда он успел заползти под одежду? К нему подползают еще несколько особей поменьше и тоже впиваются в мое тело. Боль валит меня с ног. Мой рассудок меркнет.

Когда сознание, наконец, возвращается ко мне, стены помещения оказываются чистыми. Нет ни паразитов, ни загадочной надписи. Но, вновь раздвинув одежду, я испытываю шок – моя грудь заключена в живую блестящую серо-желтую броню. Хочет ли мертвая планета выбить из меня последние сомнения? Хочет ли, чтобы я принял истину о своем происхождении? Я уже, сам того не замечая, называю это истиной. Она побеждает меня...

О чем были слова на стене? Кажется, о том, что мне предстоит какой-то выбор. Из четырех. Почему из четырех? Я не могу вспомнить ничего, связанного с этим числом. Остается лишь уповать, что позже что-то прояснится.

Над алтарем появился выход на поверхность. Я выбираюсь из черного помещения и вижу, что оказался посреди Долины Темных Лордов, на втором или третьем уровне гробниц. Я спускаюсь вниз, не представляя, что на этот раз меня там ждет. И то, что я вижу, способно бросить меня в дрожь, что в такой степени не было по силам ни одному монстру. Мне показалось, что я снова увидел Падме! Я бью себя кулаком в грудь, чтобы паразиты выпустили в мою кровь ядовитые соки, чтобы все мускулы моего тела свело от боли, но только чтобы я не чувствовал снова боль самой страшной потери!

Но передо мной вновь не моя жена, а только лишь ее служанка, Корде. Она жива. В ее руках клетка с пилат-птицей. Что ж, да, не все, что я увижу, будет реальным, это игры моей психики, но ведь сходу никак нельзя понять, что игра, а что нет.

- Господин Скайуокер, - нетвердым голосом произносит встревоженная женщина, - я должна была сообщить Вам сразу. Мне нужно было передать Вам письмо Падме.

Может, жена хотела сказать мне что-то незадолго до рокового дня? Что-то, что не могла произнести, но написала в письме. Я протягиваю ладонь навстречу Корде, но та добавляет:

- Оно не при мне. Я его спрятала. В пирамиде, в зале, где статуи фигур в капюшонах и колонны.

Письмо в Академии Ситхов. Что ж, я пойду туда. Но мое сердце стучит до боли быстро, я не могу терпеть, я хочу узнать хоть что-то раньше, если это возможно.

- Вы помните, что там было сказано? – с надеждой осведомляюсь я. - Если знаете.

Корде задумывается и вспоминает:

- «Мне снятся плохие сны... Что ты встал на неверный путь... Ты обещал, что положишь конец чему-то, но слово свое не сдержал... Я жду тебя на Набу, в нашем «особом месте»...

На Набу, в «особом месте»! Наверняка, там, где мы весь день смотрели на озеро, лежа среди цветущего разнотравья! Падме, жена моя! Так ты действительно жива и ждешь меня там, на своей родной планете?

Ком стоит в горле, влага появляется на глазах. Ничто не имеет значения, когда узнаешь такое. Но что же я не сделал? В чем я виноват перед тобой, Падме? Могу ли я исправить это?

Крик пилата нарушает тишину погруженной в вечный сон Долины. Корде оборачивается и вскрикивает. Я смотрю туда же, куда и она, и вижу на земле кровавые следы. Проклятье, это снова он!

Он является из мглы, с вечным звериным оскалом, облитый кровью, несущий копье. Быстро прошагав передо мной, монстр поднимает Корде на острие. Я пытаюсь остановить красную тварь, но мой световой меч не трогает монстра, который, не реагируя ни на что, сбрасывает с копья бездыханное тело и оборачивается в мою сторону. Мне снова приходится бежать.

Как тяжело носить на себе живую броню. Чем сильнее напряжение, чем активнее циркулирует кровь, тем больше соков орбалисков, тем больше боли. Из-за тумана я не различаю, куда бегу, и, оторвавшись от преследования, оказываюсь в неопределенной, ничем непримечательной местности. Мне ничего не остается, как только выбрать наугад направление, в каком продолжать идти. Меня едва держат ноги.

За спиной я слышу грохот камней. Где-то случился очередной обвал, и мне повезло, что я ушел оттуда. Но, все же инстинктивно обернувшись на звук, я вновь чувствую себя охваченным оторопью. По камням быстро ползет в мою сторону гигантский черный таозин. Какой бы ни была усталость, в теле появляются силы, чтобы бежать. Бежать без остановок, сцепив зубы, не мешкая ни секунды. Бежать среди шатких каменных насыпей, падая на острые обломки скал, но,

вставая, вновь бежать с увеличенной, насколько возможно, скоростью. Я мог бы удивиться своей выносливости, если бы она не оказалась напрасной. Чешуйчатая тварь загоняет меня в тупик! Проклятье, тысячекратное проклятье! Почему все должно было сложиться именно так?! Что ж, не рвать же на себе волосы, не вопить в отчаянии. Я припадаю спиной к стене, стиснув зубы и ни на миг не смыкая глаз, готовый взглянуть в омерзительную хитиновую пасть без страха. Но в последний миг черный червь разворачивает массивное прозрачное тело и начинает уползать прочь. Такой поворот даже не назвать удачей! Слов просто нет! Почему же он не тронул меня? В моей исключительности ли дело?

Я отступаю от скалы, тяжело дыша, и, подняв голову, вижу черную пирамиду, венчающую Академию Ситхов. Я дошел! Нужно только подняться еще раз. Доказать, что я могу подниматься. И я докажу.

Из последних сил взойдя на отшиб, на котором стоит древнее здание, я шагаю в его темноту. Коридоры Академии пустуют. Стены ободраны и покрыты трещинами, колонны и перила лестниц обернуты защитной пленкой. Я собираюсь рассмотреть блеклый план здания, висящий на стене, но, кажется, слышу голоса, доносящиеся снизу, из подвалов. Спустившись вниз, я вижу, что меня ждали. В ритуальных палатах, обступив ступенчатый алтарь с углублением, полным засохшей крови, толпятся Пророки Темной Стороны, облаченные в переливчатые темные плащи. Граф Дуку тоже здесь, у них в плену.

Моя вина, что он оказался впутанным в это дело. И все же... хорошо, что граф здесь! Я едва не забыл главную цель! Ситх'ари единственный, кто может утолить голод Сердца Коррибана, а я Избранный, его воплощение. И здесь наверняка Сидиус, а с ним и все те, кто жаждет отсюда вырваться, жаждет моей смерти через жертвоприношение! Я был невнимателен к словам и едва не поплатился. Но еще ничто не потеряно. Еще можно покончить с кошмаром.

Как и ожидалось, из толпы пророков мне навстречу выходит Дарт Сидиус. Не сказав ему ни слова, я активирую свой меч – он делает то же самое. Все шло к нашему сражению, мы должны были рано или поздно схлестнуться. Я не ожидал, что старый учитель моего учителя проявит такой мощный натиск. Я превосхожу его, несомненно, но после всего, что я пережил, что забрало у меня столько сил, он вполне

способен вымотать меня до предела, а если не сможет сам, подключатся его союзники. К тому же, Коррибан задает свои правила для убийства того, кто уже умирал. У меня есть даже не план, а лишь небольшая заготовка плана, но все же я решаю попробовать использовать хитрость. И позволяю Сидиусу выбить меч из моих рук. Тот, с ликующим видом направив клинок на мою грудь, заставляет меня отступать к алтарю.

- Хорошо, я знаю, чего ты добиваешься, - подняв руки, начинаю говорить с ним я. – Но так просто у вас ничего не выйдет. Я лишь малая часть сущности Избранного. Чтобы ритуал имел успех, вам нужен сам Бейн.

- Конечно, кто угодно будет изворачиваться перед лицом смерти, - пытается демонстрировать уверенность Сидиус, очевидно, что он занервничал. Даже его рука, сжимающая рукоять светового меча, едва заметно дрожит.

- Я уверен, что Каданн предупреждал вас об этом, - не теряясь, отвечаю я. - Вам будет необходимо вернуть Бейна к жизни. Но как сделать это, знал только Мудрый!

Огонь одержимости загорается в желтых глазах Дарта Сидиуса:

- Ты нашел голокрон Плэгаса?

- Вы не особо можете мне угрожать – я нужен вам целым, - отмечаю я, предугадывая, что он захочет попытаться отобрать у меня носитель информации.

Учитель Мола ехидно усмехается:

- Что ж, мы договоримся, я уверен. Как насчет такой простой сделки – жизнь твоего друга в обмен на голокрон?

- Дипломатия – та же торговля, - тихо произносит Дуку, горестно улыбнувшись вымученной улыбкой, - я всегда это чувствовал. Чертовы неймодианцы!

Я смотрю в сторону графа, торги за жизнь которого завел Сидиус. Этот человек оказал мне неоценимую помощь. Но как служитель Темной Стороны он поймет меня.

- Я знаю его всего несколько часов, - говорю я, стремясь показать, что Дуку не является кем-то значимым для меня, но Дарт Сидиус вносит уточнение:

- А речь и не о нем – не думаю, что кто-нибудь вообще называл его другом.

Граф опускает глаза и качает головой. Он улыбается. Он смеется над торгующимся ситхом. И Сидиуса это несказанно бесит. Дуку

ведет себя так, словно ему известно, чем все здесь кончится. Мне нравится его уверенность, его стойкость. Они словно знак для меня, что я иду в правильном направлении. Хотел бы я знать, о чем же граф думал, чему улыбался. Но мне становится не до него, когда пророки приводят в ритуальную палату Корде. Ее прическа растрепана, платье испачкано, а в ее руках все так же клетка с птицей. Женщина смотрит на меня с мольбой о спасении. Я вновь не могу сопротивляться воспоминаниям о Падме.

- Голокрон, Энакин! - настойчиво требует Дарт Сидиус, приближая световой клинок к ее шее.

- Не поддавайся на эти провокации! – окликает меня Дуку. – Ты же знаешь, что это...

Учитель моего учителя срывается. Он оставляет и меня, и Корде, которую держат пророки, и, приблизившись к графу, хватает его за горло.

- Ты можешь... хоть... убить меня, - с нерушимым хладнокровием, хрипя, произносит Дуку, - но это не... изменит того, что вы все... давно мертвы. Смирись уже.

Нечеловеческий оскал появляется на обозленном бледном лице Сидиуса. Не желающий принимать правду ситх сбивает с ног согнувшегося от удушья графа, а потом еще и прикладывает его головой о ступени алтаря. Я закрываю глаза.

Я пытаюсь всячески отделаться от того, что меня тревожит. Корде. Я должен помнить про иллюзии. Игры реальности Коррибана. Испытания. Она не Падме, а лишь ее бледная тень. И на моих глазах она уже умирала дважды. Больше не поддамся. Я поступлю, как воин Темной Стороны. И поскольку красный кинжал при мне, все точно получится.

- Что ты решил, Энакин? – слышу я настойчивый голос Дарта Сидиуса.

- Дай мне еще немного времени, - прошу я.

- Для чего, ведь голокрон у тебя? – недоумевает он.

Я гляжу на Корде:

- Послушать, что друг мне скажет насчет этого.

Никаких возражений моя ложь не встречает, и я подхожу к женщине. Птица в клетке в ее руках встревожена, и это именно то, чего я ждал. Пусть придет Тьма. Но до того, чтобы завершить свою игру, я выхватываю второй меч, принадлежавший графу Дуку, и сам убиваю Корде.

- Лжец, ты заплатишь! – кричит Сидиус и бросается на меня с мечом, но световой клинок не наносит мне ран. Пророки, не знающие о броне из орбалисков, замирают в благоговейном трепете, наблюдая это.

Мой трюк сработал. Теперь безумные фанатики не посмеют прикасаться ко мне, а уж с их самопровозглашенным лидером я как-то разберусь. Пилат бьется в клетке, которую выронила Корде, и я удовлетворенно думаю, что уже скоро все решится. Но когда птица вдруг падает замертво на дно клетки, и из ее клюва брызгает кровь, я понимаю, что это наступление Тьмы сулит нечто большее, чем обычно.

- Проклятый! – как один, вскрикивают пророки, тыча в меня пальцами. - Он привел с собой Красного Зверя!

Моментально обернувшись, я вижу фигуру, вставшую за моей спиной, пришедшую через прогнившую дыру в стене, появившуюся с наступлением Тьмы. Уже знакомый мне кровавый монстр в короне из стальных штырей. В руке он по-прежнему держит копье, но лишь теперь я замечаю, что оно имеет острия с двух сторон.

Красный Зверь обходит меня и указывает рукой на Дарта Сидиуса, на встревоженном лице которого блестят капли пота.

- Зверю нужен только он! – восклицают пророки, явно испытавшие облегчение, узнав это. Сидиус, которого они теснят вперед, к кровоточащему чудовищу, выбрасывает световой меч в последней надежде, что дело в красном клинке, но монстр качает головой и продолжает указывать на него. А за Красным Зверем выходят другие твари, которых я называл тускенами. Только теперь их руки свободны.

- Забраки... - слышу я шепот, сорвавшийся с губ Сидиуса.

Еще никогда здесь мне не было настолько ясно, что происходит и по какой причине. У каждого свои монстры, свои кошмары на Коррибане. «Тускены» хватают Сидиуса и опускают его на алтарь, двое из них вносят в зал две части черного пирамидального шлема, покрытого изнутри острыми стальными шипами. Я слышу приглушенный крик, обрывающийся, когда две половины пирамиды с хрустом смыкаются на голове учителя Мола.

В ритуальных палатах воцаряется тишина, нарушаемая лишь капаньем крови, которая вытекает из-под пирамидального шлема на алтарь. Но всем, кто присутствует здесь при казни предателя, еще только предстоит понять, чего же ждет Красный Зверь.

Обезглавленный Сидиус, преобразованный в Черную Пирамиду, фактически обретший свою истинную сущность, встает на ноги и поднимает с алтаря огромный кривой нож. Он возносит над собой несуразное ржавое оружие и нападает на Красного Зверя, но тот блокирует его атаку копьем. Теперь обливающийся кровью монстр перехватывает инициативу, пытаясь пронзить тело Черной Пирамиды. Сражение монстров не стремительное, их движения тяжелые, но все же зрелище чем-то завораживает. Мне кажется, что я вижу знакомые удары и стойки в атаках и позах Красного Зверя. И у меня снова нестерпимо болит голова.

В конце концов, Черной Пирамиде удастся перерубить пополам копье противника и вонзить нож в его живот, но Красный Зверь на последнем издыхании втыкает две части копья в его грудь и в мерзкое месиво гнилой кожи под пирамидой. И когда алтарь заполняется их кровью, убившие друг друга монстры исчезают, словно сожженные в невидимом огне. Тьма не отступает, она еще не завершила свою игру. Из смешанной крови чудовищ начинает подниматься нечто, и вскоре я понимаю, что передо мной восстает черный монстр в доспехах. Явившись полностью, он проводит рукой по воздуху – и нас двоих окружает кольцо огня. Передо мной оживает вторая часть моего худшего кошмара.

- Ты это я, - шумно дыша, хрипит черное существо, - опаленный отчаянием.

Это моя истина? Это мое будущее?! Может, я уподобляюсь ничтожному предателю Сидиусу, однако не хочу в это верить! Красный клинок загорается в моих руках, и я иду в атаку.

- Ты сгоришь, - парируя мои удары, продолжает хрипло вещать монстр. - Не здесь, так потом, когда уже ничто нельзя будет исправить!

Только сейчас я замечаю, что рукоять его оружия похожа на рукоять светового меча – моего меча, с той лишь разницей, что она покрыта ржавчиной. Нет возможности для бегства от истины. А тварь в шлеме продолжает свое пророчество:

- Когда кровь потечет между бедер твоей жены – нашей жены – ты вспомнишь все слова, что под печатью мудрости, но будет поздно!

- Моя жена мертва! – вырывается мой отчаянный крик.

Хриплый вдох и выдох. Взмах раскаленного железного прута и слова:

- Не произноси того, во что сам не можешь поверить.

Конечно, я поддался слабости, допустив возможность того, что Падме все еще ждет меня на Набу, в краю озер. Я ведь помню и мертвое тело у себя на руках, и похоронную процессию в позолоченном зеленоглавом городе Тиде.

- Я не верю — я знаю! — кричу я, чувствуя, как снова появляется влага в уголках глаз. - Я чувствую боль потери! Такую же, как когда потерял мать!

- Она была не твоя мать и не моя, - заявляет монстр в доспехах. - Только лишь инкубатор.

Такое кощунство разжигает мое негодование, придает мне силы, и я наношу удар в голову обожженной рослой твари. Сбив с него шлем, я впадаю в оцепенение. Мое лицо! Только на голове нет волос, а вокруг глаз темнота, что придает сходство с тем, частью кого являюсь я. И ожоги. Теперь я вспомнил все!

Я был на Коррибана много лет назад, был у Вечного Костра! Я видел уничтожение его Сердца, а до того — зверство Братства Тьмы и явление Дарта Бейна. Я помню, что хотели там сделать со мной! Дарт Мол принял мою участь! Взял это на себя!

- Ты такой чувствительный, - вновь шумно вздохнув, констатирует моя обожженная копия. - Ты никогда не был настоящим ситхом! Ты не одолеешь меня! Разве есть кто-то, кого ты ненавидишь настолько, чтобы меня уничтожить?

Теперь, когда черный провал в моей памяти осветила истина, когда я принял свою боль, когда осознал свой долг перед учителем, я знаю верный ответ.

- Себя, - мрачно и одновременно торжественно объявляю я и перебрасываю меч из одной руки в другую. Освободившейся рукой я, скрипя зубами от невыносимой боли, отдираю от своей груди крупного орбалиска и швыряю его в лицо своего монструозного двойника, а затем, пользуясь его замешательством, вонзаю клинок в его грудь. Тварь с моим лицом, заходясь хрипами, валится с ног, и огонь, окружавший нас, начинает угасать. Рана на моей груди кровоточит, и, пытаясь ее осмотреть, я замечаю, что все паразиты внезапно сами оставили мое тело. Теперь они ползут по полу, ползут огромным разрастающимся полчищем в сторону пророков. Кажется, стены ритуальных палат начинают вибрировать от криков — орбалиски заживо пожирают фанатиков, изрешечивая их тела, подобно мясным червям.

Что-то лежит в черной ладони убитого мною монстра в доспехах. Присев рядом, я вижу, что это мой первый подарок Падме – резная подвеска из дерева джапор. Я непременно должен найти письмо жены. Но, уже собираясь уйти, я замечаю, что граф Дуку еще жив. Проникающая рана между его правым виском и лбом сильно кровоточит, однако он даже не потерял сознание.

- Теперь ясно, чего Сидиус боялся, - тихо произносит граф, увидев меня. - Здесь его ученик стал его кошмаром. Мол возвращался сюда – и уже тогда Сидиус видел его как своего личного монстра. А теперь ты вернул его сюда насовсем...

Я, конечно, предполагал такое, узнавая стиль своего учителя в движениях Красного Зверя, но для меня становится новостью то, что именно я стоял за появлением монстра.

- Мертвого? – недоуменно переспрашиваю я.

- У Коррибана особые отношения со смертью, - напоминает Дуку.
- Но меня теперь он пощадит.

- Ты примиришься с мыслью о смерти? – поражаюсь я, ведь это так нетипично для адепта Темной Стороны. Все примеры в истории, все стремления величайших лордов ситхов были связаны с жаждой жить вечно. Но, похоже, совсем иные взгляды и ценности были у этого человека. Неспроста же он завел тогда со мной разговор о том, где его настоящий дом, был ли он когда-нибудь.

- Я не планировал вернуться в тот дворец с завешенными зеркалами, - объясняет граф Серенно. - Мне нужна была лишь гарантия моего покоя.

- И она у тебя теперь есть?

- Будет через несколько мгновений, - дает странный ответ Дуку и строго вглядывается в мои глаза. - Подумай только: у твоего учителя в руках было средство, способное дать бессмертие. Почему же он избавился от такого сокровища? Или какое побуждение на самом деле заставило тебя везти сюда его тело?

Договорив, он закрывает глаза. Я трясущим его за плечо. Мне так важно знать, что он сейчас имел в виду, но вместо вопросов я почему-то произношу совсем другое:

- Я вспомнил все. У меня на родине... очень мало воды. А на твоей родной планете есть океан.

Мне кажется, что мои слова заставляют графа едва заметно улыбнуться, но на самом деле это просто происходит расслабление всех мышц, когда жизнь покидает тело. Я больше не смогу ничего

спросить – Дуку теперь мертв. Кровь, смешанная с мозговой жидкостью, стынет на его седом виске. Темная Сторона – не легкий путь. Она отбирала у каждого из нас самое ценное. Его руки великого фехтовальщика, его мозг Получателя Мудрости.

Что ж, это мой путь, и рассуждать я должен сам. Дарт Бейн искал путь к бессмертию, потому что сомневался в ученице. Потому ли от бессмертия отказался Дарт Мол, что не сомневался во мне? Привлекательная версия. Но, если я за то короткое время научился понимать графа хоть сколько-нибудь, то уж никак не могу поверить, что Дуку хотел сказать мне именно это.

Я смотрю на подвеску из дерева джапор в своей ладони. Письмо Падме ее служанка оставила в зале с каменными статуями и колоннами. Вернувшись на первый этаж Академии и взглянув на план, я нахожу нужное помещение – Палату Темного Совета. Это единственный зал на самом верху здания, расположенный внутри самой черной пирамиды. Я поднимаюсь наверх по старой винтовой лестнице с разрушенными ступенями, перекрытыми шаткими скрипящими досками, едва выдерживающими мой вес. Передо мной тяжелые двери, которые некогда были окованы металлом, но сейчас их проржавевшая облицовка снята и брошена в стороне. Вместо замка углубление в форме сдавленного по бокам прямоугольника. И я держу в руке предмет той же формы. Подвеска действительно оказывается ключом. Я открываю дверь в зал, где не оказывается ни статуй, ни мест для сидения, только старые колонны, упирающийся в голый решетчатый пол. И здесь меня встречает Падме!

Она сидит на высоком троне, составленном из рук! Покореженных, вывернутых, сросшихся друг с другом мертвых рук! Но даже на ужасающего вида троне она так поразительно красива. На ней сверкающие синие одежды с переливающимися камнями, похожие на звезды в вечернем небе. Белые цветы вплетены в ее распущенные волосы... Святые звезды! В таком виде ее хоронили!

Я открываю рот, но ничего не могу сказать, оказавшись под ее гневным, осуждающим взглядом. Что же я сделал не так, о Падме?!

- Ты убил! – гневно выкрикивает она, словно услышав мой мысленный вопрос. - Думаешь, твоя рука – достаточная плата за это?!

Моя жена, живая здесь, на Коррибане, швыряет мне в лицо самое горькое прозрение. Это я убил ее!

Роковой день оживает в памяти. С нею был тогда только я... По приказу учителя я должен был это сделать... И я задушил ее. Да,

задушил. И так корил, так хотел наказать себя за это, что, не выдержав тяжести вины, сам отсек свою правую руку – ту руку, которой я умертвил ее!

- Падме, прости меня!!! – умоляю я, и получаю выкрик, полный злости:

- Ты думаешь, я могу простить тебя за такое?!!!

Ее трон поднимается вверх на каких-то ужасных конечностях. Ее платье становится лоскутами гнилой кожи и материи. Ее лицо темнеет, и, словно следы от слез, его расчерчивают прожженные борозды, идущие от закрытых глаз к уголкам черного рта. Цветы в волосах засыхают и сворачиваются, превратившись в личинок каких-то насекомых.

Черные, похожие на лозы, щупальца с молниеносной скоростью вырываются из-за спины мертвой женщины на троне из человеческих рук и устремляются ко мне. Они хватают меня за горло. Это стоящая расплата. Но мне нельзя сдаться, не за гибелью же я прошел такой путь. Я отсекаю лозу, сдавившую мое горло, и пытаюсь подбежать к трону, но меня хватают новые щупальца. В этот раз, отсекая их, я стараюсь удержать лозоподобное щупальце в руке, чтобы не позволить монстру отдалиться от меня. И когда я приближаюсь к чудовищному трону, моя шея вновь оказывается в захвате, но я, стерпев удушье, продолжаю двигаться вперед и закалываю световым клинком чудовище. Я чувствую, как щупальце само расслабляется и сползает с моей шеи, когда из-за нехватки воздуха и головной боли туман клубится перед моим взором.

Зрение постепенно возвращается ко мне. Тьма рассеивается, а на решетчатом полу появляется тело Падме. Между сложенных на груди рук покоится ее письмо. Теперь я могу узнать, что же она хотела мне сказать:

«Мне снятся плохие сны. О том, что ты стал на путь, который я не могу принять.»

Ты обещал, что положишь конец своей тайной жизни и темной работе, но слово свое не сдержал.

Ты стал чаще говорить о том, что мечтаешь, чтобы мы правили Галактикой вместе, о том, как хочешь мира после свержения власти, как будто тебя интересует только это, хотя я верю, что это не так. Я знаю, что ты хороший человек, и ничто в мире не стоит того, чтобы ты изменял себе! Не знаю, что за работу и на кого ты делаешь, не хочу знать, но мне не по себе от

влияния, которое оказывается на тебя там. Порой мне становится страшно от мыслей, что дело в другом, что это я и моя жизнь испортили тебя, ведь прежде ты был совсем другим. Иногда ты просто не хочешь слышать никого, кроме себя. Не разбивай мне сердце, Энакин! Я не прошу тебя о многом, мне нужна только твоя любовь! Мы можем отрешиться от всего остального, пока это возможно!

Я очень жду тебя, на Набу, в нашем «особом месте». Жду, что ты обнимешь меня, как когда-то. Когда вокруг не было ничего, кроме нашей любви – ни политики, ни интриг, ни войн. Я ужасно скучаю по тебе.

Мне не терпится рассказать тебе самую важную новость, Эни. Произошло нечто чудесное. Я беременна! Наверное, большего счастья я не знала никогда!

Но я боюсь, Эни. Боюсь, что на самом деле ты не хочешь быть со мной. Хочешь не только этого. Может, все это время я требую от тебя слишком многого, и мало даю тебе взамен. Может, я виновата перед тобой, что пытаюсь давить на тебя с этим решением, не хочу делить тебя ни с кем и ни с чем. Я научилась не бояться ни боли, ни даже смерти - я умирала каждый день, когда ждала тебя.

Но я хочу, чтобы ты помнил кое-что, Эни. Я всегда буду любить тебя. Даже если ты сделаешь что-то, что я не смогу принять, если сбудутся сны, я все равно скажу, что не променяла бы наши совместные годы ни на что на свете! Эти годы были чудесны.

Ты сделал меня счастливой, Энакин».

Только теперь я имею полное право говорить, что вспомнил все! Что же я наделал! Горячие слезы срываются с моих глаз, обжигая сухую обветренную кожу на скулах.

До того, как еще один черный провал образовался в моей памяти, до того, как я стал напиваться до беспамятства в кантине «КрасныйРом», до того, как я услышал зов Коррибана, учитель дал мне последнее задание, которое тогда еще можно было называть крайним. «Ты готов к решающему испытанию, мой юный ученик, - обращался ко мне Мол. - Ты должен подтвердить свою готовность стать истинным Лордом Ситхов, убив того, кто тебе дорог. Сегодня ты убьешь ее – королеву Набу, Падме Амидалу Наберри, твою законную жену. Именно сейчас, когда ты сам принадлежишь к Королевскому дому Набу. Это даст тебе власть и новые полномочия,

а также научит тебя быть хозяином своих страстей. Есть полезные, а есть опасные страсти. Ты должен понять это». Я выполнил приказ. Я смог переступить через свои ценности, даже зная, что Падме носит двоих моих детей! Но потом сам в порыве отчаяния отсек себе руку, которой задушил ее, а когда пришла охрана, сказал, что все это сделал ситх. И ведь я не соврал!

Дарт Мол оценил то, что я сделал. «Пожертвовать рукой ради отвода глаз – хороший ход, - говорил он тогда, и с каждым его словом во мне росла боль и необузданная ярость. - Я восхищен. Ты справился, мой ученик. Отныне ты – Лорд Ситхов. Я даю тебе новое имя – Дарт Вейдер». И после этих слов я убил его! Тем самым красным кинжалом, которым он уничтожил Сердце Коррибана. Я не хотел слышать свое новое имя, полученное такой ценой! И, сам не до конца понимая это, я не хотел, чтобы он вписал в свой голокрон последнюю фразу: «На Коррибана ты поймешь: единственный настоящий монстр – это ты».

Конечно, я уцелевший фрагмент сущности Бейна, и без меня испорченная реальность не существовала бы. Но не это заставляет меня чувствовать себя чудовищем.

Мол учил меня ненависти, а Падме – любви, и я, кажется, не научился ни тому, ни другому. Я любил ее, но заставил ее сомневаться в моих чувствах. Я ненавидел его, но убил, потому что не сумел жить с ненавистью.

Это значит, что Коррибан – всецело моя реальность. Я заслужил ее. Когда-то я был нетронутым Тьмой и не видел ни тумана с пеплом, ни чудовищ, но теперь я растратил то благо, что во мне было. В меня непоправимо въелась грязь моих грехов, подобно копоти.

Но все это значит и то, что сейчас на мертвой планете моя власть, и здесь я могу все исправить. До этого дня, пытаюсь исправить хоть что-то, я лишь усугублял ситуацию. Заклинаю, больше так не будет!

Я бережно и трепетно беру тело Падме на руки. Я отнесу ее к Великому Храму. Там состоится Багровая Церемония.

Мне плевать на Орден Ситхов. Мне плевать на всю Галактику. Гори оно все огнем! Я должен исправить то, что я сделал! Красный кинжал, белый экстракт, черный кубок и голокрон Дарта Плэгаса Мудрого, с вас все начнется!

Я все исправлю, Падме! Мы будем вместе снова! Мы будем вместе! Навсегда.

